

Р. Г. О.
Дублетъ
для продажи
№ _____

ПОЛОЦКО-ВИТЕБСКАЯ
СТАРИНА.

Издание Витебской Ученой Архивной Комиссiи.

Кн. I.

ВИТЕБСКЪ.
Типографiя Насл. М. Б. Неймана.
1911 г.

Отъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи.

Измѣняя названіе своего періодическаго изданія „Труды Витебской Ученой Архивной Коммиссіи“ на названіе „ПОЛОЦКО-ВИТЕБСКАЯ СТАРИНА“, Витебская Ученая Архивная Коммиссіа желаетъ этимъ расширить программу своего изданія.

Въ составъ первой Книги „Трудовъ Витебской Ученой Архивной Коммиссіи“ вошли статьи исключительно научнаго содержанія, посвященныя изслѣдованію прошлаго Полоцко-Витебской области, и прежнее названіе вполне выражало его содержаніе.

Въ виду того, что отъ наблюденія Витебской Ученой Архивной Коммиссіи не ускользнуло значеніе нѣкоторыхъ современныхъ, переживаемыхъ нами событій, Коммиссіа, увѣренная въ томъ, что эти событія со временемъ будутъ возбуждать у нашихъ потомковъ историческій интересъ, идетъ на встрѣчу будущимъ ученымъ изслѣдователямъ, отводя мѣсто въ своемъ изданіи для современной Полоцко-Витебской лѣтописи.

Но при такомъ объемѣ содержанія, прежнее названіе уже не будетъ уместно. Вотъ причины измѣненія названія.

Коммиссіа считаетъ долгомъ извѣстать интересующихся ея изданіями, что Полоцко-Витебская Старина будетъ выходить періодически отъ двухъ до трехъ выпусковъ въ годъ.

Во второмъ выпускѣ Полоцко-Витебской Старины предполагено помѣстить:

1) Изслѣдованіе Д. С. Леонардова „Всеславъ, князь Полоцкій и его время“.

2) Матеріалы, касающіеся войны 1812 года, извлеченные М. А. Мельниковой изъ Витебскаго Губернскаго Архива;

3) Статью И. С. Рябинина „Историческій очеркъ о м. Бѣшенковичахъ“;

4) Акты, касающіеся реликвій ксеядза Андрея Боболія, хранящихся въ Полоцкомъ Доминиканскомъ костелѣ;

5) Матеріалы о Польскомъ возстаніи 1863 года, извлеченные изъ архивовъ Витебской губерніи и другія статьи, которыя Редакціонная Коммиссіа найдетъ возможнымъ сдать въ печать.

Первая книга «Полоцко-Витебской Старины» издана на средства почетнаго члена Витебской Ученой Архивной Коммиссіи

Ибама Хрисахфовича Колодѣба.

Г. Витебскъ

Декабрь, 1911 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е:

Часть I.

1. Историческій очеркъ Витебской Бѣлорусси—**А. П. Сажунова.**
2. Памятники церковной старины въ Витебской губерніи и ихъ охраненіе—**П. М. Красовицкаго.**
3. Спасо-Преображенскій монастырь въ г. Витебскѣ—**Н. Ф. Тоннакова.**
4. Грюнвальдскій бой и его значеніе для славянъ—**П. А. Брачковскаго.**
5. Василій Осиповичъ Ключевскій. Воспоминанія слушателя—**Н. Н. Богородскаго.**
6. Ода на посѣщеніе Полоцкаго главнаго народнаго училища бѣлорусскимъ генераль-губернаторомъ 7 декабря 1789 г., составленная учителемъ этого училища **Иваномъ Сокольскимъ.**
7. Витебскій Губернскій Архивъ. 1886 годъ. Дѣло о сооруженіи монументовъ въ Витебской губерніи въ память 1812 года.
8. Матеріалы для исторіи Отечественной войны 1812 года, извлеченные изъ Витебскаго Губернскаго Архива **Н. А. Мельниковой.**

Часть II.

Современная Полоцко-Витебская Лѣтопись.

9. Н. Я. Никифоровскій (некрологъ)—**В. И. Стукалича.**
10. О достопамятныхъ Спасо-Евфросиньевскихъ дняхъ въ Полоцкѣ 20—28 мая 1910 года—**Н. Н. Майгородова.**
11. Семидесятипятилѣтіе Полоцкаго кадетскаго корпуса—**Н. Н. Майгородова.**
12. Засѣданіе Губернскаго Комитета по дѣламъ земскаго хозяйства 5 февраля 1911 г. по вопросу о денежномъ ассигнованіи на сооруженіе памятника героямъ Отечественной войны 1812 года въ гор. Витебскѣ.
13. Торжественное засѣданіе Витебской Ученой Архивной Комиссіи 24 сентября 1911 года, посвященное памяти почетнаго члена Комиссіи Предсѣдателя Совѣта Министровъ **П. А. Столыпина—С. П. Сахарова.**
14. Памяти дѣйств. члена Витебской Ученой Архивной Комиссіи **Ивана Ивановича Долгова—Д. С. Леонардова.**
15. Открытіе Витебскаго Учительскаго Института.
16. Открытіе Витебскаго реальнаго училища.
17. Витебскія торжества 26 и 27 октября 1911 года по случаю закладки памятника героямъ Отечественной войны 1812 года и открытія Витебскаго отдѣленія Московскаго Археологическаго Института.—**С. П. Сахарова.**

Часть III.

П р и л о ж е н і я.

18. Отчетъ о дѣятельности Витебской Ученой Архивной Комиссіи за первый годъ ея существованія. (1909—1910 годъ).
19. Денежный отчетъ Витебской Ученой Архивной Комиссіи за первый годъ ея существованія.
20. Отчетъ о дѣятельности Витебской Ученой Архивной Комиссіи за второй годъ ея существованія (1910—1911 годъ).

Часть I.

Историческій очеркъ Витебской Бѣлоруссіи.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію историческихъ судебъ Витебской Бѣлоруссіи, необходимо, хотя вкратцѣ, сказать: что же такое Бѣлоруссія и кто такіе бѣлоруссы?

Польскіе этнографы записывали (да и записываютъ) въ провинціальную разновидность націи польской, наряду съ мазурами и малопольяками, и народность бѣлорусскую; недавно же одна изъ польскихъ газетъ заявила, что „бѣлоруссъ“ и „литовець“—это-де только крестныя имена при общей фамиліи „полякъ“. Нѣкоторые литовско-латышскіе публицисты, въ послѣднее время, ничтоже сумняся, въ свою очередь, заявляютъ, что „бѣлоруссы—славянизированные литовцы“.

Да и въ нашей русской литературѣ недавно еще возникалъ вопросъ: существуетъ ли самая бѣлорусская народность? Вопросъ этотъ не покажется страннымъ, если мы вспомнимъ, что до послѣдняго времени для русскаго общества „знакомство съ Бѣлоруссіей, по выраженію И. С. Аксакова,—что-то въ родѣ Колумбова открытія Новаго Свѣта“, и началось оно только въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Колумбомъ нашимъ явился бѣлоруссъ—проф. М. О. Кояловичъ, своими „Чтеніями по Исторіи Западной Россіи“...

Насколько русское общество первой половины прошлаго вѣка вообще имѣло смутныя представленія о Западномъ краѣ, показываютъ

путевныя записки ученаго академика Севергина. Проѣжая по Бѣлоруссiи (въ 1803 г.), встрѣчая адѣсь православныя церкви, присутствуя въ нихъ на богослуженiи, Севергинъ самымъ серьезнымъ и прстодушнымъ образомъ считалъ православныхъ бѣлоруссовъ „схизматиками“ (какъ называли бѣлоруссовъ православнаго исповѣданiя поляки) и удивлялся, что богослуженiе «очень похоже на греко-россiйское богослуженiе».. Не больше пониманiя дѣйствительнаго положенiя вещей въ Бѣлоруссiи обнаруживали тогда и высшiя правящiя сферы. Самъ Н. М. Карамзинъ въ своей „Исторiи Государства Россiйскаго“ проглядѣлъ существованiе недѣ не-русскою династiей Гедиминовичей русскихъ национальныхъ элементовъ. Даже возставая противъ плана Императора Александра I возстановить подъ своимъ скипетромъ Польшу въ границахъ 1772 года, черезъ присоединенiе къ новообразованному королевству (царству) Польскому Литвы, Бѣлоруссiи и Правобочной Украины, Карамзинъ признаетъ этотъ планъ великодушнымъ, но только невыгоднымъ для Россiи,—при чемъ упоминаетъ о правѣ меча, о старой династической принадлежности этихъ краевъ Россiи, но ни словомъ не упоминаетъ о непольскихъ народностяхъ этихъ краевъ. „Литва, Волинь, пишетъ Карамзинъ, хотятъ возстановленiя королевства польскаго, а мы желаемъ единства государства руссiйскаго“... О бѣлоруссахъ ни слова!

Необходимо, однако, отмѣтить, что историкъ Устряловъ уже въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка, указавъ на упущенiя Карамзина, настаивалъ на русскомъ характерѣ населенiя бывшаго великаго княжества Литовскаго. Но новыя идеи туго усвоивала даже официальная русская наука, не говоря уже о массѣ русскаго общества, въ которомъ всегда такъ слабо историческое самосознанiе.

Въ существѣ своемъ, понятiя Карамзина остались и до сихъ поръ понятiями средняго русскаго образованнаго челоѣка, для котораго и до сихъ поръ за Смоленскомъ начинается „Польша“...

Только въ самое послѣднее время въ массу русскаго образованнаго общества стало проникать сознанiе, что Западная Русь не по одному только преданiю носить такое названiе, что особенности языка бѣлоруссовъ, ихъ нравы и обычаи, богатая народная литература и

т. д. воочію доказываютъ существованіе отдѣльнаго бѣлорусскаго племени. Настоятъ, притомъ, вопіющая нужда знать Бѣлоруссію— (эту, по выраженію Императора Николая I, „красавицу, но безприданницу“), знать ее по-русски, понимать ее по-русски, т. е. съ русской точки зрѣнія.

Посмотримъ же, гдѣ живутъ бѣлоруссы, сколько ихъ и какимъ языкомъ говорятъ они.

Отвѣтить на эти вопросы нетрудно, благодаря „Первой всеобщей переписи населенія Россійской имперіи 1897 г.“ и особенно трудамъ покойныхъ профессоровъ Кояловича и Пыпина и здравствующихъ: акад. А. И. Соболевскаго, проф. Е. Ф. Карскаго, проф. М. В. Довнаръ-Звановскаго и другихъ*).

Живутъ Бѣлоруссы въ семидесяти двухъ уѣздахъ слѣдующихъ 14 губерній: Витебской, Минской, Могилевской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Смоленской, Черниговской, Псковской, Тверской, Орловской, Калужской, Сувалкской и Курляндской.

Проф. Колосовъ находитъ бѣлорусскія особенности даже въ нѣкоторыхъ уу. Московской губ., именно, въ уу. Руаскомъ, Волоколамскомъ и Можайскомъ.

Западная граница бѣлорусскаго племени идетъ отъ гор. Августова, Сувалкской губерніи, прямо на югъ до г. Суража, Гродненской губ.; сѣверная — отъ ст. Корсовка, Витебской губ., на востокъ — на Великія-Луки, Псковской губ., до г. Зубцова, Тверской губ., гдѣ граница поворачиваетъ прямо на югъ и идетъ нѣсколько западнѣе гг. Брянска и Трубчевска, Орловской губ., до Новгородъ-Сѣверска, Черниговской губ.; здѣсь граница поворачиваетъ на западъ; самымъ южнымъ пунктомъ будетъ впаденіе р. Припяти въ рѣку Днѣпръ.

Территорія эта, имѣющая протяженіе съ в. на з. около 750 верстъ, а съ с. на ю. около 600 вер. (по вычисленію А. Киркора, Бѣлоруссія

*) Прекрасный трудъ проф. Е. Ф. Карскаго „Бѣлоруссы“, (Варшава, 1903 г., отгискъ изъ „Видекаго Временика“, № 1) долженъ быть настольной книгой для всѣхъ интересующихся Бѣлоруссіей.

занимаетъ 180,402 кв. версты), при началѣ русскаго государства была заселена слѣдующими славянскими племенами: кривичами, сидѣвшими по верховьямъ рр. Двины, Днѣпра и Волги; часть кривичей называлась полочанами: „рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота“, по которой сидѣли они; затѣмъ дреговичами, жившими между рр. Припятью и Двиною; рядомъ съ дреговичами, за Днѣпромъ, по р. Сожу, жили радимичи, имѣя къ востоку сосѣдей—сродныхъ имъ вятичей, а къ югу—сѣверянъ; послѣдніе тоже были сродни радимичамъ; сосѣдями дреговичей съ юга были превляне и бужане или волыняне, а съ запада сосѣдили уже литовскія племена.

Изъ перечисленныхъ русскихъ племенъ полностью вошли въ составъ нынѣшней бѣлорусской территоріи только дреговичи и радимичи; значительной долей—кривичи, полочане.

Уже въ историческое время бѣлорусское племя развило свою колонизацію на востокъ—къ Поволжью; такимъ образомъ, оно является однимъ изъ основныхъ элементовъ въ образованіи великорусскаго племени. Эту-то мысль проводитъ недавно скончавшійся И. Е. Забѣлинъ въ своей „Исторіи русской жизни“, а также акад. А. И. Соболевскій („Лекція по исторіи русскаго яз.“) и акад. А. А. Шахматовъ (въ 55 полут. Энцикл. слов. Брокгауза).

Изъ всѣхъ указанныхъ выше племенъ самыми интересными являются для насъ кривичи.

Что собственно значить имя кривичи—трудно сказать: одни производятъ его отъ бѣлорусскаго слова „кроу“—„криви“, и тогда кривичи будетъ значить „кровные“, родственники; другіе производятъ это названіе отъ „криве“, литовскаго первосвященника.

Литовское и бѣлорусское племена съ незапамятныхъ временъ жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ; возможно, что часть, по крайней мѣрѣ, бѣлоруссовъ вмѣстѣ съ литовцами находились въ вѣкоторой зависимости отъ одного верховнаго жреца, литовскаго „криве-кривейго“. Литовцы, въ свою очередь, впоследствии легко подчинились христіанству, когда оно распространилось между бѣлоруссами.

Трудно сказать что-либо определенное и относительно названія «Бѣлоруссія», «бѣлоруссы»; трудно даже сказать, когда въ первый разъ появилось имя «Бѣлой Руси». Официальное употребленіе этого имени—въ царскомъ титулѣ—начинается съ 50-хъ годовъ XVII в., именно, со времени литовскаго похода царя Алексѣя Михайловича, въ 1654 г. Нѣкоторые ученые думаютъ, что официальное названіе „Бѣлая Русь“ въ титулѣ русскихъ царей явилось послѣ терминовъ „Великая Русь“, „Малая Русь“ и въ подражаніе имъ. Но у писателей сосѣднихъ нѣмецкихъ племенъ и у поляковъ это названіе встрѣчается уже во второй половинѣ XIV вѣка, причемъ о Бѣлой Руси говорится, какъ о чемъ-то вполне извѣстномъ, всемъ понятномъ. Отсюда естественно слѣдуетъ заключить, что это названіе было общеизвѣстнымъ, живымъ народнымъ выраженіемъ, издавна употребительнымъ.

Первые русскіе историки (напр., Татищевъ) названіе Бѣлой Руси относили къ древнему времени и включали въ границы ея Ростовско-Суздальскую область. Князья владимирскихъ они именуютъ «бѣлорусскими». Это, замѣтимъ кстати, вполне совпадаетъ съ указаніями И. Е. Забѣлина, акад. А. И. Соболевскаго и А. А. Шахматова на колонизацію Ростовско-Суздальской области бѣлорусскими племенами. Карамзинъ говоритъ, что онъ нигдѣ не встрѣчалъ имени Бѣлой Руси до Ивана III; этотъ государь называлъ свое государство Бѣлой Россіею, т. е. великою или древнею по смыслу этого слова въ языкахъ восточныхъ. И теперь на востокѣ называютъ русскаго царя «акъ—падышахъ», т. е. бѣлый царь. Но нельзя отвергать и того, что названіе Руси Бѣлой существовало издревле; эпитетъ этотъ извѣстенъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ: уже въ VI в. существовала Бѣлая Сербія, Бѣлая Хорватія.

Въ настоящее время простой народъ въ Бѣлоруссіи не знаетъ этого названія; на вопросъ, кто ты? простолюдинъ, если онъ православный, отвѣчаетъ—«русскій», а если онъ католикъ, то называетъ себя или полякомъ, или просто скажетъ «тутэйшій» (здѣшній).

Но какъ могъ появиться терминъ «Бѣлая Русь» и что онъ означаетъ? Терминъ этотъ приурочивается или къ физическому признаку—цвѣту, или же истолковывается въ переносномъ смыслѣ, означая

„независимый“, „свободный“. Въ древнихъ актахъ мы находимъ выраженія: «бѣлая земля»; въ противоположность «черносошной» землѣ, „бѣлая земля“ означаетъ землю, освобожденную отъ податей и повинностей; „бѣлое мѣсто, не тягловъ“, т. е. вольное, свободное. Въ такомъ смыслѣ „бѣлый свѣтъ“ — вольный мѣръ, „бѣлый царь“ — вольный, незаряженный царь; въ этомъ-же смыслѣ, быть можетъ, и „Бѣлая Русь“, какъ не покоренная татарами, свободная.

Не лишено значенія и ходячее объясненіе эпитета „Бѣлая Русь“ по внѣшнему виду бѣлоруссовъ; любимый цвѣтъ бѣлоруссовъ — бѣлый: одѣваются они въ бѣлые кофужки, бѣлые носовы, носятъ бѣлые ма-герки (шапки), а женщины — бѣлые платки. Такое одѣяніе удержалось до сихъ поръ въ глухихъ угдахъ Бѣлорусскія; въ старину такая одежда была повсемѣтной.

Перейдемъ теперь къ подсчету бѣлоруссовъ. Къ 1903 году бѣлоруссовъ было около 8½ милліоновъ (8.817.900). Цифра эта, по заявленію проф. Карскаго, представляетъ лишь минимумъ; слѣдовательно, въ настоящее время мы смѣло можемъ поднять эту цифру, по крайней мѣрѣ, до 9 милліоновъ.*)

Необходимо замѣнить, что подсчетъ этотъ, сдѣланный проф. Карскимъ на основаніи этнографическихъ даныхъ, нѣсколько отличается отъ цифръ Переписи 1897 года. Именно, по Переписи, во всей Россіи бѣлоруссовъ около 6 милліоновъ (5.885,000) или 4,6% всего населенія Россіи; въ бѣлорусско-литовскомъ краѣ (губ. Витебской, Могилевской, Минской, Виленской, Гродненской и Ковенской), по Переписи 1897 г., живутъ почти 5½ милліоновъ (5.546,200) бѣлоруссов**).

На 5½ милліоновъ бѣлоруссовъ въ бѣлорусско-литовскомъ краѣ живутъ: не много болѣе ½ милл. поляковъ (565,700), — ровно столько

*) Губерніи, по количеству въ нихъ бѣлорусскаго населенія, согласно исслѣдованіямъ проф. Е. О. Карскаго, идутъ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: 1) Минская — 1.785,023, 2) Могилевская — 1.650,969, 3) Виленская — 1.076,435, 4) Витебская — 976,623, 5) Смоленская — 947,826, 6) Гродненская — 861,640, 7) Черниговская — 700,000, 8) Тверская — 125,000, 9) Ковенская — 60,000, 10) Псковская — 42,400, 11) Калужская — 41,629, 12) Орловская — 38,484, 13) Сувалкская — 22,390, 14) Курляндская — 20,981.

***) 1) Минской — 1.635,100, 2) Могилевской — 1.360,500, 3) Виленской — 694,900, 4) Витебской — 783,600, 5) Гродненской — 705,000, 6) Ковенской — 37,800, 7) Черниговской — 151,500, 8) Смоленской — 101,000, 9) Сувалкской — 26,600, 10) Курляндской — 12,300, 11) Орловской — 3,000, 12) Псковской — 2,900, 13) Калужской — 700, 14) Тверской — 400.

же, особенно в великоруссовъ (546 т.),—не много болѣе 1½ миллионъ литовцевъ, латышей и жмудийъ (1.618,500), менѣе 1½ милл. евреевъ (1.414,000); другихъ народностей ничтожное сравнительно количество.

По вѣроисповѣданіямъ, население бѣлорусско-литовскаго края распредѣляется, по Переписи 1897 г., такъ: православныхъ со старообрядцами—5½ милл. (5.894,000), прочихъ христіанскихъ исповѣданій, преимущественно католиковъ—3¼ милл. (3.281,000), въ томъ числѣ бѣлоруссовъ-католиковъ до 800 т., иудейскаго 1½ миллиона (1.414,000).

Чѣмъ же объяснить разницу между исчисленіемъ бѣлоруссовъ Переписи 1897 г. и подсчетомъ проф. Карскаго? Разница эта, по всей вѣроятности, явилась вслѣдствіе указанной выше причины: бѣлоруссы-простолюдины не называютъ себя бѣлоруссами, а потому во время Переписи, при вопросѣ о народности, бѣлоруссы-православные отвѣчали, что они „русскіе“, а бѣлоруссы-католики, что они „польской вѣры“, а не всегда разборчивые счетчики записали ихъ „поляками“. Даже въ официальномъ языкѣ народность нерѣдко отождествляется съ вѣроисповѣданіемъ: православные—русскіе, католики—поляки. Особенно досадно и важно по своимъ послѣдствіямъ смѣшеніе словъ полякъ и католикъ. Вѣдь это же нелѣпость: не всѣ вѣдь поляки католики, а тѣмъ болѣе не всѣ католики—поляки.

Поляковъ, какъ основной народности, въ Западномъ Краѣ нѣтъ вовсе, да и не было никогда!

Не болѣе трехъ вѣковъ тому назадъ все население Бѣлоруссіи было сплошь бѣлорусскимъ, сплошь православнымъ. Я говорю здѣсь о Бѣлоруссіи, какъ болѣе мнѣ извѣстной, но то же положеніе дѣла было и во всамъ Западномъ краѣ. (О латышахъ и литовцахъ тутъ рѣчь не идетъ, то—особь статья).

Въ силу историческихъ данныхъ, въ Бѣлоруссіи въ настоящее время есть бѣлоруссы-католики, хотя и не особенно много, не болѣе 10%.

Высшій классъ бѣлоруссовъ-католиковъ, болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы, въ теченіе трехъ вѣковъ усвоили себѣ польскій

языкъ, приобщились польской культурѣ и въ настоящее время, проникнутые польскимъ духомъ, величаютъ себя поляками. Но и такихъ поляковъ надо считать только сотнями, а ужь никакъ не десятками тысячъ.

Правда, и они, вотъ эти поляки, называютъ себя иногда бѣлоруссами; но это только тогда, когда такое заявленіе можетъ принести имъ въ томъ или иномъ отношеніи выгоду. Такія слова ихъ, конечно, ни къ чему не обязываютъ, это только слова, слова! Но разъ они хотятъ быть поляками, пусть будутъ поляками,—это ихъ дѣло.

Но мелкая шляхта и крестьяне-католики въ домашнемъ быту говорятъ, обыкновенно, по бѣлорусски и почти ничѣмъ не отличаются отъ своихъ собратій—православныхъ бѣлоруссовъ. Зачислять въ число поляковъ этихъ бѣлоруссовъ только потому, что они католика, это ужь прямо этнографическій грабежъ, если позволительно такъ выразиться.

Вотъ какъ въ жизни сказывается иногда столь желанная свобода совѣсти: пожелалъ человѣкъ быть католикомъ, а, смотришь, его записали уже и въ поляки. Да это уже почти совершившійся фактъ: вѣдь, Законъ Божій римско-католическаго исповѣданія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Западнаго края преподается исключительно на польскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, наши бѣлоруссы-католики исподоволь колонизируются...

Имѣя въ виду все вышесказанное, необходимо число бѣлоруссовъ, указанное Переписью 1897 г., въ бѣлорусско-литовскомъ краѣ значительно повысить, а число поляковъ понизить. Отожествленіемъ понятій православнаго и русскаго объясняется и то явленіе, что, напримѣръ, въ Тверской губ., по исчисленію проф. Карскаго, 125 тысячъ бѣлоруссовъ, а по Переписи 1897-года—ихъ всего 400: остальное число, очевидно, сошло за «русскихъ», т. е., по мнѣнію счетчиковъ, непременно великоруссовъ.

Исчисленіе проф. Карскаго, сдѣланное на основаніи этнографическихъ данныхъ, несомнѣнно, точнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ данныя Переписи 1897 г.

На всемъ вышесказанномъ пространствѣ 72 уѣздовъ господствуетъ бѣлорусскій языкъ. «Бѣлорусское нарѣчіе,—говорить извѣстный славистъ Срезневскій,—принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ мѣстныхъ видоизмѣненій русскаго народнаго языка; оно важно и по обширности пространства, на которомъ господствуетъ, какъ языкъ народный».

Я не буду вдаваться въ подробности относительно особенностей бѣлорусскаго языка и только вкратцѣ отмѣчу историческія судьбы этого языка.

Авторъ начальной лѣтописи нигдѣ не касается отличій тѣхъ или другихъ русскихъ племенъ въ языкѣ; все они у него «словѣнскъ языкъ въ Руси». Но различіе въ говорахъ начало сказываться въ древней Руси довольно рано. Уже въ XII—XIII в.в. выдѣляются говоры кievскій, галицко-волынкскій, новгородскій и смоленско-полоцкій. Смоленско-полоцкій говоръ былъ очень близокъ къ говору дреговичей и радимичей. Этимъ и объясняется то явленіе, что эти три племени выработали съ теченіемъ времени одно нарѣчіе и слились въ одну бѣлорусскую народность.

Итакъ, главнѣйшія особенности современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ въ большей или меньшей степени сложились не позже XIII в. Въ большинствѣ особенностей бѣлорусское нарѣчіе является „прямымъ носителемъ общерусскихъ чертъ“.

Бѣлорусское нарѣчіе было нѣкогда языкомъ мѣстныхъ дѣловыхъ актовъ и грамотъ. По завоеваніи западнаго края Литвою, оно осталось государственнымъ языкомъ литовско-русскаго великаго княжества. Языкомъ дѣловой официальной жизни бѣлорусское нарѣчіе оставалось съ XIV вплоть до XVIII вѣка. Такъ, этому языку принадлежитъ такой замѣчательный памятникъ, какъ Литовскій Статутъ (правильнѣе—Бѣлорусскій, такъ какъ онъ—плодъ генія бѣлорусскаго народа), напечатанный въ Вильнѣ въ 1588 году, и та масса историческихъ документовъ, какая появляется въ новѣйшихъ археографическихъ изданіяхъ.

Вотъ образчикъ языка Литовскаго Статута: „Што продохъ нашъ славное памети, король его милость и велики князь литовскій, Жик-

гимонтъ Августъ выдаючи ку вжыванью обывателемъ того паньства, князства литовьскаго, сесь статутъ права посполитого земскаго и т. д.*... Особенно замѣчательно въ Статутъ слѣдующее мѣсто: «А писаръ земски маеть по русски, литерами и словы русскими вси листы, выписы и позвы писати, а не иншимъ езыкомъ и словы...»*)

На томъ же бѣлорусскомъ языкѣ написаны такъ-называемыя литовскія (точнѣе, западно-русскіе) лѣтописи: „Лѣтопись Быховца“ (изд. Нарбутомъ въ 1827 г.), «Лѣтопись вел. кн. литовскихъ» (изд. Марциновскимъ въ 1827 г., а затѣмъ А. Поповымъ въ 1854 г.), «Варколабовская лѣтопись» (охватывающая событія 1526—1608 гг.; издана нѣсколько разъ: Кулишемъ, М. В. Довнаръ-Запольскимъ, Е. Р. Романовымъ); Скориною, уроженцемъ Полоцка, издана Библия въ 1517 г. въ Прагѣ; имъ же изданы Псалмы и Дѣянія Апостольскія въ 1526 г.; Василиемъ Тяпинскимъ, полоцкимъ шляхтичемъ, переведена на бѣлорусскій языкъ и напечатана около 1580 г. въ своей типографіи (въ Лепельскомъ у.) Библия; многія изъ политическихъ сочиненій въ эпоху религіознаго движенія XVII в. также написаны на бѣлорусскомъ нарѣчьи. **)

Въ послѣднее время въ Западномъ краѣ взялись за изданіе и разработку памятниковъ древней западно-русской письменности. Путь этотъ оказывается самымъ счастливымъ. Имъ можно дойти до самаго вѣрнаго пониманія западно-русской жизни. Въ этихъ памятникахъ вездѣ и во всемъ—одно великое, объединяющее всехъ русскихъ, слово—Русь и Русь. «Литовская Русь, говоритъ одинъ изъ ученыхъ,—исконная Русь, сидѣвшая на старомъ корню».

Да, наконецъ, объ этомъ,—что край нашъ искони русскій,—буквально «камни вопіють»: я имѣю въ виду такъ-называемые „Борисовы камни“, находящіеся по берегамъ и въ руслѣ рѣки Западной Двины, а также и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи; славянскія над-

*) Замѣчательно, что когда впоследствии Статутъ былъ переведенъ на польскій языкъ (впервые въ 1648 г.), то во всехъ изданіяхъ его вышеприведенныя слова повторяются безъ всякаго измѣненія: „A Pisarz Ziemski ma po ruski literami y slowy Ruskiemi wszystkie listy, wypisy y pozwy pisac, a nie inszym jezykom y slowy“.

**) Интересно мнѣніе объ этомъ и нѣкоторыхъ польскихъ публицистовъ. „Никто не станетъ отвергать, пишетъ „Gazeta Polska“, что языкъ могилевскаго или витебскаго бѣлорусса есть русскій языкъ. Не отвергали этого и въ польскія времена; наоборотъ, этотъ языкъ былъ языкомъ государственныхъ актовъ“... Но далеко не вся польская періодическая печать относится такъ добросовѣстно къ этому вопросу.

лися на этихъ камняхъ приписываются полоцкому князю Борису Всеславичу, скончавшемуся въ 1128 г.; сюда же слѣдуетъ отнести и „Рогволодовъ камень“, близъ г. Орши, съ славянскою надписью 1171 г.*)

Нынѣшніе бѣлорусскіе говоры до послѣдняго времени не имѣли, да и теперь, въ сущности, не имѣютъ литературной обработки. Попытки ввести въ бѣлорусскій языкъ легкую литературу дѣлались, однако, и съ польской стороны, и съ бѣлорусской.

Но особенно цѣнны и важны новѣйшіе сборники бѣлорусской народной поэзіи**). Теперь, послѣ прекрасныхъ трудовъ Е. Р. Романа и покойныхъ: Гильтебрандта, Безсонова, Шейна, недавно скончавшагося Н. Я. Никифоровскаго и др., ясно всѣмъ желающимъ видѣть, какія богатія духовныя силы таятся въ душѣ бѣлорусса; капитальные труды упомянутыхъ этнографовъ опровергли ходячее мнѣніе о хилости и дряблости натуры потомковъ «онихъ грозныхъ полочанъ», какъ называетъ ихъ пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ»... Вѣдь, именно, бѣлоруссы дали полякамъ и ихъ величайшаго поэта, и ихъ величайшаго героя: и Мицкевичъ, и Костюшко по происхожденію бѣлоруссы. Такъ было въ прошломъ; есть, значитъ, основаніе, что въ будущемъ бѣлоруссы и для себя выдѣлятъ изъ вѣдръ своихъ такихъ же великихъ людей.

„Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край“,

изъ котораго вышли, какъ вышеупомянутые, такъ и многіе другіе великіе люди...

*) См. мою брошюру: „Двинскіе или Борисовы камни“. Витебскъ, 1880.

***) Вотъ отрывки изъ двухъ бѣлорусскихъ народныхъ пѣсень:

Прилецѣли гуси
Ды зъ чужей Руси,
Сѣли яны надъ водою,
Стали яны ваду пияци,
Абъ ледъ крыльямъ бичи.
Яны вады ни папаян,
Крыльямъ паразбян...

Щибитау салавей у бару,
А на калинникѣ сидючы,
Горку ягадку клюючы:
„Ай кабъ-жа ка мнѣ вазыли,
„А умѣу бы я зъ ей щибитаць,
„На адной вѣтачкѣ снадючы,
„Адуу калинуу клюючы“...

Бѣлорусскій край извѣстенъ съ древнѣйшихъ временъ. Здѣсь пролегалъ знаменитый путь «изъ Варягъ въ Греки». Въ древнихъ сагахъ скандинавскихъ также находится любопытныя свѣдѣнія о нашемъ краѣ. Въ этихъ сагахъ, задолго до Рюрика, есть извѣстія о Полоцкѣ, какъ о богатомъ и сильномъ владѣніи, имѣвшемъ своего государя, по имени Палтеса. Въ русскихъ лѣтописяхъ Полоцкъ впервые упоминается подъ 862 г., когда онъ былъ отданъ Рюрикомъ одному изъ его мужей. Полочане принимали участіе въ походахъ на Грецію при Олегѣ и Игорѣ. Въ 980 г. въ Полоцкѣ является самостоятельный князь Рогволодъ, пришедшій, по словамъ лѣтописи, изъ-за моря. Рогволодъ и его сыновья пали въ битвѣ съ кievскимъ кн. Владиміромъ; дочь же Рогволода, Рогнѣду, кievскій князь взялъ себѣ въ супруги. Впослѣдствіи Владиміръ отдалъ Полоцкъ въ удѣлъ своему сыну отъ Рогнѣды, Изяславу, который и былъ родоначальникомъ полоцкаго княжескаго дома. Въ XI—XII в. Полоцкое княжество является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ на Руси. Самымъ знаменитымъ княземъ здѣсь былъ внукъ Изяслава, Всеславъ, княжившій во второй половинѣ XI вѣка. Этотъ князь слылъ чародѣемъ. Пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ» такъ вспоминаетъ о немъ. (Слова древняго пѣвца и великаго русскаго патриота я приведу въ переводѣ на современный языкъ):

„Князь Всеславъ народу,

Судъ давалъ и рядилъ князьямъ города; а самъ волкомъ

Рыскалъ въ ночи. Кидался изъ Кіева къ Тьмутаракани

И перерыскивалъ волкомъ дорогу великому Хорсу.

Въ Полоцкѣ стольномъ ему позвонили къ заутренѣ рано

Въ колокола у Софіи святой, а онъ въ Кіевѣ слышалъ

Благовѣсть тотъ*.

При этомъ-то князѣ чародѣѣ въ составъ Полоцкаго княжества входили: нынѣшняя Витебская губернія, значительныя части губерній— Могилевской, Минской и Виленской, а также нѣкоторыя части губерній: Ковенской, Курляндской и Лифляндской.

Вскорѣ послѣ смерти Всеслава, между его многочисленнымъ потомствомъ начались безконечныя распри. Тотъ же пѣвецъ „Слова“ возмущенно поетъ:

....Вы, внуки Всеслава, склоните долу знамена,
Вложите мечи притупленные:
Вы помрачили славу могучаго дѣда.
Не вы-ль принимали поганыхъ (т. е. литовцевъ)
Вашей крамолой на Русскую землю,
На племя Всеслава, чтобъ и отъ нихъ мы узнали насилье*...

Нельзя не обратить вниманія на то, что пѣвецъ «Слова» не дѣ-
лаетъ различія между составными частями Русской земли, у него
нѣтъ окраинъ, у него вездѣ—одна Русь.

Но вскорѣ начинается расчлененіе единой Руси.

Первые воспользовались усобицами князей полоцкихъ нѣмцы.

Отъ полоцкаго князя зависѣли земли по Двинѣ вплоть до самаго
Балтійскаго моря. Когда именно впервые появились въ латышско-
ливскихъ земляхъ поселенія полоцкихъ кривичей—неизвѣстно; но
что придвинскіе народцы были данниками полоцкаго князя задолго
до прихода сюда нѣмцевъ, на это имѣются прямыя свидѣтельства,
неподлежащія ни малѣйшему сомнѣнію.

Передовымъ форпостомъ полоцкихъ князей на Двинѣ былъ Бу-
ковосъ, нывѣшній Кокенгузенъ, въ трехъ стахъ двадцати верстахъ отъ
Полоцка. Другой городъ былъ Герсикъ, въ 50 верстахъ отъ Двинска.

Къ концу XII в. полоцкая земля раздробилась на много удѣловъ;
такихъ удѣловъ было болѣе десяти, а именно: полоцкій, витебскій,
мянскій, друдскій, изяславскій, логойскій, слуцкій новгородскій (но-
вогрудскій), гродненскій, клецкій, свислоцкій, лукомльскій, кокен-
гузенскій и герсикскій.

Полочане выказали большую силу не только въ государственномъ
строеніи, но и въ области общественной. Полоцкая земля выработала
принципъ широкаго участія вѣча, т. е. всего земства, въ дѣлахъ всей
земли. Дробленіе на удѣлы дало начало развитію вѣчевыхъ отношеній
и въ пригородахъ полоцкихъ. «Мужи полочане вѣчомъ ся справовали,
какъ Великій Новгородъ и Псковъ», говоритъ мѣстный лѣтописецъ
[лѣт. Буковца]; въ Лаврентьевской лѣтописи объ этомъ сказано нѣ-
сколько подробнѣе: «Новгородцы бо изначала, и смоляне, и кыяне,
и полочане и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что
же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть»...

Вѣче полоцкое было изъ числа самыхъ сильныхъ. Эту силу и бодрость долго сохраняли полочане, а за ними витебляне, минчане и могилевцы.

Городское вѣче избирало себѣ князя и заключало съ нимъ «рядъ», т. е. договоръ; оно же контролировало дѣятельность князя, и въ случаѣ разногласія, «указывало ему путь».

Мало того, вѣче заключало договоръ съ сосѣдними землями; даже брало на себя роль судьи въ болѣе важныхъ случаяхъ и рѣдко выражало свою волю*).

Однимъ словомъ, вѣче въ Полоцкѣ и его пригородахъ получило такое же широкое значеніе, такъ же прочно осуществляло права верховной власти, какъ это было въ Новгородѣ и Псковѣ...

Въ концѣ XII вѣка въ устьѣ Двины появились нѣмецкіе купцы, завязали торговыя сношенія съ туземцами и основали свои колоніи, затѣмъ явились и миссіонеры. Полоцкій князь Владиміръ позволилъ нѣмецкимъ миссіонерамъ распространять христіанство между туземцами, часть которыхъ уже исповѣдывала православіе. Дорого пришлось потомъ заплатить этому князю за свою недалководность.

Несмотря на сильный по временамъ отпоръ со стороны ливовъ, нѣмцы все болѣе и болѣе утверждаютъ свое господство въ нижнемъ теченіи Двины. Въ 1202 году они построили укрѣпленный городъ Ригу. Въ томъ-же году утвержденъ папою новый монашескій рыцарскій орденъ въ Ливоніи, извѣстный подъ названіемъ Ливонскаго ордена или ордена Меченосцевъ.

*) Приведу (въ сокращеніи) характерный выводъ изъ волоцкой лѣтописи (тѣмъ болѣе, что это единственное прямое указаніе на существованіе несохранившихся полоцкихъ лѣтописей):

Князь полоцкій Борисъ Давидовичъ женился вторымъ бракомъ на Святохнѣ, дочери Казимира померанскаго. Святохна, хотя и приняла греческое исповѣданіе, но втайнѣ держалась католицизма, и въ числѣ ея дворянъ-поморянъ былъ католическій священникъ. У Бориса отъ Святохны родился сынъ, котораго „отецъ именовалъ Владиміръ, а мать назвала Войцехъ“. Но отъ первой супруги у Бориса было два сына, Василько и Вячко. Святохна не любила своихъ пасынковъ: по ея просящамъ, Борисъ удалил ихъ отъ себя и далъ имъ въ удѣлъ Двинскую область. У Василька и Вячка въ Полоцкѣ было много сторонниковъ. Святохна, „устраивая путь, какъ бы пасынковъ отцова наслѣдія лишити, и все оное сыну своему утвердити“, начала гнать преданныхъ княжичамъ бояръ, а „своихъ поморянцевъ во все чывы и управленія вводить“. Борисъ смотрѣлъ на все глазами Святохны. Наконецъ, полочане, видя, какъ пришельцы „города разоряютъ, народъ грабятъ, предѣлы пустошатъ“, въ день Спаса, при звукѣ вѣчеваго колокола, произвели возстаніе, „посадили княжичю подъ крѣпкую стражу, поморянъ всѣхъ побили, а иныхъ изгнали; князю же никакого вреда не учинили и немедленно послали по Василька (удѣльнаго кн. герсцкаго) вятныхъ людей“...

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ земля ливомъ покорена была совершенно; за ливами наступила очередь латышей. Это быстрое наступательное движеніе нѣмцевъ на востокъ побудило, наконецъ, безпечнаго князя полоцкаго вступить за своихъ бывшихъ подданныхъ, неоднократно обращавшихся къ нему за помощью. Владимиръ приплылъ на судахъ со значительнымъ ополченіемъ къ Гольму, въ 15 в. отъ Риги; но послѣ одиннадцатидневной осады отступилъ. Это было въ 1206 г. А въ слѣдующемъ году тщетно призывалъ къ себѣ на помощь Владимира полоцкаго удѣльный князь куконосскій, Вячко, тѣснимый нѣмцами. Отчаявшись въ успѣхѣ обороны, Вячко сжегъ родной Куконосъ, а самъ удалился въ Русь...

Такая же участь постигла и другого удѣльного князя, Всеволода, который владѣлъ Герсикомъ. Въ 1210 г. нѣмцы ваяли и сожгли Герсикъ. Князь Всеволодъ, видя съ лѣваго берега Двины разгромъ и пожаръ своего города, громко рыдая, говорилъ: «О, Герсикъ, любимый городъ, наследство моихъ отцовъ. О, непредвидѣнное разореніе моего народа! Ахъ, не родиться бы мнѣ лучше на свѣтъ, чѣмъ видѣть пожаръ моего города и истребленіе моего народа»...

Нѣмцы дошли такимъ образомъ до самаго Двинска (Динабургъ) гдѣ въ 1275 г. и основанъ былъ крѣпкій замокъ.

Дальнѣйшіе успѣхи нѣмцевъ встрѣтили отпоръ уже не со стороны полоцкихъ князей, а со стороны литовцевъ, захватившихъ русскія земли.

О первыхъ столкновеніяхъ полоцкихъ князей съ литовцами также говорится въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Пѣвецъ съ глубокою грустью поетъ:

...«Двина болотомъ течетъ къ полочанамъ

Грознымъ, подъ кликомъ поганыхъ (т. е. литовцевъ).

Одинъ Изяславъ Васильковичъ

Въ шлеми литовскіе острымъ мечомъ позвонилъ и, затмивши

Славу дѣда, Всеслава, покрытый стальными щитами,

Палъ на кровавой травѣ подъ ударами сабель литовскихъ;

Слегъ на кровать и сказалъ: «Князь, дружину твою удадутъ

Крыльями птицы одѣли, а звѣри кровь полизали».

Ни Брячислава съ нимъ не было, ни Всеволода;
Одинъ онъ выронилъ пышно-жемчужную душу изъ храбраго
тѣла

Сквозь золотое свое ожерелье. Поникло веселье;
Смолкли печальныя пѣсни»...

Подъ умолканіе этихъ пѣсенъ замерла навсегда и русская независимость полоцкой земли, завоеванной Литвою...

Замолкли и извѣстія русскихъ лѣтописей о нашемъ краѣ: судьбу его мы знаемъ изъ такъ-называемыхъ русско-литовскихъ, или, вѣрнѣе, западно-русскихъ лѣтописей. По этимъ свѣдѣніямъ, Полоцкъ уже въ концѣ XII вѣка былъ завоеванъ литовскимъ княземъ Мингайломъ. Но литовцы не сразу утвердились въ этомъ городѣ: спустя нѣсколько лѣтъ, въ Полоцкѣ опять является князь изъ дома Ияслава. Послѣднимъ княземъ изъ этого дома считается Брячиславъ, но онъ жилъ уже въ Витебскѣ; дочь этого князя была супругою благовѣрнаго князя Александра Невского, который, къ слову сказать, въ 1238 г. посѣтилъ Витебскъ. Первымъ собственно литовскимъ княземъ въ Полоцкѣ былъ Тозтивиль. Князь этотъ или одинъ изъ его преемниковъ, неизвѣстно когда и по какой причинѣ, подчинилъ Полоцкъ власти рижскаго архіепископа; но впоследствии рыцари Ливонскаго ордена уступили, за денежное вознагражденіе, свое право на Полоцкъ вел. князю литовскому. Съ этого времени въ Полоцкѣ княжили литовскіе князья. Но одинъ изъ удѣловъ Полоцкаго княжества, именно витебскій, еще долго, почти сто лѣтъ, сохранялъ свою независимость. Послѣднимъ княземъ витебскимъ былъ Ярославъ Васильевичъ, на единственной дочери котораго, Маріи, былъ женатъ литовскій князь Ольгердъ. По смерти Ярослава, въ 1320 г., и княжество витебское отошло къ Литвѣ...

Такимъ образомъ, земли Полоцкаго княжества постепенно были захвачены литовцами, нѣкогда платившими дань князьямъ полоцкимъ.

Перехожу къ краткому изложенію судьбы православія въ нашемъ краѣ. Я отмѣчу только выдающіяся событія.

Полоцкая православная епархія—одна изъ самыхъ древнихъ на святой Руси. Христіанство утвердилось здѣсь, безъ сомнѣнія, уже при Владимірѣ Святомъ; Изяславъ, его сынъ отъ Рогнѣды, похваляемый лѣтописцами за благочестіе, былъ главнымъ дѣятелемъ въ семь святомъ дѣлѣ.

Мирно распространялось христіанство,—точнѣе православіе,—по всѣмъ городамъ и весямъ полоцкимъ (какъ и по всей Руси); не было ни протигодѣйствія съ одной стороны, ни насилія—съ другой.

Въ концѣ X в. вся область полоцкая была уже христіанскою; около 992 г. учреждена въ Полоцкѣ епархія.

Въ XII в. здѣсь процвѣтала уже и жизнь иноческая; многія княгини и княжны посвятили себя иноческой жизни; во главѣ ихъ сіяетъ Преподобная Евфросинія, въ мѣрѣ Предислава, „яко луча солнечная, просвѣтившая всю землю Полоцкую“,—говорится въ древнемъ Житіи Преподобной. Преп. Евфросинія—дочь Георгія-Святослава, внука знаменитаго кн. Всеслава.

Вскорѣ послѣ кончины Преподобной начинаютъ исчезать съ лица исторіи потомки Изяслава Владиміровича; владѣнія ихъ, какъ уже было сказано, мало-по-малу переходятъ въ руки литовцевъ.

Но съ паденіемъ политической независимости Полоцкаго княжества положеніе здѣсь церкви православной почти совсѣмъ не измѣнилось: мирно насажденное православіе мирно же продолжало свои мирныя завоеванія.

Приобрѣтеніе русскихъ областей имѣло благотворное вліяніе на весь литовскій народъ. Польскій историкъ Ярошевичъ говоритъ: „Кромѣ торговли, которая, издавна сблизая оба народа, познакомила литовцевъ съ русскимъ языкомъ, кромѣ религіи восточнаго исповѣданія, которая подѣ покровительствомъ княжескихъ женъ, по большей части русскаго происхожденія, уже отъ начала XIII ст., дѣлая въ Литвѣ значительные успѣхи, посредствомъ духовныхъ лицъ, и славянской литургіи, освоила литовцевъ со всѣмъ русскимъ: еще больше содѣйствовали тому политическія отношенія Литвы съ болѣе населенной и гораздо болѣе образованной христіанской Русью. Еще прежде завоеваній Гедимина и Ольгерда, начали литовцы выѣщивать-ся въ дѣла русскихъ князей и городовъ; завоеванія же эти еще бо-

дѣе сроднили ихъ съ русскимъ народомъ. Вслѣдствіе этого, многіе изъ нихъ, проживая долго между русскими, старались приноравливаться къ ихъ образу жизни, учились ихъ языку, принимали крещеніе и православное исповѣданіе.

„Еще во времена язычества“, по словамъ польскаго ученаго Мацѣевскаго, въ Литвѣ говорили по-русски и въ дворцахъ, и въ жилищнахъ“.

Польскій историкъ Нарбутъ прибавляетъ: «Христіанская вѣра восточнаго исповѣданія первая начала распространяться въ Литвѣ тихимъ путемъ свободнаго убѣжденія въ святыхъ истинахъ, а не по приказу и принужденію».

Русское племя составляло $\frac{9}{10}$ литовскаго государства; что-жъ удивительнаго, что русское народное начало, русская культура занимали въ немъ преобладающее положеніе. Въ то время распространеніе той или другой культуры находилось въ тѣснѣйшей связи съ вѣроисповѣданіемъ народа. Русская народность отождествлялась съ православіемъ, которое поэтому и называлось русскою вѣрою.

Если-бы такое теченіе дѣль продлилось еще нѣкоторое время, то, по справедливому замѣчанію названнаго уже польскаго историка Ярошевича,—«Литва перемѣнила бы современемъ свою литовско-языческую народность въ христіанско-русскую»...

Неожиданное событіе въ концѣ XIV в. совершенно измѣнило мирное и нормальное теченіе жизни русско-литовскаго государства: въ февралѣ 1386 г. в. кн. литовскій Ягайло, въ православіи Яковъ, сынъ Ольгерда, женился на польской королевѣ Ядвигѣ, перешелъ изъ православія въ католичество и далъ обѣщаніе обратить въ католичество и всѣхъ подданныхъ своихъ литовцевъ и русскихъ; государство же свое обязался соединить съ польскимъ. Это и была первая политическая унія, послужившая началомъ всѣхъ послѣдующихъ уній, легшихъ тяжелымъ ярмомъ надъ западно-русскимъ православнымъ народомъ. По словамъ польскаго историка Нарбута, „эпоха религіозной нетерпимости въ Польшѣ и Литвѣ началась со времени владычества Ягайлы, т. е. со введеніемъ латинскаго исповѣданія въ Литву“, въ концѣ XIV в.

Съ этого времени въ русско-литовскомъ государствѣ борются

два начала: русско-православное и польско-католическое. Борьба продолжается въ теченіе двухъ вѣковъ. Эта двухвѣковая борьба велась не съ одинаковымъ напряженіемъ и постоянствомъ и еще болѣе не съ одинаковымъ успѣхомъ: «Не разъ клонилась подъ грозою то ихъ, то наша сторона». Періодъ съ 1386 г. по 1569 г., т. е. до Люблинской политической уніи Литвы съ Польшею—это періодъ «агоніи» русско-литовскаго государства. Но и въ теченіе всего этого періода замѣтно сильное вліяніе русскаго православнаго начала.

„Первые литовскіе князья не нарушали установившагося въ древней Руси государственнаго и общественнаго правопорядка. Государство представляло изъ себя рядъ отдѣльныхъ княженій, подчиненныхъ великому князю. Но уже со времени Ольгерда великокняжеская политика стремилась къ тому, чтобы наиболѣе крупныя города не составляли удѣловъ. Такъ, Полоцкъ, Витебскъ и Смоленскъ, съ ихъ территоріями составляли общины, находившіяся въ верховной зависимости отъ великаго князя. Желая крѣпче связать крупныя земли съ государствомъ, примирить ихъ съ непосредственной зависимостью отъ центральнаго правительства, Витовтъ выдалъ такимъ областямъ уставныя грамоты. Такія грамоты выданы были Полоцку, Витебску и Смоленску. Въ основу этихъ законовъ, регулирующихъ мѣстную жизнь, былъ положенъ принципъ, что „мы (т. е. государь) старины не нарушаемъ, а новины не вводимъ“. Дѣйствительно, уставныя грамоты закрѣпили собою порядокъ, выработанный въ этихъ земляхъ въ теченіе предшествующихъ вѣковъ. Полоцкъ и Витебскъ представляли собою народоправства, въ которыхъ всѣми дѣлами вѣдало вѣче. И теперь собраніе добрыхъ и малыхъ людей, всѣхъ горожанъ, являлось высшимъ органомъ въ дѣлахъ, касающихся мѣстнаго управленія. Оригинальною особенностью древне-русскаго города было его единеніе съ землей, т. е. съ цѣлою областью; городъ былъ центромъ, гдѣ на вѣчѣ принимали участіе жители области и города.

Съ такимъ же характеромъ городъ является и въ уставной грамотѣ. Городъ имѣлъ свою казну, городскіе выборные присутствовали на судѣ намѣстника. Нормы уголовного и гражданскаго права, выработанныя обычаемъ, были закрѣплены теперь закономъ. Постановленія уставныхъ грамотъ указываютъ на высокое по-

литическое развитіе древнерусскаго земства. Такъ, великій князь гарантировалъ областямъ личную безопасность жителей (никто не могъ быть лишенъ свободы и казненъ безъ суда и слѣдствія), право передвиженія въ сосѣднія области и за границу государства, сохраненіе личныхъ привилегій и «чести», шляхетства; въ области имущественныхъ правъ гражданъ были подтверждены права владѣнія имуществомъ, завѣщанія, наследованія. Наконецъ, грамоты обеспечивали старинное процессуальное право, торговый судъ и опредѣленные обязательства населенія по отбыванію государственныхъ податей и повинностей. Городъ даже самъ сносился, правда только по торговымъ дѣламъ, съ сосѣдними государствами и городами, напр. съ Ригой и др. Въ городѣ былъ великокняжескій намѣстникъ, но онъ назначался господаремъ изъ мѣстнаго боярства и съ согласія всего „посполства“, т. е. всѣхъ жителей. По объему и важности обязательствъ, принимаемыхъ государемъ по отношенію къ каждой отдѣльной области, видно, что земскія уставныя грамоты были, такъ сказать, конституціонными грамотами отдѣльныхъ земель“.

Я позволю себѣ привести выдержки изъ Уставной витебской грамоты; кстати, читатель познакомится и съ языкомъ, на которомъ писались тогда всѣ грамоты*): „Штожь намъ (королю) въ дома церковныи, въ домъ Божій свѣтое Богородицы, и въ домъ Божій свѣтого Духа, и въ домъ Божій Благовѣщенія пречистое, и въ иные церкви не вступатися; а который витблянинъ, умирая, откажетъ остатокъ своего имѣнія кому, и въ то намъ не вступатися; а безъ исправы витблянина не казнити, а чоломъ-битіе намъ у витблянъ приимати черезъ поруку, въ желѣва ихъ не засажаячи, а ни въ которую муку; а отчинъ у нихъ не отнимати; тажежъ и въ села ихъ куплены и въ поля не вступатися и на заочное повѣданіе не вѣрити; а кто имѣеть ихъ намъ обмовляти, того намъ витблянномъ объявити, а въ заставу нигдѣ витблянъ не сажати; а по волости по витебской воеводѣ нашему не ѣадити, а поѣдетъ въ ловы, ино его по станомъ не дарити. Тажежъ и въ вѣсы витебскіи а ни въ локоть (мѣру) не вступатися; и коли который витблянинъ въ вѣсѣхъ проступилъ або въ

*) Всѣ грамоты, на которыя дѣлаются ссылки въ предлагаемомъ очеркѣ, напечатаны въ изданной мною „Витебской Старинѣ“ (т. т. I, IV и V).

локты, ино вѣтблянѡмъ самимъ казнити по своему праву, а намъ въ то не вступатися... Такжежъ и намъ давати воеводу по старому, по ихъ волѣ, и который имъ будетъ не любъ воевода, а вмовати его передъ нами, ино намъ воеводу имъ иного дати, по ихъ воли; а прѣхавши воеводѣ нашему первого дня къ Витебску, цѣловати ему крестъ къ вѣтблянѡмъ на томъ, штожъ безъ права ихъ не казнити по вадамъ ни въ чомъ... Такжежъ которые будутъ литвинъ або ляхъ крещены были въ Витебску въ русскую вѣру, а хто изъ того роду и тепере живеть, того намъ не рушити, права ихъ христіанскаго ни въ чомъ не ломити“...

На Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. закрѣплено окончательно политическое соединеніе Литвы съ Польшею. Но это было, такъ сказать, чисто внѣшнее, механическое соединеніе; необходимо было сліяніе православной русско-литовской народности съ народностью католическо-польскою; а нужно это было для того, чтобы отвратить взоры русскихъ и литовцевъ отъ православнаго востока и обратить ихъ къ католическому западу... Но православное русское народонаселеніе вызывало явное отвращеніе къ католичеству. Въ какомъ печальномъ положеніи было это вѣроисповѣданіе въ нашемъ край, лучше всего видно изъ слѣдующаго: іезуитъ Ростовскій пишетъ, что „въ концѣ XVI в. во всей Полоцкой области считалось не болѣе десяти дворянъ, исповѣдывавшихъ католическіе догматы“... Въ то же время папскій легатъ Поссевинъ нашелъ въ Витебскѣ только одного католическаго ксендаа, дряхлаго лѣтами; небольшое число католиковъ здѣсь состояло изъ польскихъ выходцевъ, жившихъ здѣсь по дѣламъ службы или торговли.

Въ такомъ же точно положеніи находилось католичество и во всей Бѣлоруссіи. Самая Вильна, по словамъ польскаго же историка Стебельскаго, была „гвѣздомъ православія“.

Въ самый годъ политической Люблинской уніи въ Бѣлоруссіи появились іезуиты. Эти вѣроисповѣдныхъ дѣлъ мастера придумали „мостъ“ для перехода изъ православія въ католичество—унію.

Спустя всего четверть вѣка послѣ Люблинской политической уніи, на соборѣ въ Брестѣ, въ 1596 г., была провозглашена церковная уніа.

Шляхта и магнаты нашего края переходили, впрочем, и прямо въ католичество; для нихъ выступалъ болѣе и болѣе интересъ шляхетства, а интересъ родины, интересъ народа сглаживался, исчезалъ. Шляхетство западно-русское, сливаясь съ шляхетствомъ польскимъ, находило себѣ національную смерть. Эту смерть краснорѣчиво изображаетъ авторъ знаменитаго сочиненія „Өриносъ“ («Плачь», 1610 г.) — Мелетій Смотрицкій, бывший впоследствии епископомъ полоцкимъ. Онъ оплакиваетъ отъ лица православной церкви погибель въ католичествомъ лучшихъ родовъ западно-русскихъ; но въ этомъ религіозномъ плачѣ ясно слышится и плачь родины о погибели для нея этихъ людей. Вотъ замѣчательное мѣсто этого „Плача“:

„Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, который я носила вмѣстѣ съ другими брилліантами на моей головѣ въ вѣнцѣ, какъ солнце среди звѣздъ,—гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры. Гдѣ и другіе также неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды русскихъ князей, мои самфиры и алмазы: князья Слупскіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчицкіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе и другіе, безъ числа. Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды,—древніе, именитые, сильные роды славнаго по всему міру силою и могуществомъ народа русскаго: Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Доростайскіе, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Заборовскіе, Мелешки, Поцѣи и другіе.. Вы, злые люди (своею измѣною), обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ, изъ котораго, однако, вы всѣ вышли. Прокляты будете вы всѣ, насмѣхающіеся надъ моей наготою, радующіеся ей. Настанетъ время, что вы будете стыдиться своихъ дѣйствій“...

Въ 1617 году появился протестъ дворянства православнаго исповѣданія Минскаго и др. воеводствъ; въ этомъ протестѣ дворяне жалуются на отступленіе части духовенства, безъ позволенія всей Руси, отъ повиновенія константинопольскому патріарху и принятіе уніи, на что они, дворяне, никогда не соглашались. Актъ этотъ подписали: Огинскіе, Ратомскіе, Тышкевичъ, Тризны, Во

Лодковичъ, Заруцкій, Стецкевичи, Босовъ, Рагозы, Ходкевичи, Войничы, Вержбиловичъ, Верига, Есьманъ, Селява, Станкевичъ, Кусцинскій и мн. др.

Къ 1619 году относится другой протестъ князей, дворянъ и обывателей кор. Польскаго и вел. кн. Литовскаго «народу Россейскаго, релии старожитное греческое, подь благословенствомъ патріарха константинопольскаго будущихъ», противъ намѣренія польскаго правительства забрать на унию основанный въ г. Минскѣ дворянствомъ правосл. Петро-Павловскій монастырь и истребить православіе. Протестъ подписали: Огинскій, Гурко, Укольскій, Ратомскій, Стецкевичъ Полецкій и мн. др.

Въ фундушовой записи на возобновленіе православнаго витебскаго Маркова мон., данной Самуиломъ Огинскимъ, въ 1642 г., между прочимъ, говорится: „Если бы который игуменъ, чего Боже уховай, отъ тое релии нашей старожитной греческой отступилъ, а до униатской, яко се теперь вынайдуеть, або якое иное приступилъ, теды таковой одступца отлучень и декградованъ (низложенъ) быти маеть“.

Подобныхъ записей множество.

А вотъ описаніе положенія русскихъ православныхъ людей изъ прошенія къ польскому сейму въ 1623 г. отъ имени всѣхъ русскихъ западной Россіи: „Въ Бѣлоруссіи, въ Оршѣ и Могилевѣ, владыка полоцкій (униатъ) Юсафатъ Кунцевичъ запечаталъ церкви и уже пять лѣтъ держитъ ихъ такъ. Въ Полоцкѣ и Витебскѣ мы не можемъ имѣть для богослуженія ни церкви, ни дома... Но, что всего хуже, что составляетъ варварство и звѣрство выше вѣроятія, въ томъ же Бѣлорусскомъ Полоцкѣ,—тотъ же отступникъ владыка полоцкій (Кунцевичъ), чтобы досадить тамошнимъ мѣщанамъ, приказалъ вырыть недавно похороненныя подлѣ церкви христіанскія тѣла умершихъ и бросить на съѣденіе собакамъ, какъ какую падаль“...

Жестокости еп. Кунцевича вывели изъ терпѣнія православныхъ, и онъ былъ убитъ въ Витебскѣ 12 ноября 1623 г.

Папа Урбанъ VIII, узнавъ объ убійствѣ Кунцевича, писалъ, между прочимъ, королю Сигизмунду III: «Да будетъ проклятъ тотъ, кто удержитъ мечъ свой отъ крови... Ты, державный король, не долженъ удержаться отъ меча и огня»...

Когда пала западно-русская аристократія, народное западно-русское дѣло перешло подъ защиту средняго сословія,—городского, мѣщанскаго, и еще больше, чѣмъ у аристократіи, сосредоточилось въ вопросѣ о вѣрѣ. Подлѣ ихъ городскихъ братствъ формировались вездѣ и примыкали къ нимъ братства сельскія... Мѣщане находили иногда опору въ остаткахъ высшаго своего сословія, неизмѣнившихъ еще своему народу. Какъ люди благороднаго (шляхетскаго) сословія, они имѣли право быть депутатами на сеймахъ. Одинъ изъ такихъ депутатовъ, Лаврентій Древинскій, обращаясь къ королю, говорилъ такъ: „Кто-жъ, о Боже живой, явственно не видитъ, сколь великія притѣсненія и несносныя огорченія сей древній російскій народъ въ разсужденіи благочестія своего претерпѣваетъ... И такъ,—заключаетъ свою рѣчь Древинскій,—милосердія ради Божія, именемъ всея братіи нашея, прошу ваше королевское величество сжалиться въ обидѣ не нашей, но Божіей... Въ противномъ случаѣ (что да отвратитъ Богъ), если совершенное успокоеніе на сеймѣ и уврачеваніе столь тяжкихъ язвъ не послѣдуетъ, то принужденныхъ себя увидимъ съ пророкомъ возопитъ: «суди ми, Боже, и разсуди прю мою»...

Насиліемъ и хитростью іезуитовъ и базилианъ (уніатовъ), которые всегда находили энергичную поддержку со стороны польскаго правительства, совращались въ унію жители Бѣлоруссіи. Но и сильная струя православія, то суживаясь, то расширяясь, струилась, словно источникъ живой воды, по дебрямъ уніи.

На защиту православія, какъ я уже сказалъ, выступило сельское и особенно городское населеніе, и тутъ-то бѣлоруссъ—этотъ „хилый, забитый“ бѣлоруссъ, какъ привыкли представлять его себѣ мало знакомые съ нимъ,—выказалъ удивительную стойкость: грудью, а нерѣдко и головой, отстаивалъ онъ свою прародительскую вѣру, свой языкъ, свои нравы и обычаи. Это не слова только; можно привести массу доказательствъ, но достаточно указать на слѣдующія два:

Въ постановленіяхъ витебскаго сеймика, въ 1721 г., между прочимъ, сказано: „весьма много дизунитовъ (православныхъ), явныхъ и тайныхъ, въ нарушеніи права, въ городѣ (Витебскѣ) живутъ, производятъ торговлю, получаютъ съ города пользу и другихъ обращаютъ въ дизунію (православіе). Въ томъ же году витебскій воевода

такъ укорялъ витебскихъ мѣщанъ: „Вы,—говорилъ воевода,—въ явное презрѣніе св. униі, прикрываясь однимъ лишь именемъ униатовъ, ходите въ униатскія церкви только для поруганія хвалы Божіей, тогда какъ въ годовые праздники и воскресные дни, для исповѣди и причастія, посѣщаете Марковъ благочестивый (т. е. православный) монастырь, гдѣ исполняете свои схизматичскіе обряды, я другихъ людей, истыхъ униатовъ, привлекаете и подговариваете къ дивуни, соблазняя этихъ надежныхъ и правыхъ униатовъ своимъ примѣромъ“...

Въ актовыя ратушныя книги г. Полоцка занесенъ актъ о томъ, что, при выборѣ членовъ магистрата на 1726 г. одна сторона общества, православная, рекомендовала въ ратманы своихъ кандидатовъ, а другая, неправославная, своихъ. „Мы, магистратъ,—говорится въ этомъ документѣ,—дали знать обществу, что у насъ, съ римской стороны, мало католиковъ, а съ греческой—униатовъ. Общество, утвердивъ это единогласно, просило насъ допустить русиновъ (т. е. православныхъ) къ должностямъ“. Такимъ образомъ, 145 лѣтъ послѣ появленія въ Полоцкѣ іезуитовъ и 180 л. послѣ провозглашенія униі, въ этомъ городѣ, гдѣ была резиденція униатскаго архіепископа, гдѣ были сосредоточены лучшія силы базилианъ, гдѣ, наконецъ, прочно водворились іезуиты,—было „весьма мало католиковъ и униатовъ“.

Въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи было тоже; вездѣ бѣлоруссы, какъ говорится въ одномъ документѣ, „только фарбу униі по себѣ показываютъ, свои же обряды старогреческіе заховуютъ (сохраняютъ), едностыю съ Римомъ погоржавтъ“ (гнушаются)...

Борьба, и борьба болѣе или менѣе успѣшная, съ такими противниками какъ іезуиты, базилиане и масса всякихъ другихъ католическихъ орденовъ, едва ли свидѣтельствуетъ о слабости натуры бѣлорусса! И эта борьба велась несмотря на почти невозможныя условия: бѣлоруссъ постоянно переходилъ съ новоселья на пепелище; бѣлоруссъ, по бѣлорусской же пословицѣ, былъ «якъ горохъ при дорожѣ: кто идзеть, тотъ скубнеть»...

Въ чемъ же и гдѣ находило поддержку православіе и русская народность въ нашемъ краѣ?

Въ концѣ XVIII вѣка Польша, какъ политическій организмъ,

окончательно пала въ ту могилу, которую вырыла своими же собственными руками.

Прямое слѣдствіе политическихъ событий конца XVIII в. есть религиозное событіе 1839 года, т. е. религиозное воссоединеніе бывшорусскихъ униатовъ.

Всѣ эти воссоединенія, и политическія и религиозныя, составляли „дорогіе завѣты и стремленія русскаго народа и стоятъ въ большомъ ряду однородныхъ событій, выражаютъ одну и ту же мысль, одну и ту же тягу русскаго народа западной и восточной половинъ—составлять единое цѣлое и въ гражданской, и въ духовной жизни“.

Прослѣдимъ вкратцѣ эти взаимныя стремленія.

Начало XIV вѣка ознаменовалось въ нашемъ отечествѣ событиями великой важности, имѣвшими громадное вліяніе на всю послѣдующую государственную жизнь русскаго народа. Въ началѣ этого вѣка, Восточная Русь, раздробленная на удѣлы, начала группироваться и укрѣпляться подъ сѣнью Москвы. Первымъ „собрателемъ земли Русской“ былъ Іоаннъ Даниловичъ Калита (1228—1241), внукъ благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Въ то-же время и земли Западной Руси (главнымъ, кривскія княжества—Полоцкое, Витебское, Минское) мало-по-малу объединяются, при содѣйствіи литовскаго элемента. Истиннымъ основателемъ Русско-Литовскаго государства является Гедиминъ, современникъ Балигты; оба они скончались въ 1241 году.

Іоаннъ Даниловичъ уже именовалъ себя „княземъ великимъ всея Руси“, Гедиминъ принялъ титулъ „короля Литвы и Руси“.

Образовались, такимъ образомъ, два русскія государства—московское и литовское изъ одного и того-же народа, нераздѣленныя притомъ никакими рѣчными физическими границами. Разумѣется, между ними, раньше или позже, непременно должна была возникнуть борьба. Она и возникла и продолжалась въ теченіе 4 столѣтій.

Уже Дмитрій Донской хотѣлъ отнять у Литвы Полоцкъ, Витебскъ и Кіевъ, какъ свою отчину. Іоаннъ III говорилъ польскимъ посламъ: «Отчина королевская есть земля польская, а русская наша». Василій III заявилъ великому князю литовскому, что вся русская земля—его наслѣдіе, и что онъ желаетъ добыть Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ и

другіе города: „Доколе вошь мой будетъ ходить и мечъ рубить,—говаривалъ онъ,—не дамъ покоя Литвѣ“ Іоаннъ Грозный посылалъ дядѣ своего отца и дѣда. Когда король польскій Сигизмундъ-Августъ предлагалъ Москвѣ вѣчный миръ, Грозный царь далъ такой отвѣтъ: «За королею наша отчина извѣчная: Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и многіе другіе города русскіе, такъ пригоже ли съ королею миръ заключать? На требованіе польскихъ пословъ не воевать Ливоніи царь Іоаннъ Васильевичъ отвѣтилъ: „Вспомните, что и самая Литва есть отчина государей московскихъ“. За словомъ слѣдовало дѣло. 15 февраля 1563 г. царь овладѣлъ ключемъ Ливоніи и Литвы—Полоцкомъ. Грозный царь принялъ титулъ князя Полоцкаго.

Во время двух-недѣльной осады Полоцка Грозный царь имѣлъ мѣстопробываніе въ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ. Отмѣчу кстати, что въ это время въ Полоцкѣ было тринадцать монастырей.

Не прошло и ста лѣтъ со времени Грознаго царя, какъ другой русскій царь, «Тихайшій», вновь вырываетъ изъ рукъ поляковъ ту-же многострадальную Бѣлоруссію.

Овладевъ всею Бѣлоруссіею, царь Алексѣй Михайловичъ принялъ титулъ „государя всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи“.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Тихайшаго царя въ Бѣлоруссіи было: „костеламъ не быть, унечаамъ не быть, жидамъ не быть и житія никакого не имѣть“. Православные, разумѣется, восстановлены были во всѣхъ своихъ правахъ. Въ 1656 г., царь Алексѣй Михайловичъ, отправляясь въ походъ подъ Ригу, пробылъ въ Полоцкѣ 10 дней. Это пребываніе ознаменовалось торжественнымъ освященіемъ Софійскаго соборнаго храма, захваченнаго базилианами; освященъ былъ также въ присутствіи самаго царя и древнѣйшій храмъ Преображенія Господня въ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ, долгое время, еще со временъ короля Стефана Баторія, находившійся въ рукахъ Іезуитовъ.

Вотъ и подлинная записъ въ современныхъ дворцовыхъ разрядахъ:

„Того-жъ мѣсяца юля въ 6 д. изъ Полоцка ходилъ Государь (Алексѣй Михайловичъ) въ Спасскій монастырь, что бывалъ дѣвичей монастырь благовѣрной княжны Евфросиніи Полоцкой. Того жъ мѣ-

сяца іюля въ 9 день въ Спасскомъ монастырѣ было священіе церкви Преображеніе Снасово“.

Петръ Великій энергически поддерживалъ православныхъ бѣлоруссовъ.

Въ концѣ XVIII вѣка Польша, какъ политическій организмъ, погибла, погибла не случайно, не вслѣдствіе какихъ-либо внѣшнихъ причинъ, а вполне естественною смертію. Теперь для всѣхъ ясно, что не императрица Екатерина II, даже не Фридрихъ II прусскій погубили Польшу: она пала вслѣдствіе собственныхъ неурядицъ; недаромъ сами поляки говаривали: «Polska stoi nierzadem» (Польша держится неурядицей). Разумѣется, такіе устои крайне неважны, и Польша должна была пасть. Даже друзья Польши обвиняютъ теперь самихъ же поляковъ въ политической гибели ихъ отечества. Известный французскій историкъ Альбертъ Сорель, коснувшись польской революціи 1793 года, говоритъ такъ: «Не трудно было подражать крайностямъ французской революціи, для этого стоило только отдаться влеченію своихъ страстей. Труднѣе было обнаружить такую энергію, какую проявили французы; для этого было необходимо имѣть то, чѣмъ обладали французскіе патріоты: національнымъ единствомъ, выработаннымъ вѣками монархическаго правленія, восторженнымъ чувствомъ своихъ правъ и величія родины, институтомъ государственности, преданностью идеѣ социальнаго равенства, правами гражданской свободы. Всего этого не было въ Польшѣ: существенный элементъ плодотворныхъ революцій, національность, оставался безплоднымъ, потому что народъ не представлялъ сплоченнаго цѣлага».

Еще рѣче выражается другой французъ-историкъ:

„Исторія паденія Польши есть постыдная исторія преступленія шляхты, исторія, налагающая клеймо позора на тѣхъ, кто на всякомъ шагѣ попирали и сокрушали всякія права, терзали страну, волновали ее безпрестанными раздорами, разрывали жилы народа и какъ вампиръ высасывали его кровь, пока, наконецъ, обезсиленный организмъ не потерялъ возможности самостоятельнаго существованія“...

Польскій патріотъ того времени, Боллонтай, говоритъ: „Всеобщій безпорядокъ въ домахъ, злонравіе въ семействахъ, несправедливость

въ судахъ, безирравственность и невѣжество духовенства, негодность войска, неповиновеніе закону и властямъ—все это привело насъ къ тому презрѣнному и подлому состоянію, которое дастъ нашимъ сосѣдямъ противъ насъ смѣлость*...

Къ такой яркой картинѣ прибавлять нечего. Все это видѣла, все это знала Великая императрица. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму императрица пишетъ (въ январѣ 1779 г.): „Вамъ нечего хлопотать о гибели польскаго народа: онъ самъ объ этомъ старается“...“)

Въ другомъ письмѣ Императрица прибавляетъ: «Если этотъ народъ утратилъ даже свое имя, то мнѣ кажется, что онъ этого достойнъ... Онъ не хотѣлъ внимать никакимъ совѣтамъ и потерялъ всякое единодушіе до того, что между поляками нельзя найти двухъ людей, согласныхъ между собою. Продажные, испорченные, легкомысленные, вздорные, деспоты, прожектеры, предоставляющіе свои имѣнія въ управленіе жидамъ, которые сосутъ кровь ихъ подданныхъ и платятъ за то очень мало: вотъ вамъ живой портретъ поляковъ».

О вѣковѣчныхъ, безспорныхъ правахъ Россіи на Западный край Императрица Екатерина II имѣла опредѣленные и непоколебимыя убѣжденія; она смотрѣла на него, какъ на коренное, древнѣйшее достояніе Россіи, и присоединеніе его къ Имперіи въ 72, 93 и 95 г.г. признавала возвращеніемъ и восстановленіемъ законнаго, историческаго права Русскаго государства.

По первому раздѣлу Польши, въ 1772 г., Россіи досталась самая неплодородная часть русской Польши, восточная Бѣлоруссія, именно, почти вся нынѣшняя Витебская губ. и часть Могилевской.

По второму раздѣлу, въ 1793 г., приобрѣтена часть Бѣлоруссіи по Двинскъ, Минскъ и Пинскъ, и часть западной Малороссіи отъ Пинска до Каменецъ-Подольска, почти по прямой линіи, т. е. нынѣшняя губ. Минская, часть Виленской, восточная часть Вслынской и Подольская.

Въ 1795 г. Польша подверглась третьему раздѣлу, и на этотъ

*) Нельзя при этомъ не вспомнить словъ папы Льва X; убѣждая в. кн. Василія Іоанновича примириться съ Литвою, папа говорилъ: „Литву не надобъ оружемъ завоевать: время ее воюеть“...

раздѣлена уже вся; Россія получила западную часть Бѣлороссіи и восточную Литвы, а именно остальную часть Виленской губ., губернію Ковенскую и Гродненскую.

Императрица Екатерина II говорила, что ею присоединены къ Россіи: „земли, издревле Россіи принадлежавшія, грады, русскими князьями созданные, и народы общаго съ россиянами происхожденія и имъ единовѣрные... На одного вершка польской земли не получила я при раздѣлахъ Польши“.

Послѣ второго раздѣла Польши, Императрица Екатерина II повелѣла отчеканить медаль съ изображеніемъ карты отнятыхъ областей и съ надписью вокругъ нея: «Отторженная возвратихъ».

Эта надпись волиа сираведлива, такъ какъ въ отнятыхъ у Польши областяхъ, дѣйствительно, не было ни одной мѣстности, которая не принадлежала бы нѣкогда Россіи... „Жизнь въ этихъ областяхъ востановилась съ такою быстротою и силой, что не могло возникнуть никакого сомнѣнія въ прочности сліянія съ остальною Россіей этихъ, нѣкогда отторгнутыхъ и теперь возвращенныхъ областей“.

Отрекаясь отъ престола, король Станиславъ-Августъ писалъ Императрицѣ Екатеринѣ II: „примите остальныхъ поляковъ въ число своихъ подданныхъ, которыхъ вы счастливите и осчастливите три милліона людей, которымъ я желалъ, но не могъ доставить счастья“.

И это не фраза. Извѣстный польскій патриотъ Нѣмцевичъ (сводвижникъ Костюшки*) пишетъ въ своихъ „Запискахъ“: „Я долженъ съ грустью сознаться, что Бѣлороссія сильно выиграла въ матеріальномъ отношеніи со времени раздѣла Польши“...

Тотчасъ по присоединеніи Бѣлороссіи къ Россіи началось движеніе униатовъ къ воссоединенію съ православною церковью. Императрица отлично понимала всю важность начавшагося движенія. Въ одномъ изъ своихъ указовъ Императрица говоритъ: „Расторгнувъ узы принужденія, угнетавшаго свободу исповѣданія прародительской вѣры, мы съ удо-

*) Ксатя, о польскомъ героѣ Костюшкѣ. Костюшко былъ родомъ бѣлорусь; онъ родился въ селѣ Сухновичи, Кобринскаго уѣз., Гродненской губ., и крещенъ въ мѣстной церкви по греко-униатскому обряду. Родители его, мелко-помѣстные шляхтичи, были также униаты, а дѣдъ—православный. Дядя героя, Павелъ Костюшко, былъ городскимъ писаремъ Врескаго воеводства и не только придерживался русскаго обряда, но и отличался преданностію православію: въ 1727 году онъ обновилъ церковь св. Николая въ Врестѣ-Литовскѣ.

вольствіемъ видимъ, что обитатели возвращенныхъ отъ Польши областей, исполненные усердія къ благочестію, возвращаются радостно въ объятія православной восточной церкви»...

Въ то время во главѣ униатскаго духовенства стоялъ достойный пастырь, еще и доселѣ неоцѣненный вполне, Ираклій Лисовскій, бѣлорусецъ по происхожденію; во главѣ же православной паствы бѣлорусской стоялъ знаменитый Георгій Конисскій.

Начатое Екатериной Великою довершено Императоремъ Николаемъ I-мъ: 25 марта 1839 г. совершилось воссоединеніе западнорусскихъ униатовъ съ православною церковію.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что государи русскіе, начиная съ великаго князя Дмитрія Донскаго и кончая Императоремъ Николаемъ Павловичемъ, съ живѣйшимъ сочувствіемъ обращали взоры свои на Бѣлоруссію и внимательно слѣдили за всею, что тамъ происходило.

Народное и религіозное единство давало всегда русскому правительству твердую опору для дѣйствій.

Теперь посмотримъ, какъ же Бѣлорусь относилась къ Руси Великой. Здѣсь, на Бѣлой Руси, у великихъ князей и царей московскихъ было всегда много искреннихъ друзей; здѣсь никогда не исчезала мысль о родствѣ съ православною Великою Русью. Еще при великомъ князѣ Витовтѣ въ русско-литовскомъ государствѣ замѣчались явные тяготѣнія къ Руси Великой; а съ тѣхъ поръ, какъ въ русско-литовскомъ государствѣ началось стѣсненіе русской народности и православной вѣры, взаимное тяготѣніе еще усилалось. Іезуитъ Посевинъ, современникъ царя Грознаго и короля Ваторія, близко знакомый съ положеніемъ дѣлъ, говоритъ: „Въ Руси, Волини, Литвѣ, въ присоединенныхъ къ Коронѣ Польской областяхъ, жители, хотя и состоятъ подданными католиковъ, упорно привержены къ греческой схизмѣ (т. е. православію). Сенатъ и прежде всего король (Ваторій) желаетъ, чтобы они сдѣлались католиками; жители уличены въ тяготѣнія, вслѣдствіе схизмы, къ москвитамъ: они публично молятся о дарованіи москвитамъ побѣды надъ поляками“.

Унія не могла вдругъ измѣнить эти братскія чувства. Въ приведенномъ выше протестѣ 1619 г. противъ введенія уніи, многіе князья, дворяне и обыватели в. кн. литовскаго прямо называютъ себя „народомъ россейскимъ, религіи старожитной греческой“...

Въ 1654 г., какъ извѣстно, благодаря Богдану Хмѣльницкому, «все войско запорожское съ городами и съ землями царь Алексѣй Михайловичъ принялъ подь свою высокую руку».

Въ Бѣлоруссіи къ дѣлу казаковъ относились весьма сочувственно. Во всѣхъ бѣлорусскихъ городахъ православные толковали: „Когда у поляковъ съ черкасами будутъ бои, и станутъ поляки черкасъ осиливать, то мы, всякихъ чиновъ люди, поднимемся на поляковъ и станемъ Польшу и Литву воевать, для того: если поляки черкасъ осилать, то и насъ всѣхъ православныхъ христіанъ выгубятъ, и намъ поневолѣ противъ поляковъ стоять и биться, пока нашей мочи будетъ“. Хмѣльницкій, съ своей стороны, говорилъ московскимъ посламя: «Только-де царское величество изволить принять подь свою высокую руку запорожцевъ и послать своихъ ратныхъ людей, и бѣлорусскіе люди, что за Литвою живутъ, тотчасъ учнутъ съ ляхи биться».

И дѣйствительно, при вступленіи войскъ царя Алексѣя Михайловича въ Бѣлоруссію, населеніе встрѣчало ихъ, какъ давно желанныхъ освободителей отъ польско-католическаго ига. Въ современныхъ польскихъ реляціяхъ говорится: „здѣшніе (бѣлорусскіе) города угрожаютъ явно возмущеніемъ, а другіе наперерывъ сдаются на имя царское“... „Мужики (бѣлоруссы)—говорится въ другой реляціи,—молятъ Бога, чтобы пришли москвиты“...

То же мы видимъ и сто лѣтъ спустя.

Лучшимъ выразителемъ чувствъ, воодушевлявшихъ бѣлоруссовъ во время присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи въ 1772 году, является вышеупомянутый Георгій Конисскій. „Тяжкія узы расторгнуты повелѣніемъ твоимъ,—говоритъ достойный архипастырь Великой Императрицѣ,—нынѣ настали намъ времена прохладныя: укротились свирѣпѣвшіе... Мы и восторгъ приходимъ, и недоумѣваемъ, сонъ-ли се сладкій намъ, или истинное событіе“...

Сочувствіе и стремленіе къ единенію видны и въ неоднократныхъ попыткахъ западно-русскихъ людей къ избранію на престолъ литовско-польскій государей русскихъ; такъ было при Василии III, Іоаннѣ IV, его сынѣ Θεодорѣ и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Избраніе на польскій престолъ Алексѣя Михайловича считалось дѣломъ до того безспорнымъ, что во время пребыванія царя въ Полоцкѣ умный ар-

химандритъ Богоявленскаго монастыря Игнатій Іевлевичъ уже обращался въ своей рѣчи къ нему, какъ къ «назначенному королю польскому, великому князю литовскому».

Сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобы видѣть непрерывное взаимное тяготѣніе Руси Бѣлой и Великой, какъ въ политическомъ, такъ и религиозномъ отношеніяхъ. И тѣ и другія отношенія одинаково важны...

Судьба нашего отечества, какъ я уже сказала, тѣсно связана съ судьбой нашей церкви. Охлажденіе въ началахъ православной церкви влечетъ за собою и охлажденіе къ началамъ русской народной жизни. Таковъ взглядъ и самого русскаго народа, у котораго самое слово «православные» замѣнило слово «соотечественники». „Русскій народъ,—говоритъ Достоевскій,—весь въ православіи и идеѣ его... Кто не понимаетъ православія, тотъ никогда и ничего не пойметъ въ народѣ“...

Поляки и ополяченные бѣлоруссы-католики особенно подчеркиваютъ культурное вліяніе Польши на Бѣлоруссію за время польскаго владычества, и это обстоятельство даетъ имъ поводъ претендовать на руководящую здѣсь роль.

Лучшимъ показателемъ степени культурности страны служатъ положеніе въ ней дѣла народнаго образованія.

Что же сдѣлано поляками для народнаго образованія въ Бѣлоруссіи? Въ какомъ положеніи находилось это дѣло въ нашемъ краѣ въ концу здѣсь польскаго владычества?

Вслѣдъ за присоединеніемъ Бѣлоруссіи къ Россіи, полоцкое намістническое правленіе затребовало свѣдѣнія: „нѣтъ ли въ которыхъ городахъ и мѣстечкахъ городскихъ школъ, и чему въ оныхъ учать какого рода люди, и сколько учениковъ“.

Отвѣты получились крайне любопытные, и я позволю себѣ привести ихъ въ подлинникахъ:*)

1) «Касательно до г. Дриссы, то въ ономъ школѣ никакихъ не состоитъ»;

*) Сборникъ Матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, т. I.

- 2) «въ г. Себежѣ и уѣздѣ школъ никакихъ не имѣется»;
- 3) «школъ и учениковъ въ г. Рѣжицахъ и въ уѣздѣ никакихъ нѣтъ»;
- 4) «въ г. Люцинѣ при плебаніи и ни подѣ какою дирекціею школъ не имѣется; въ Люцинскомъ уѣздѣ школъ тоже не оказалось»;
- 5) въ г. Суражѣ «школы никакой и учащихся не имѣется»;
- 6) въ г. Невелѣ «школъ никакихъ нѣту, обучаются только обывательскія дѣти въ своихъ домахъ азбукѣ»;
- 7) въ г. Велижѣ также «не было никакой школы»;
- 8) въ Витебскѣ «въ приходѣ Ильинской церкви находилась школа, построенная дьячкомъ Запольскимъ, въ которой разнаго званія малолѣтнихъ школьниковъ 16, обучаются только одной азбукѣ»;
- 9) Наконецъ, въ Полоцкѣ существовала «школа партикулярная въ полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ на русскомъ и польскомъ діалектахъ учатъ мѣщанскихъ дѣтей».

„А для женскаго полу, говорится въ томъ же документѣ, никакой нѣтъ науки, кромѣ только полоцкаго монастыря дѣвицъ Маріевитокъ, при которомъ школьницъ шляхетскаго и мѣщанскаго роду находится до 10 душъ, на польскомъ діалектѣ обучающихся“.

Такимъ образомъ, для образованія дѣтей купцовъ и мѣщанъ не было сдѣлано ровно ничего; объ образованіи крестьянскихъ дѣтей не можетъ быть и рѣчи.

Вотъ результатъ двух-вѣковой просвѣтительной дѣятельности культурныхъ поляковъ въ нашемъ краѣ.

Были, правда іезуитскія школы въ Полоцкѣ, Витебскѣ и Двинскѣ*); но, во-первыхъ, школъ этихъ, какъ и учащихся въ нихъ, было очень мало; а во вторыхъ, въ школахъ этихъ получали образованіе только дѣти шляхты. Кромѣ того, справедливость требуетъ ска-

*) Въ томъ же документѣ говорится:

„въ Полоцкѣ у кс. іезуитовъ находятся школьниками изъ дворянства здѣшней губерніи, отъ своихъ домовъ пріѣзжающіе, и заграничныя; но въ другихъ мѣстахъ таковыхъ же школъ нѣтъ, кромѣ Забальскаго монастыря кс. доминикановъ, хотя при маломъ школьниковъ собраніи“;

„въ Витебскѣ при іезуитскомъ кляшторѣ имѣется школа для обученія малолѣтнихъ шляхетскихъ дѣтей; равно и въ піярскомъ кляшторѣ тоже школа имѣется“;

въ г. Дюнебургѣ, при іезуитскомъ кляшторѣ была „школа, въ которой обучалось шляхтичей 30, мѣщанъ 2, а всего 32 челов.“.

зять, что іезуитскія школы существованіемъ своимъ въ то время обязаны русскому правительству.

Въ 1773 г. папа Климентъ XV обнародовалъ буллу объ уничтоженіи іезуитскаго ордена. Императрица Екатерина II даровала имъ убожище въ Бѣлоруссіи, въ надеждѣ, что оставшіеся отъ всеобщаго уничтоженія іезуиты, отказавшись отъ всѣхъ дѣйствій, противныхъ гражданскому порядку, бывшихъ причиною уничтоженія ихъ общества, посвятятъ себя воспитанію въ Бѣлоруссіи римско-католическаго юношества... Имъ предоставлены были въ Бѣлоруссіи недвижимыя имѣнія. Но Императрица торжественно объявила, что „покровительство это продолжится только до тѣхъ поръ, пока іезуиты не преступятъ за границы начертаннаго имъ долга“.

Послѣдняя оговорка была весьма умѣстна: политическія и общественныя дѣла до того поглощали всю дѣятельность католическаго духовенства, что оно, по выраженію одного польскаго же писателя, „обратило религію въ прислужницу политикѣ“.

Великая Императрица знала все это и терпѣла этихъ просвѣтителей только какъ временное зло*). А что училища эти, какъ оказалось впоследствии, приносили много зла русскому дѣлу въ краѣ, доказать нетрудно: по выраженію извѣстнаго Сенковскаго (ревизовавшаго, по порученію петербургскаго университета, эти школы въ 1825 г.) „въ нихъ явно развивался духъ полонизма**)... Сознаются въ этомъ и сами поляки. „Неоспоримо, говорить одинъ изъ польскихъ писателей, что католицизмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и полонизмъ не пали бы такъ быстро въ Бѣлоруссіи, если бы іезуиты могли долѣе сѣять здоровое зерно гравды католической и неразлучнаго съ нею полонизма“...

Вредъ этотъ не искупался серьезностью занятій въ этихъ школахъ. Виѣшняя, показная сторона, въ нихъ была часто блестяща;

*) Въ наказѣ, данномъ губернаторамъ въ Бѣлоруссіи предлагается: „Вы за ними (іезуитами) инаиначе недреманно смотрите имѣете, яко за коварѣишимъ изъ всѣхъ католическихъ орденовъ“... Въ письмахъ своихъ къ Гримму Императрица называетъ іезуитовъ „ses coquins, ses gueux, ses peccores, ses marouffles de la Russie Blanche“..

**) Это—плоды дѣятельности попечителя Виленскаго учебнаго округа (учрежд. въ 1804 г.) гр. Адама Чарторыскаго.

что же касается внутренней, несравненно болѣе важной стороны, то учебно-ученая жизнь здѣсь была далеко неудовлетворительна. Преподавателями въ этихъ школахъ были духовныя лица, часто безъ всякой къ тому серьезной подготовки; преподавали они съ своей особенной точки зрѣнія; напр., профессорамъ всеобщей исторіи вмѣнено было въ обязанность выставлять на видъ, какъ много сдѣйствовали римскіе папы общему благу Европы, развитію искусствъ и наукъ; они должны были доказывать, что Іоаннъ Гуссъ осужденъ на костеръ не Констанцкимъ соборомъ, а свѣтскою властью; имъ предлагалось опровергать ошибочныя, будто-бы, сказанія относительно Галилея, инквизиціи, Варееоломеевской ночи и т. п. событій, въ которыхъ католическое духовенство играло далеко некрасивую роль.

Нечего и добавлять, что національность польская поддерживалась сильно; при всякомъ случаѣ умѣли возвеличить прелесть края польскаго, образованность поляковъ, ихъ великую заслугу въ успѣхахъ наукъ и литературы; прославляли мужество, непобѣдимость польскихъ воиновъ, добродѣтели поляковъ, ихъ врожденное дарованіе ко всему и т. п. Оттого юноши бѣлорусскіе обожали Польшу и въ равной степени не любили Россіи. Исторія послѣдней оставалась для учениковъ неизвѣстной или искаженной.

Всѣ предметы въ школахъ преподавались, конечно, на польскомъ языкѣ.

Стоявшая во главѣ этихъ училищъ полоцкая іезуитская коллегія, а затѣмъ (съ 1812 г.) и академія, служила предметомъ насмѣшекъ для самихъ же поляковъ: академія эта считалась „гнѣздомъ обскурантизма“ и была извѣстна подъ названіемъ „Сморгоньской академіи“...

Здѣсь мы сдѣлаемъ маленькое отступленіе и слегка коснемся нашихъ современныхъ отношеній къ полякамъ.

Мы, православные бѣлоруссы, не враги поляковъ, мы ратуемъ только противъ польскихъ, — на нашъ взглядъ, неправильныхъ, — притязаній на нашъ край.

*) Сморгонь — м. въ Опшмянскомъ у., Виленской губ., славилось искусствомъ жителей обучать медвѣдей.

Еще славянофилы признавали (признаемъ и мы теперь) за поляками широкія права въ Польшѣ; но въ какой Польшѣ? Въ этнографической, исключительно въ этнографической, но отнюдь не въ исторической, не въ границахъ до 1772 г.

Поляки—наши братья (признаютъ они это или не признаютъ, хотимъ мы этого или не хотимъ, но это же фактъ). И мы глубоко убѣждены, что наступитъ то время, то желанное свѣтлое будущее, когда мы съ поляками, путемъ взаимнаго уваженія, путемъ взаимныхъ справедливыхъ уступокъ, придемъ къ благоприятному рѣшенію нашего вѣкового «домашняго» спора. Надо только ближе узнать другъ друга.

Не могу не привести слѣдующихъ строкъ изъ «Записокъ» кн. Адама Чарторьскаго:*)

«Мало-по-малу мы (поляки) убѣдились, что эти русскіе, которыхъ мы инстинктивно ненавидѣли и признавали, безъ различія, существами злыми и кровожадными, отъ которыхъ мы отстраивались, и самая встрѣча съ которыми возбуждала отвращеніе,—такіе же люди, какъ и мы... и что можно питать въ нимъ и дружбу, и признательность»...

А. Сапуновъ.

*) Memoires du prince Adam Czartoryski.

О П Е Ч А Т Ь И.

Страница.	Строка сверху.	Напечатано.	Следует читать.
7	32	въ Малороссіи	въ Малороссіи
8	23	внутри	внутри
-	34	архитактура	архитектура
12	28	детали	деталей
14	14	использованы	использованы
15	36	Сергія 7 Под. Ев. 1886 г.	Сергія 7 Под. Ев. В 13, кв. 1887 г.
17	6	бригадности	бригадности
20	3	врядна	врядна
-	34	пробрана	пробрана
23	23	амовит	амовит
26	24	Ипатрели	Ипатрели
31	31	въ смыслъ невбирствомъ	въ смыслъ невбирствомъ
43	4	опло дотытвухъ	опло вь дотытвухъ
-	29	XXII—XXII	XXII—XXII
57	26	обидущахъ	обидущихъ
60	15	арсленте	арсленте*
-	32	оботвенно	оботвенно
63	21	сирвереннѣ	сирвереннѣ
64	3	хостства	хостства

Памятники церковной старины Полоцко-Витебскаго края и ихъ охраненіе.

Историческія обстоятельства нашего края не благоприятствовали ни выработкѣ самобытныхъ художественныхъ формъ въ архитектурѣ и въ обстановкѣ религіознаго, семейнаго и общественнаго быта, ни собранію книжныхъ сокровищъ и широкому развитію письменности, ни, тѣмъ болѣе, сохраненію всѣхъ этихъ культурныхъ богатствъ. Безпрерывная ожесточенная борьба племенная и религіозная; вѣковой гнетъ религіозный, культурный, племенной, классовой, социальный и экономическій, тяготѣвшій и тяготящій надъ бѣлоруссомъ; междоусобія князей Руси и Литвы, возстанія, почти непрерывныя войны, въ которыхъ право на власть въ край оспаривали другъ у друга Полоцкое княжество, Литва, Ливонскій орденъ, Москва и Польша, войны, завершеніемъ которыхъ было сто лѣтъ назадъ нашествіе Наполеона и съ нимъ дванадцати языкъ—вотъ вкратцѣ исторія нашего края.—Понятно, какъ въ этой постоянной борьбѣ гибли зачатки своеобразной культуры и ея выраженія въ литературѣ и искусствѣ, когда то, что уцѣлѣвало отъ огня и разрушенія въ періодъ войнъ, частью разграблялось и увозилось изъ края побѣдителемъ, частью истреблялось и передѣлывалось имъ, какъ носившее въ его глазахъ явные слѣды вражеской культуры и религіи.—Не удивительно, поэтому, что мы имѣемъ немного памятниковъ старины по сравненію съ краями, на долю которыхъ выпала мирная жизнь въ теченіи долгихъ годовъ.

Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ должно быть то немногое, что пе-

режило стихійную и сознательную ломку и говорить намъ о минувшемъ нашего края. Тѣмъ больше побужденій къ собранію, описанію и охраненію памятниковъ мѣстной старины, представляющей громаднѣйшій интересъ и цѣнность, какъ матеріаль и для историка, археолога, и для художника.

Нашъ Подоцко-Витебскій край не можетъ пожаловаться на недостатокъ въ отдѣльныхъ лицахъ, внесшихъ свою долю въ дѣло собранія и описанія памятниковъ мѣстной старины. Достаточно упомянуть имена А. П. Сапунова, капитальные труды котораго по изученію Витебской старины извѣстны, конечно, каждому изъ присутствующихъ, Е. Р. Романова, помимо трудовъ въ области родного бѣлорусскаго слова и другихъ разнообразныхъ работъ немало потрудившагося въ дѣлѣ раскопокъ, и вмѣстѣ съ А. П. Сапуновымъ положившаго начало Витебскому церковно-археологическому музею, покойнаго Н. Я. Никифоровскаго, о трудахъ котораго не такъ давно Вы слышали докладъ, Д. И. Довгялло, немало потрудившагося на пользу упомянутаго музея и въ дѣлѣ изученія родной старины и, наконецъ, покойныхъ незабвенныхъ коллекціонеровъ К. К. Бергнера, частью богатыхъ коллекцій котораго обогатился нашъ Витебскій церковно-археологическій музей, а библіотекой Витебская мужская гимназія, и В. П. Федоровича, богатая коллекція котораго многимъ изъ Васъ извѣстны,—достаточно вспомнить эти имена, чтобы сказать, что нашъ край не бѣденъ любителями родной старины и частными усиліями собирать, охранять, описывать ее и развивать въ другихъ любовь къ родной старинѣ и ея охраненію.

Объединить эти силы и частныя попытки, привлечь къ этому дѣлу вниманіе и содѣйствіе духовныхъ и гражданскихъ властей—и поставила себѣ задачей Витебская Ученая Архивная Комиссія, съ любезнаго согласія которой выступилъ предъ Вами сегодняшній докладчикъ.

Освѣжить въ памяти почтенныхъ членовъ Архивной Комиссіи ту часть мѣстнаго археологическаго матеріала, которая относится къ церковной старинѣ, воснуться печальной исторіи нашихъ церковныхъ памятниковъ въ связи съ общими культурными условіями и особенными мѣстными обстоятельствами и, наконецъ, поставить на

обсужденіе Комиссіи тѣ мѣры, какія могутъ быть ей доступны въ дорогомъ для насъ дѣлѣ—такова цѣль нашего доклада, не претендующаго ни на полноту, ни, тѣмъ болѣе, на спеціальность.

Обращаясь къ обзорѣннѣ архитектурныхъ церковныхъ памятниковъ нашего края, мы должны сказать, что отъ древнѣйшихъ временъ въ предѣлахъ нашей епархіи уцѣлѣло всего лишь два храма. Первый изъ нихъ по древности это—Витебская Благовѣщенская церковь „на нижнемъ замкѣ,“ которая въ старомъ Витебскѣ имѣла тоже значеніе, что въ Полоцкѣ и Новгородѣ Софіи, во Псковѣ „домъ Святыя Троицы“.—Витеблянинъ тѣхъ вѣковъ, уходя на чужбину и возвращаясь домой, „былъ чоломъ святому Благовѣщенію“.

По заключенію покойнаго археолога А. М. Павлинова,—интересующихся подробностями мы отсылаемъ къ его статьѣ, помѣщенной въ 1-мъ томѣ трудовъ девятаго Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ, Благовѣщенская церковь по ея кладкѣ и стилю относится къ XI-му а, быть можетъ, и къ X-му вѣку. Кладка ея византийскаго характера, тождественна съ кладкой Бѣвской и Новгородской Софіи и Черняговскаго собора (XI вѣка), и, „состоитъ изъ тонкаго кирпича толщиною въ $\frac{1}{2}$ вершка и длиною въ $\frac{1}{2}$ вершка. Кирпичъ по большей части продолговатый, но есть и квадратный; шовъ раствора по толщинѣ иногда равенъ кирпичу, но бываетъ и толще. За двумя рядами кирпича идетъ тесаный камень, толщиною равный четыремъ рядамъ кирпича со швами, затѣмъ опять кирпичъ и т. д.; иногда вмѣсто двухъ рядовъ кирпича встрѣчается три“¹⁾.

Въ верхнихъ частяхъ кладка частью позднѣйшая. Къ позднѣйшему же времени (XIV вѣку) относятся и своды. Глава храма деревянная, устроена сравнительно недавно; снизу закрыта. Несомнѣнно, въ старину храмъ имѣлъ каменную главу, расположенную надъ иконостасомъ. Передняя часть храма по изслѣдованію Павлинова оказалась позднѣйшей пристройкой. Храмъ въ древней его части представляетъ собою продолговатый прямоугольникъ, подраздѣленный шестью четырехугольными столбами. Между западными столбами, опираясь на нихъ, и западной стѣной каменные хоры, отъ которыхъ

¹⁾ А. К. Павлиновъ, 1. с. стр. 4.

уцѣлили боковыя части. Алтарь троючастный. „Средняя его часть изнутри и снаружи въ видѣ полукруга, а боковыя скрыты въ толщѣ стѣны въ видѣ полукруглыхъ нишъ, а снаружи полукруговъ не имѣютъ и образуютъ прямые углы съ лопатками“ ¹⁾. Наружная штукатурка позднѣйшая; въ древности храмъ несомнѣнно, по византійскому образцу, былъ нештукатуренъ и представлялся снаружи „разукрашеннымъ по полю изъ тесаного камня полосами краснаго кирпича“ ²⁾. Первоначальное покрытие храма, вѣроятно, было поарочное. Восьмискатное покрытие, какъ это изображено, или, лучше сказать, повидимому имѣлось въ виду изобразить на планѣ г. Витебска 1664 года представляется маловѣроятнымъ, такъ какъ при такомъ покрытій фасады со всѣхъ сторонъ имѣютъ трехчастное дѣленіе, между тѣмъ какъ въ нашемъ храмѣ южный и сѣверный фасады четырехчастны. Притомъ же этотъ типъ покрытія наблюдается у насъ только съ конца XIII вѣка ³⁾.

Второй памятникъ глубокой старины—это церковь Спаса Преображенія въ Полоцкомъ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ, построенная въ XII вѣкѣ основательницей монастыря, преподобною Евфросиніею, какъ объ этомъ говоритъ ея древнее житіе. Церковь эта также была обследована акад. А. М. Павлиновымъ и оказалась имѣющею однородную кладку изъ тонкаго кирпича, „похожаго на кирпичъ Св. Софіи (въ Полоцкѣ—часть стѣны, вошедшей въ новый храмъ XVII в.), Борисоглѣбской (въ Полоцкѣ—развалины), Благовѣщенской въ Витебскѣ и другихъ церквей того времени ⁴⁾“ безъ примѣса матеріала другого рода—булыжника или тесаного камня. Такимъ образомъ, „церковь эта въ своемъ первоначальномъ видѣ была одноцвѣтная и тѣмъ самымъ сильно отличалась отъ другихъ древнихъ церквей, имѣвшихъ кладку разнородную и потому полосатый фасадъ ⁵⁾“. „Однородность кладки, замѣчаетъ А. М. Павлиновъ, въ церквахъ XII вѣка—явленіе весьма рѣдкое“ ⁶⁾ Близъ основанія и особенно въ

¹⁾ Ibid. стр. 4.

²⁾ Ibid. стр. 5.

³⁾ В. В. Сушковъ. Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры, стр. 10.

⁴⁾ А. М. Павлиновъ. I. с. стр. 15.

⁵⁾ Ibid. стр. 16.

⁶⁾ Ibid. стр. 16.

верхнихъ частяхъ слѣды позднѣйшихъ исправленій болѣе крутымъ кирпичомъ.

„Планъ Спасской церкви въ Евфросиніевскомъ монастырѣ“, пишетъ А. М. Павлиновъ, „весьма много имѣетъ общаго съ планомъ Благовѣщенской церкви въ Витебскѣ. Онъ тоже продолговатый; восточный фасадъ имѣетъ одинъ полукруглый выступъ средняго алтарнаго полукружія, боковыя же заключены въ прямыя стѣнки и такимъ образомъ замаскированы фасадомъ главной массы церкви. Внутри онъ имѣетъ тоже три столба съ каждой стороны, ¹⁾; прибавимъ отъ себя, что, въ отличіе отъ Благовѣщенской церкви, столбы здѣсь расположены не на равномъ разстояніи другъ отъ друга и восточной и западной стѣнъ и т. о. церковь по длинѣ разбита столбами не на равныя части, а части западная и особенно средняя подъ куполомъ шире. Столбы, исключая двухъ восточныхъ, въ нижней своей части имѣютъ осмигранную форму, сближающую ихъ съ круглыми столбами въ церквахъ Новгородско-Псковской области (встрѣчаются начиная съ XIII вѣка ²⁾). На западныя столбы опираются хоры съ двумя кельями по сторонамъ (правая изъ нихъ—келья преп. Евфросиніи). Первоначальное покрытие храма было поарочное (посводное).

Вотъ въ краткихъ чертахъ то, что отмѣчено обследованіемъ А. М. Павлинова. Въ концѣ концовъ оба эти храма должны быть признаны построенными по типу византийскихъ церквей X—XII вѣковъ, а своею упомянутою особенностью въ устройствѣ боковыхъ дѣлений алтаря сближаются съ церквами Новгородско-Псковскаго края, но только тамъ эта особенность появляется подлѣ, съ XIII вѣка ³⁾. Итакъ, существенное объ этихъ храмахъ мы теперь знаемъ благодаря обследованіямъ А. М. Павлинова.

Остались однако необследованными кое-какіе вопросы, а именно о первоначальной формѣ, величинѣ и распредѣленіи оконъ (вѣдь теперешнія окна позднѣйшія),—о древней стѣнописи, которая можетъ статьса уцѣлѣла подъ верхними слоями краски и штукатурки (по крайней мѣрѣ относительно стѣнописи Спасской церкви мы имѣемъ

¹⁾ А. М. Павлиновъ. I. с. стр. 11.

²⁾ В. В. Сусловъ. I. с. стр. 11.

³⁾ В. В. Сусловъ. I. с. стр. 12—18.

свѣдѣнія отъ 1832 года, когда храмъ былъ переданъ „въ вѣдомство греко-россійскаго духовенства“), о уровнѣ первоначальнаго пола (поясню это примѣромъ: въ Новгородской Софіи при реставраціи было обнаружено, что уровень первоначальнаго пола на сажень ниже нынѣшняго; приблизительно, какъ это установлено недавно, такова же разниа между древнимъ и современнымъ поломъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ).

Говорить о важности обслѣдованія такихъ вопросовъ много не приходится. Если бы удалось открыть стѣнописи въ названныхъ храмахъ, то какое громадное археологическое и художественное значеніе имѣла бы эта находка! Относительно важности установленія уровня первоначальнаго пола, я позволю себѣ напомнить Вамъ, что при этомъ могутъ быть получены такія цѣнныя находки, какъ, напримѣръ, древнія погребенія, гробницы, можетъ быть, съ надписями. Особенно это интересно относительно Полоцкаго Спасскаго храма. Вѣдь, какъ извѣстно, до поселенія преп. Евфросинія въ сельцѣ Св. Спаса, это послѣднее служило мѣстомъ погребенія Полоцкихъ епископовъ. Очевидно, могилы ихъ находились при прежней церкви, а можетъ быть, и даже вѣроятнѣе, въ самой церкви. Весьма возможно, что преп. Евфросинія строила храмъ не только на старомъ мѣстѣ, но и на старомъ основаніи (какъ это извѣстно относительно нѣкоторыхъ храмовъ Новгородско-Псковскаго края)¹⁾. Скрытыя теперь подъ землей части храма могутъ оказаться болѣе древними и содержащими могилы первыхъ полоцкихъ епископовъ!

Завершеніе обслѣдованія Витебскаго и Полоцкаго храмовъ, разумѣется, должно составить первый шагъ въ заботахъ любителей старины. Второй шагъ это реставрація храмовъ.

Если въ отношеніи Витебской Благовѣщенской церкви, за отсутствіемъ мѣстныхъ средствъ, приходится ожидать помощи Императорскаго Археологическаго Общества и другихъ аналогичныхъ учрежденій, а также пособій отъ казны, то осуществленіе нашихъ пожеланій въ отношеніи Полоцкаго храма составляетъ священную обязанность обители, съ перенесеніемъ мощей преподобной Евфросинія получившей обильный потокъ пожертвованій и денежныхъ поступленій.

¹⁾ См. приведенную выше статью В. В. Сулова.

Хорошо бы сдѣлала обитель, если бы вмѣсто дорогихъ и, какъ это часто бываетъ въ нашемъ церковномъ благолѣпіи, безвкусныхъ украшеній задалась бы цѣлью при помощи специалистовъ обследовать и реставрировать свою святыню, приблизить въ возможной мѣрѣ ея наружный и внутренній видъ къ тому, какой она имѣла при жизни преподобной!

..... Послѣ этихъ двухъ храмовъ, близкихъ къ началу христіанства въ край, наши данныя относительно церковной архитектуры края обрываются, и мы должны перейти прямо къ 17 вѣку.

Причины такого перерыва коренятся, во первыхъ, въ тѣхъ разгромахъ, которымъ подвергался край и среди которыхъ лишь какимъ то чудомъ уцѣлѣли упомянутые два памятника, а, во вторыхъ, въ томъ, что архитектура нашего края вообще была по преимуществу деревянная. Вспомните, напр., что стѣны и башни стараго Витебска въ значительной своей части были деревянныя.

Если упомянутые древнѣйшіе памятники церковной архитектуры нашего края имѣютъ явный характеръ византійскаго зодчества и, кромѣ того, нѣкоторые общіе признаки съ памятниками Новгородско—Псковскаго края, то немногіе уцѣлѣвшіе или лучше сказать еще недавно существовавшіе памятники деревянной архитектуры XVII столѣтія и по своимъ основнымъ формамъ, и по деталямъ сближаютъ нашъ край съ Малороссіей и даже Галиціей съ одной стороны, и Донскою областью—съ другой. Причина такой общности въ архитектурѣ ясна: общность политической, культурной и особенно религіозной жизни. Одна и таже митрополія Кіевская. И тутъ, и тамъ, хотя и въ разной степени, и съ разнымъ успѣхомъ стремленіе водворить унію и Латинство, и, какъ противовѣсъ этимъ стремленіямъ, православныя братства въ Кіевѣ, Львовѣ, Могилевѣ, Вильнѣ, Полоцкѣ и другихъ городахъ, братства, находившіяся въ тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ подъ покровительствомъ Константинопольскаго патріарха.

Итакъ, въ XVII столѣтія мы видимъ общій въ Малороссіи типъ шатровыхъ храмовъ, о пяти верхахъ. Планъ ихъ крестообразный. Западная оконечность креста прямоугольная, остальные имѣютъ скошенные углы. Такимъ образомъ, воспользуемся сле-

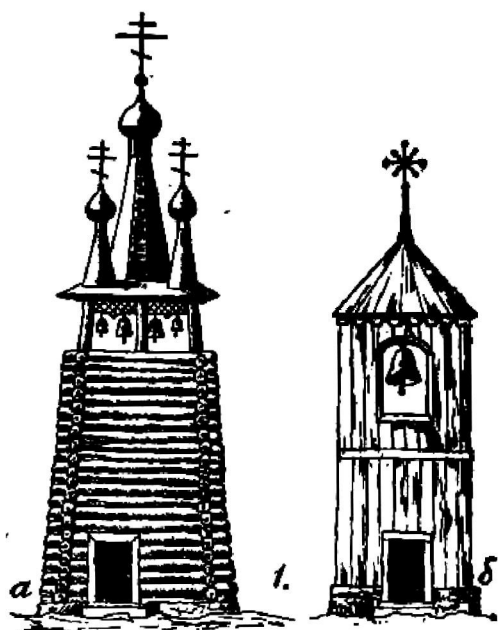
вами академика Суслова о близких по типу пятибашенных церквях Донской области; „пятиглавыя церкви большей частью состояли по плану изъ двухъ продолговатыхъ срубовъ, пересѣкающихся въ перпендикулярномъ направленіи, причемъ каждый изъ срубовъ дѣлался длиною около трехъ квадратовъ..... выступавшіе части срубовъ ограничивались съ основанія полувосьмиугольными стѣнами“¹⁾.... Надъ центральной частью креста и его оконечностями возвышаются высокіе шатры, изъ нихъ соответственно плану церкви западный, а иногда и центральный четырехскатные, восточный, южный и сѣверный осмискатные, а иногда и семискатные. Шатры завершаются восьмигранными главками. Восьмерикъ центральной главы обыкновенно внутри открытъ. Боковыя оконечности креста иногда представляются укороченными по сравненію съ восточной и западной. Въ такихъ случаяхъ, когда вообще оконечности креста укорочены, по необходимости мѣняется частію положеніе, частію и форма шатровъ. А именно боковыя шатры налегаютъ на центральный (какъ это можно видѣть на разрѣзахъ и планахъ древней Ильинской Витебской церкви и проектъ ея воспроизведенія), а чтобы это налеганіе не было чрезмѣрнымъ чтобы боковыя шатры съ центральнымъ не представляли какъ бы сросшуюся массу, то скаты боковыхъ шатровъ, обращенные внутрь, къ центральному шатру, дѣлались круче, чѣмъ наружные скаты. Иногда часть бокового шатра обращенная внутри имѣла не три ската, а только два, и тогда шатеръ представлялся семи—а не осмиугольнымъ (такъ было, напр. въ Витебской Ильинской церкви). Въ юго и сѣверо-восточныхъ углахъ находятся низенькіе пристройки—ризица и пономарня, послѣдняя съ дверью наружу. Иногда вокругъ всего храма, иногда вокругъ его западной оконечности идетъ открытая галлерей на фигурныхъ столбахъ. Иногда вмѣсто открытой галлерей западную часть окружаетъ глухая паперть.

Къ описанному типу принадлежали въ Витебскѣ Іоанно-Богословская и Ильинская церкви, въ пограничныхъ уѣздахъ сосѣднихъ губерній, въ прежнее время составлявшихъ одно церковное

¹⁾ В. В. Сусловъ. Наматкии древней деревянной архитектуры въ Южной Россіи въ книгѣ: Очерки по исторіи древне-русскаго водчества, стр. 29.

Из стр. 8. Витебская Ильинская церковь (XVII в.),
сгоревшая 13 апреля 1904 г.

Из стр. 12. Рис. 1. Колокольни: а—Съвера Россii, б—Западнаго Края.

цѣлое съ теперешней Полоцкой епархіей, церкви Оршанскихъ Кутельскихъ монастырей-мужскаго и женскаго, Якобштадтская Св. Духовская церковь. Всѣ эти храмы въ сравнительно недавнее время, (Борословская въ 60-хъ годахъ, Кутельскія и Якобштадтская въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и Ильинская въ 1904 году) сдѣлались жертвой огня.

Единственный, извѣстный, по крайней мѣрѣ, мнѣ, уцѣлѣвшій представитель этого типа въ нашемъ край—это Троицкая церковь Маріева монастыря (освящена въ 1691 году) представляющая, такимъ образомъ, архитектурную драгоценность края.

Замѣчу, между прочимъ, что въ Малороссіи къ описанному типу принадлежитъ знаменитый Переяславскій соборъ, въ которомъ Богданъ Хмельницкій принесъ присягу на вѣрность Московскому Государю.

Другой типъ, также характерный по мнѣнію академика А. М. Павлинова¹⁾ для XVII столѣтія, это церковь въ видѣ прямоконечнаго креста съ осмигранникомъ въ центрѣ его. Надъ центральной осмигранной частью высятся меньшаго развѣра осмигранникъ, покрытый или шатромъ, или куполообразно. Вершина увѣнчана маленькой восьмигранной главкой. Прямоугольныя оконечности креста покрыты двускатными кровлями съ фронтонами. Также какъ и въ предыдущемъ типѣ по сторонамъ алтаря низенькія пристройки также съ выходомъ наружу. Со стороны входа иногда обширная низкая паперть, окружающая переднюю оконечность креста. Къ этому типу принадлежатъ: Витебская Троицкая церковь на Песковатикѣ XVIII столѣтія, описанная акад. А. М. Павлиновымъ, въ настоящее время составляющая предметъ заботъ Витебской Ученой Архивной Комиссіи; и церкви селъ Фалковичи и Слобода, Витебскаго уѣзда. Другіе представители этого типа въ Полоцкой епархіи мнѣ неизвѣстны.

Церкви обоихъ описанныхъ крестовыхъ типовъ всѣ деревянные.

Послѣдующіе типы относящіеся, гл. о., къ XVIII и началу XIX столѣтія, имѣютъ какъ деревянныхъ (преимущественно), такъ и каменныхъ представителей.

¹⁾ І. с. стр. 20.

Таковъ во 1-хъ типъ (латинскаго) прямоугольнаго креста съ куполомъ или шатромъ на пересѣченіи его продольной и поперечной частей. Длинникъ храма обыкновенно больше поперечника. Кромѣ того поперечная часть креста зачастую не только короче, но и уже продольной и, т. о., центральная часть (подъ куполомъ) представляется не въ видѣ квадрата, а въ видѣ продолговатаго прямоугольника (приноровляясь къ такой особености и барабанъ купола, если онъ осмиугольный, имѣетъ иногда суженныя боковыя стороны.) По сторонамъ алтаря аналогичныя предыдущимъ типамъ пристройки. У каменныхъ церквей этого типа иногда и по сторонамъ передней оконечности креста пристройки, соединяющіяся съ крестовой частью храма арками.

Этотъ типъ церквей былъ очень распространенный и еще недавно имѣлось много его представителей. Такъ, варварски уничтоженная лѣтъ 13—15 назадъ древлеправославная Николаевская церковь въ м. Бѣшековичахъ принадлежала именно къ этому типу. Изъ каменныхъ храмовъ этого типа назову въ Витебскѣ Спасскую и Рождественскую церкви (последняя въ недавнее время, лѣтъ 18 назадъ, измѣнила свой видъ послѣ пристройки колокольни, по своему стилю совершенно дисгармонирующей съ храмомъ), церковь с. Доби, Полоцкаго уѣзда, (последняя надъ фронтонами оконечностей креста имѣетъ еще маленькія главки, по одной съ каждой стороны).

Всѣ перечисленные типы вообще говоря, какъ правило, не имѣютъ колокольни. Если при нѣкоторыхъ изъ нихъ мы имѣемъ колокольни надъ входной частью, то это, обыкновенно, позднѣйшія пристройки.

Другой еще болѣе распространенный типъ, къ которому принадлежатъ почти всѣ малыя приписныя и кладбищенскія церкви, и не мало приходскихъ, типъ въ основномъ своемъ планѣ очень простой: продолговатое зданіе съ закругленной алтарной частью. Последняя представляетъ придатокъ къ прямоугольнику храма, болѣе узкій, но одинаковой вышины съ храмомъ, въ видѣ полукружія у каменныхъ храмовъ, въ видѣ отрѣзка осмигранника у деревянныхъ. У малыхъ деревянныхъ храмовъ вмѣсто алтарной при-

стройки, просто скошены углы задней части храма. По сторонам алтаря иногда одна, иногда двѣ пристройки. Такіе храмы обыкновенно покрыты высокой кровлей съ фронтономъ надъ входомъ. Фронтонъ нерѣдко увѣнчанъ главкой. У каменныхъ храмовъ фронтоны имѣютъ довольно сложныя очертанія и украшенія, чисто западнаго характера. Фронтонъ обыкновенно снабженъ пролетомъ въ чердачное помѣщеніе, закрытымъ дверью, иногда съ изображеніемъ храмоваго праздника или святого. Зачастую въ этомъ пролетѣ помѣщаются колокола. Иногда по угламъ передней части возвышаются двѣ башни или глухія или съ пролетами. Какъ рѣдкость можно указать храмы съ одной башней-колокольней надъ входомъ во храмъ. Такова, наприм., древле-православная Михайловская церковь въ м. Бѣшенковичахъ. Крыша алтарной части сливается съ заднимъ скатомъ крыши храма. Иногда съ угловъ прямоугольной части храма крыша перекидывается на скошенныя (или закругленныя) части алтарной пристройки, нависая, такимъ образомъ надъ боковыми пристройками въ видѣ навѣса (подшитаго потолкомъ). На гребнѣ кровли иногда возвышается главка.

Къ названному типу принадлежатъ всѣ кладбищенскія церкви г. Витебска. Къ этому же типу должна быть отнесена и Рьяково-Воскресенская церковь, лучшее украшеніе нашего города.

Упомяну еще объ очень рѣдкомъ типѣ церквей въ формѣ восьмигранника, покрытаго шатромъ съ главой: Единственную, насколько знаю, такого типа церковь можно еще было видѣть лѣтъ 18—20 тому назадъ въ с. Свѣча, Леп. уѣзда. За возведеніемъ новой церкви эта архитектурная на мой взглядъ рѣдкость была въ свое время разобрана.

Перечисленные три типа сближаютъ церковную архитектуру нашего края съ католическимъ западомъ.

Для монументальныхъ построекъ, каковы соборы, монастырскіе храмы и городскія богатня приходскія церкви уже съ 17 столѣтія водворяется по всему Западному краю чисто западный типъ: базилика по формѣ, по деталямъ—ренессансъ въ его разныхъ видоизмѣненіяхъ, почти какъ правило съ двумя башнями по переднему фасаду. Это относится не только къ униатскимъ храмамъ, но и къ прѣ-

домашнимъ. Такъ—позволю себѣ выйти изъ предѣловъ Витебской губерніи—къ этому типу принадлежатъ историческіе соборные храмы братскихъ монастырей—Вилевского Свято-Духова и Могилевского Богоявленскаго. Оба конца XVII столѣтія.

По большей части эти базилики состоятъ изъ трехъ продольныхъ нефовъ и одного поперечнаго (трансептъ) съ куполомъ на пересѣченіи среднего продольнаго и поперечнаго нефовъ.

Въ позднѣйшихъ уніатскихъ храмахъ куполь зачастую исчезаетъ. Какъ на примѣръ, я укажу на Петропавловскую церковь г. Витебска.

По типу такой базилики (съ куполомъ) построена большая часть Витебскихъ церквей, начиная съ Успенскаго собора.

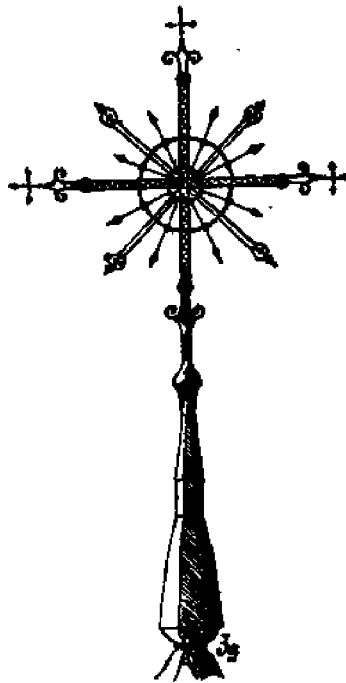
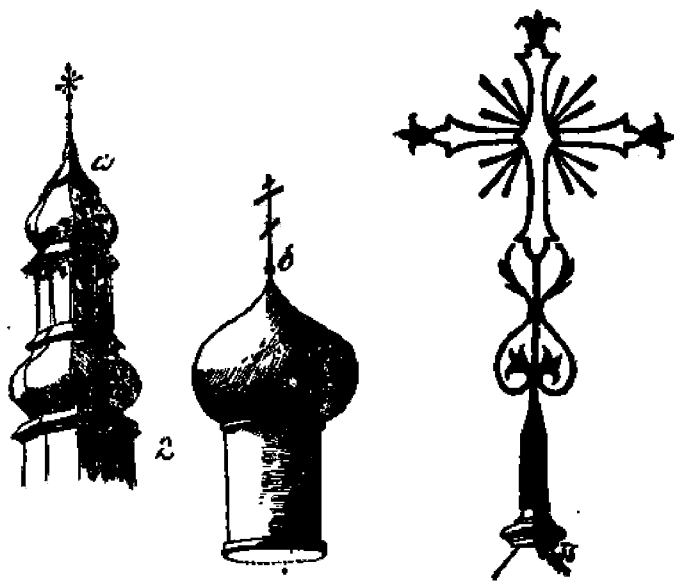
Водоразрѣзается, но менѣе распространенъ, и типъ базилики состоящей только изъ продольныхъ нефовъ. Базилики этого типа купола, разумеется, не имѣютъ. Таковъ Полоцкій Софійскій Соборъ.

Теперь два слова о колокольняхъ, отдѣльныхъ отъ храма. Онѣ представляются въ видѣ четырехугольной, б. ч., квадратной башни, обыкновенно невысокой, двухэтажной, съ неширокими пролетами для колоколовъ, какъ въ каменныхъ, такъ и въ деревянныхъ одинаково (это замѣчу, отличаетъ деревянные колокольни Западнаго края, какъ и Юго-Западнаго отъ колоколенъ Сѣвера Россіи (см. рис. 1¹). Кровля шатровая, б. ч. невысокая, съ главкой наверху, а чаще безъ нея, съ однимъ крестомъ. Рѣдко покрытіе колокольни принимаетъ болѣе сложныя формы. Колокольня находится, б. ч., въ сторонѣ отъ церкви, рѣдко надъ воротами. Какъ на образчикъ укажу на колокольню Витебской Спасской церкви.

Послѣ этого краткаго обзора основныхъ формъ западно-русской церковной архитектуры остается коснуться нѣкоторыхъ наружныхъ деталей и описать внутреннее устройство бѣлорусскаго храма.

Церкви позднѣйшія въ деталяхъ своего убранства представляли все особенности Ренессанса въ его различныхъ модификаціяхъ. Въ древнѣйшихъ по преимуществу деревянныхъ, церквахъ XVII столѣтія и часлю XVIII мы встрѣчаемъ кое-какія черты сближающія съ памятниками архитектуры Сѣверной и Восточной Россіи, но при ближайшемъ и детальномъ разсмотрѣніи и тутъ выступаютъ свои особенности.

¹) См. Сусловъ. I. с. стр. 88.

Из стр 13. Рис. 2. Главы деревянных церквей: а—Западного Края,
б—Сѣвера Россіи. Рис. 3. в и г—кресты церквей Западного Края.

Если, напримеръ, мы сравнимъ главы Западно-русскихъ каменныхъ церквей съ главами деревянныхъ церквей русского Сѣвера, то видимъ слѣдующія отличія. На сѣверѣ Россіи—глава главы цилиндрическая, глава въ видѣ луковины, круглой въ горизонтальномъ разрѣзѣ. Въ Западной Россіи—глава семигранная, такова же и луковица. Последняя представляется значительно сложнее и какъ бы составленной изъ отдѣльных частей (см. рис. 2).

Кресты на типичныхъ западно-русскихъ церквяхъ прорѣзные, изъ тонкихъ пластинокъ желѣза, склепанныхъ большими гвоздями, четвероконечные, съ сяніемъ. Крестъ связанъ съ главкой или вершиной кровли не шаромъ, какъ это обычно въ церквяхъ русскаго сѣвѣра, а болѣе или менѣе длиннымъ и сложнымъ желѣзнымъ стержнемъ. Шаръ у подножія креста не составляетъ необходимой принадлежности (см. рис. 3 а и б). Въ позднѣйшее время подъ вліяніемъ католицизма иногда взамѣстъ крестовъ надъ фронтонами и башнями появляются монограммы Спасителя въ кругѣ, окруженномъ сяніемъ.

Для покрытія кровель, обыкновенно, употреблялся гонтъ. И это относится не только къ деревяннымъ, но и къ большинству каменныхъ храмовъ. Желѣзныя крыши появились, большей частью, въ позднѣйшее время. Изрѣдка примѣнялась для покрытія каменныхъ зданій и черепица.

Бупола покрывались частью гонтомъ, но изрѣдко и желѣзомъ. Главы и верхи башенъ, а также извилистые края фронтоновъ покрывались желѣзомъ.

Стѣны каменныхъ церквей, какъ правило, покрывались штукатуркой, капители колоннъ и орнаменты обыкновенно были штукатурные.

Деревянные церкви почти никогда не оставались необшитыми, и мы не видимъ въ Бѣлороссіи тѣхъ бревенчатыхъ церквей, какъ на Сѣверѣ Россіи. Стѣны покрыты „шелевкой“ вертикально стоящими досками съ арочками въ поперечно лежащей вверху подъ карнизомъ доскѣ, какъ это наблюдается и въ Малороссіи, Галиціи, Донской области (см. рис. 4)*). Обшивкѣ угловъ, обыкновенно, придавался

* В. В. Суевловъ, Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества, стр. 26—7, 28, 29.

видъ пилястровъ. Шелевка, какъ и крыши, обыкновенно оставялась неокрашенной, и старыя церкви выступали чернымъ силуэтомъ среди окружающей ихъ зелени.

Маленькія бѣднѣйшія церкви (кладбищенскія, капицы) иногда оставялись необшитыми. Въ такомъ случаѣ стѣны складывались изъ обтесанныхъ со всѣхъ сторонъ брусевъ.

Большія окна, освѣщавшія храмъ и алтарь, располагались высоко, подъ потолками или сводами зданія; обыкновенно имѣли значительные размѣры въ высоту и ширину. Верхняя часть окна, въ большинствѣ случаевъ, представлялась въ видѣ отрѣзка кривой линіи, пересѣкающагося съ боковыми линіями окна. Это относится одинаково какъ къ деревяннымъ, такъ и къ каменнымъ церквамъ (см. рис. 5, а). Свойственныя русской каменной архитектурѣ закругленные полукругомъ или полуэллипсисомъ верхи оконъ, встрѣчаются очень рѣдко и то, б. ч., только въ купольныхъ окнахъ.

Малыя окна (ризица, паперть) въ каменныхъ храмахъ въ видѣ широкаго прямоугольника, въ деревянныхъ, кромѣ того, круглыя (въ такихъ иногда взамѣнъ обычной рѣшетки вертикально поставленный стержень), съ наличникомъ въ видѣ квадрата, діагонали котораго расположены горизонтально и вертикально; иногда само окно имѣло видъ такъ поставленнаго квадрата, (см. рис. 5 в и с.), наконецъ, въ видѣ узкой горизонтальной щели (д; таковы окна изъ паперти или галлерей въ храмѣ).

Въ древнѣйшихъ церквахъ стекла были вставлены въ свинцовый переплетъ (см. рис. 5, d, e и f.) Двери въ каменныхъ церквахъ, б. ч., были окованныя желѣзомъ, иногда съ рельефными орнаментами, въ деревянныхъ б. ч.—обшиты довольно узенькими досками расположенными квадратами, діагонали которыхъ относятся между собою горизонтально и вертикально. Такія двери украшаются желѣзными гвоздями, сдѣланными иногда въ видѣ розетокъ.

Какъ на рѣдкость можно указать на входныя двери Троицкой церкви Маркова монастыря, богато украшенныя рѣзбой съ рельефными изображеніями Св. Троицы (вверху), ангеловъ, и (на

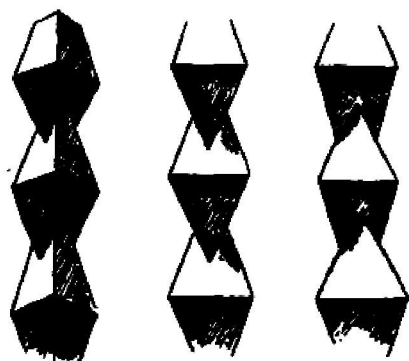
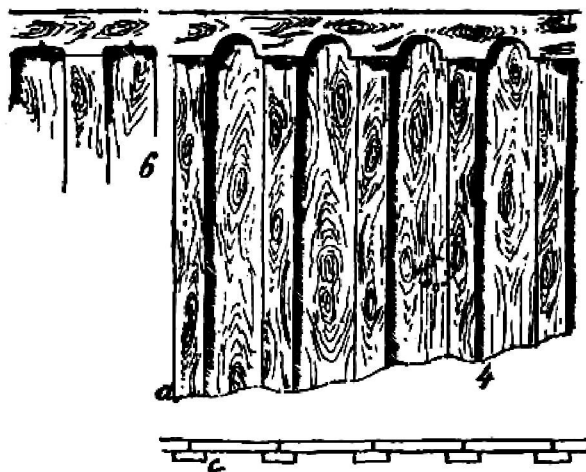
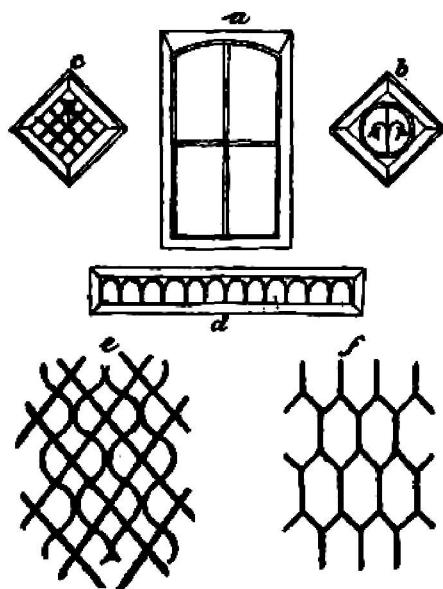

Рис. 4. Шелуха

6

Из стр. 13. Рис. 4. Шелуха деревянных зданий Западного Края. При а и б показаны различные виды обработки арочек верхней горизонтально лежащей доски, при а — общеупотребительный, при б — редкий (Витебская Троицкая „черная“ церковь). в — горизонтальный разрез.

5

Из стр. 14. Рис. 5. Различные формы окон — а, б, в, г и оконных переплетов — д, е и ф. При в изображены замкнутый в малых окнах решетку вертикальный стержень с изогнутыми боковыми придатками.

Из стр. 15. Рис. 6. Столбики наружной галереи Троицкой церкви Витебского Маркова монастыря.

створахъ) сиволовъ евангелистовъ. Южная малая дверь также съ рѣзбой, украшенная серафимами ¹⁾).

Крыши крылецъ и открытыхъ галлерей поддерживаются точеными столбиками; иногда довольно причудливой, сложной формы (см. рис. 6—столбики галлерей Троицкой церкви Витебскаго Маркова монастыря).

Теперь предстоитъ описать внутренность Вѣлорусскаго храма.

Тотъ типъ уніатскихъ храмовъ, на которыхъ въ полной мѣрѣ отразилось вліяніе католицизма, до полной утраты чертъ восточнаго обряда, въ нашемъ докладѣ не подлежитъ описанію.

Достаточно представить себѣ обыкновенную внутренность костела съ тѣмъ лишь отличіемъ, что кое-гдѣ встрѣчаются славянскія надписи (на иконахъ и стѣпной росписи) и уцѣлѣвшія отъ дравяѣйшихъ временъ (преим. XVIII столѣтія) иконы типичнаго западно-русскаго письма. Такой храмъ, знаменовавшій уже полное обезличеніе уніи, еще недавно (а, м. б., и теперь) можно было видѣть въ полуразрушенномъ состояніи близъ Витебска, въ лѣсу между Двиной и Островенскимъ трактомъ (недоѣзжая им. Буковичино).

Въ нашемъ докладѣ мы имѣемъ въ виду какъ немногіе древле-православные, такъ и сохранившіе черты православія уніатскіе храмы въ ихъ общихъ особенностяхъ по сравненію съ храмами Великой Руси.

Въ отношеніи уніатскихъ храмовъ намъ придется только отмѣтить нѣкоторыя особенности, возникшія непосредственно подѣ вліяніемъ католицизма и вызывавшіяся требованіями католическаго обряда.

Полы какъ въ каменныхъ, такъ и въ большинствѣ деревянныхъ церквей обыкновенно были кирпичные, нерѣдко изъ шестигранныхъ плитокъ.

Полъ алтаря, также кирпичный, былъ на одномъ уровнѣ съ поломъ церкви. Подѣ иконостасомъ, выступая на $\frac{1}{2}$ аршина наружу и настолько же внутрь алтаря идетъ низенькая, деревянная ступенька съ откосомъ въ обѣ стороны, въ сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ представляющая собою порогъ. Полъ между престоломъ и царскими дверями (въ православныхъ церквахъ и въ уніатскихъ, сохранив-

¹⁾ Подробности см. А. М. Павлиновъ, Древніе храмы Витебска и Полоцка (Труды 6-го арх. съѣзда, стр. 23) а также статью іеромонаха Сергія 7 Пол. Ед. Вѣд. за 1898 г.

пшаль престолъ на его обычномъ въ православной церкви мѣстѣ) поднятъ на одну ступень. Также и внѣ алтаря предъ царскими дверями—въ видѣ продолговатой площадки.

Клиросы, при отсутствіи предъалтарной солен устранивались отдѣльно; иногда значительно выступая на средину храма, такъ что между клиросами и алтаремъ стояли молящіеся.

Описанныя особенности въ устройствѣ половъ и клиросовъ свойственны не только Западной Руси, но и Малороссіи.

Клиросы бѣлорусскихъ церквей, большей частью были передвижные, огороженные глухой стѣнкой спереди и сзади, съ полкой для книгъ на передней стѣнкѣ. Образецъ такого клироса можно видѣть въ Витебской Троицкой, что на Песковатикѣ, церкви.

Надъ входомъ въ церковь, иногда надъ притворомъ, устраивались хоры. Въ деревянныхъ церквахъ (XVII стол.) хоры нерѣдко окружали значительную часть храма въ видѣ висячей галлерей въ деревянныхъ церквахъ (Троицкая ц. Маркова Монастыря, ц. Кутеншанскаго Оршанскаго, Явобштадтская Свято-Духовская [сгорѣвшія]). Въ большихъ каменныхъ храмахъ съ колоннами хоры иногда занимали пространство между колоннами и боковыми и западной стѣнами (соборъ Мигулевскаго Братскаго монастыря).

Стѣны и своды каменныхъ храмовъ были расписаны клеевою краскою по штукатуркѣ священными изображеніями и орнаментами (Барокко, Рѣкоко). Излюбленными сюжетами были евангельскія событія и притчи, отчасти событія, описанныя въ кн. Дѣяній апостольскихъ и ветхозавѣтныя. Отмѣтить какую-либо опредѣленную традицію въ распредѣленіи сюжетовъ затруднительно. Живопись итальянская иногда очень слабая по техникѣ, но не лишенная оригинальности въ изображеніи лицъ и сценъ. Такъ, напр., въ Витебской Заручевско-Воскресенской церкви „врагъ всѣявшій плевелы“ изображенъ съ коровьей головой, причемъ живописецъ сумѣлъ придать этому лицу злорадно самодовольную усмѣшку.—Типы и костюмы отражаютъ особенности эпохи и края.

Значительно рѣже и деревянные храмы были расписаны, по холсту, которымъ были проклеены стѣны и потолоки—обыкновенно клеевою краскою; въ рѣдкихъ случаяхъ масляной. Послѣдняго рода стѣны

ная роспись Троицкой церкви Маркова монастыря, относящаяся кажется, къ началу XVIII столѣтія. Нужно сказать, что роспись эта имѣетъ исключительную цѣнность, какъ по количеству и разнообразію сюжетовъ (Ветхій Заветъ, евангеліе, Дѣянія апостоловъ, апокалипсисъ, страданія мучениковъ, сцены изъ жизни Кіево-Печерскихъ святыхъ), такъ и по оригинальности ихъ трактовки. Нужно отмѣтить, что лѣтъ 15 назадъ стѣнопись эту осматривалъ знаменитый художникъ И. Е. Рѣпинъ: Передаютъ, что онъ опредѣлилъ эту стѣнопись какъ работу талантливаго самоучки, придавшаго много жизни и движенія фигурамъ*). Эта замѣчательная стѣнопись ждетъ изданія въ фотографическихъ снимкахъ. Это должно составить заботу просвѣщенныхъ любителей старины, особенно въ виду того, что храмъ — деревянный.

Надписи, объясняющія священныя изображенія, обыкновенно, представляютъ собою выдержки изъ соответствующаго евангелійскаго или библейскаго текста, изъ житій, иногда церковныхъ пѣснопѣній, но также и составлялись нарочно, и тогда нерѣдко были очень оригинальны, напр. «людюмъ гетману Олоферну царя Навходноносора главу отсѣче» (Марк. мон.).

Въ большинствѣ деревянныхъ церквей стѣны были довольно грубо обтесаны топоромъ и выбѣлены, иногда выкрашены клеевой краской. Иногда (въ приписныхъ и кладбищенскихъ церквяхъ) оставались и не выкрашенными.

Иконостасы древлеправославныхъ храмовъ и тѣхъ изъ униатскихъ, которые изъ сохранили, обыкновенно были высокіе, многоярусные. Надъ рядомъ мѣстныхъ иконъ въ медальонахъ изображались дванадцатые праздники, во второмъ ярусѣ Деисусъ (Спаситель на тронѣ съ предстоящими Богородицею и Претечей) и апостолы, въ третьемъ пророки, и въ центрѣ Богородица съ Предвѣчнымъ Младенцемъ или (въ позднѣйшее время), коронованія Богородицы въ четвертомъ ярусѣ. Иконостасъ, б. ч., завершался Распятіемъ (иногда рѣзнымъ) съ предстоящими, и нерѣдко группой медальоновъ въ рѣзбѣ съ изображеніями страданій Спасителя.

Иконостасы XVII и начало XVIII столѣтія обыкновенно были обильно украшены рѣзбой (въ стилѣ Ренессансъ съ его разновидностью Ба-

*) Подробности относительно этой стѣнописи см. въ весьма обстоятельной статьѣ іеромонаха Сергія (Василевскаго), по поводу Маркова монастыря (Полоцк. Вѣд. 1887 г. — перепечатка изъ Губ. Вѣд. 60-хъ годовъ).

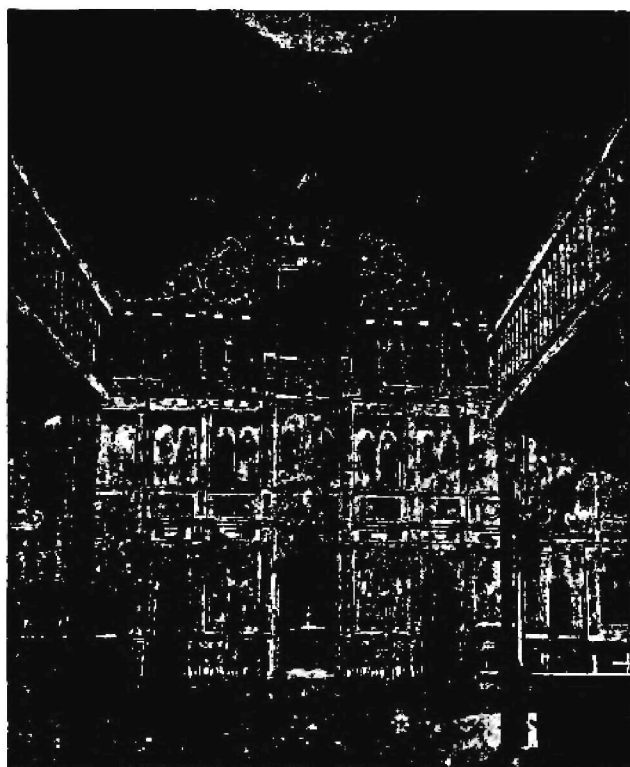
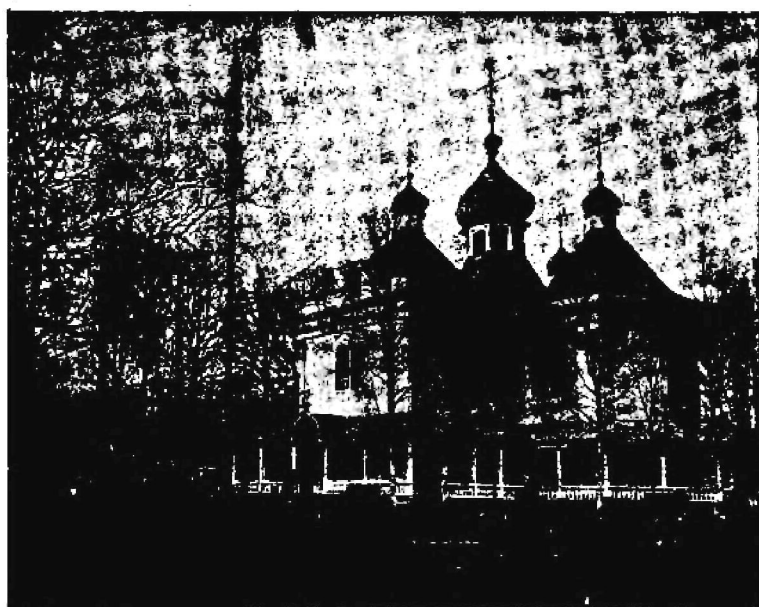
рококо). Нижний ярусъ обыкновенно имѣлъ рѣзныя витыя колонки, остальные ярусы частью колонки, частью полуколонки и пилястры. Царскія двери представляли сплетеніе виноградныхъ вѣтвей съ гроздьями. Фонъ иконостаса, б. ч., былъ зеленый или синий подъ мраморъ. Рѣзьба частью вызолочена и высеребрена, частью раскрашена.

Иконостасы позднѣйшаго времени—второй половины XVIII столѣтія въ стилѣ Барокко и Рококо обыкновенно вмѣсто колонокъ имѣли пилястры, вообще представлялись не такъ массивными, какъ иконостасы болѣе ранняго времени. Впечатлѣнію легкости содѣйствовало и то что нерѣдко иконостасы въ планѣ имѣли видъ не прямой стѣны, а ломаной линіи.

Подъ мѣстными иконами въ рамкахъ помѣщались изображенія евангельскихъ и библейскихъ сценъ, притчей.

Нѣкоторыя изъ каменныхъ храмовъ имѣли каменные же иконостасы съ кирпичными или штукатурными колоннами, съ штукатурными же орнаментами на верху. Фонъ иконостаса расписанъ былъ подъ мраморъ, карнизы и капители колоннъ были покрыты матовой позолотой; колонны или раскрашивались подъ мраморъ или, если онѣ были витыя, покрывались матовой позолотой или серебромъ. Иконы устанавливались въ нишахъ или сквозныхъ пролѣтахъ. Такіе иконостасы имѣются въ Витебскомъ Успенскомъ соборѣ (закрѣпленъ позднѣйшимъ деревяннымъ иконостасомъ, причемъ колонны б. ч. отбиты), въ Витебской Благовѣщенской церкви (позднѣйшаго устройства), въ Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ.

Рѣдкостный въ своемъ родѣ иконостасъ сохранился въ Витебской Троицкой („черной“), что на Песковатикѣ, церкви. Онъ представляетъ обширный—во всю ширину алтара и высокій—до потолка досчатый щитъ (вертикально поставленныя доски), на которомъ клееною краской нарисованы въ нѣсколько ярусовъ колонны коринтскаго ордера, карнизы, украшенные цвѣтами, рамы, медальоны, и въ нихъ на томъ же щитѣ нарисованы иконы (исключеніе представляютъ иконы нижняго яруса, нарисованныя на отдѣльныхъ доскахъ). Фонъ иконостаса—подъ мраморъ. Царскія двери, современныя иконостасу, къ сожалѣнію не сохранились, и замѣнены позднѣйшими, совершенно дисгармонирующими съ иконостасомъ.—Иконостасъ заслуживаетъ того, чтобы его сфотографировать.

Из стр. 9 и 17. Наружный и внутренний вид Троицкой церкви Витебского Маркова монастыря (XVII в.).

Надпрестольныя сѣни представляютъ сравнительную рѣдкость. Намъ лично извѣстна массивная сѣнь на 4 хъ колоннахъ въ Троицкой церкви Маркова монастыря, и висячая—въ видѣ четырехскатной крышки въ древлеправославной Вѣшенковичской Михайловской церкви.

Въ уніатскихъ храмахъ, даже сохранившихъ иконостасы, престолы, б. ч., по католическому обычаю, были придвинуты къ алтарной стѣнѣ, при чемъ имѣли обычный видъ выступа предъ болѣе или менѣе грандіознымъ кіотомъ съ изображеніемъ храмовой иконы. На алтарной стѣнѣ обыкновенно изображалась расprostертая мантия, увѣчанная короной. Кіотъ представлялся включеннымъ въ эту мантию и, такъ сказать, осѣняемымъ его.

При стѣнахъ и колоннахъ древлеправославныхъ храмовъ расположены были кіоты. Въ уніатскихъ храмахъ они имѣли особенно большіе размѣры и у подножія ихъ располагались придѣльные престолы въ видѣ выступа. На этомъ выступѣ стояли оловянные подсвѣчники (4—6). Такого вида боковые алтари еще недавно можно было видѣть въ Витебскѣ, въ сгорѣвшей Ильинской церкви, также въ Петро-Павловской церкви. Число ихъ достигало шести и больше.

Кіоты, б. ч., украшены были многочисленными колоннами, часто въ два яруса, и богатой рѣзбой. Въ бѣднѣйшихъ церквахъ, они представляли собою, подобно описанному иконостасу Витебской Троицкой церкви, досчатые щиты, разрисованные колоннами, орнаментами, съ иконой въ центрѣ.

Что касается до иконописи, то древнѣйшая (XVII вѣка) носитъ смѣшанный характеръ. Въ ней отразились различныя вліянія. Съ одной стороны, проглядываютъ византійскія традиція въ типахъ лицъ, въ одеждѣ, позакъ. Видимо, для живописца прототипами служили иконы греческаго письма. Но въ техникѣ уже сказывается сильное вліяніе Запада. Иконы Греческаго и Русскаго письма носятъ иконописный характеръ (извѣстный схематизмъ въ изображеніи, отвлеченность), иконы Западно-русскаго письма,—живописный: черты лица, тѣло, одежда, въ сложныхъ композиціяхъ—окружающая обстановка—все это какъ бы взято съ природы, болѣе детально и сообразно съ природой выписано. Тоны красокъ болѣе свѣтлыя, яркіе, чѣмъ

это принято было въ Греческой и Русской иконописи.—Краски употреблялись масляныя.—Нисаны были иконы, б. ч., на доскахъ, на изрѣдка и на подстиль.

Въ мѣстныхъ иконахъ (Спасителя, Б. Матери, Николая Чудотворца и др.) фигуры обыкновенно были изображаемы не по поясъ, какъ на иконахъ византійскаго письма, а въ $\frac{2}{3}$ роста.

Мѣстныя иконы, и особенно иконы въ боковыхъ кіотахъ отличались довольно крупными размѣрами.

Нерѣдко иконы покрывались серебряными или металлическими окладами кованой работы. Оклады эти лишь въ рѣдкихъ случаяхъ покрывали всю икону, обыкновенно же только самую фигуру. Окладъ не представлялся вообще сплошнымъ, а состоялъ изъ отдѣльныхъ довольно тонкихъ пластичъ, соединенныхъ гвоздями.—Поле иконы обыкновенно было обработано такимъ образомъ, что представлялось на первый взглядъ также обложеннымъ окладомъ. Достигалось это тѣмъ, что на доску накладывался гипсъ и при помощи формы полю придавался извѣстный рельефъ (орнаментъ, окружающая обстановка) ватѣмъ накладывалась позолота, серебро, иногда краски. Нерѣдко такимъ же образомъ, взаимѣнъ оклада была сработана и одежда и нимбъ вокругъ лика, словомъ имѣлись довольно искусныя имитациі серебряныхъ и золотыхъ окладовъ. Такимъ способомъ, при сравнительной бѣдности населенія Западной Руси, удовлетворялось стремленіе къ церковному благолѣпію.

Для большихъ иконъ, размѣщенныхъ въ отдѣльныхъ кіотахъ, излюбленнымъ было вокругъ центрального изображенія (Спасителя, Божьей Матери, Святого или священнаго событія), окруженнаго рельефнымъ бордюромъ, на той же доскѣ среди завитковъ орнамента размѣстить многочисленныя медальоны. Въ этихъ медальонахъ, сообразно съ центральной иконой изображались событія изъ жизни Спасителя, Богоматери, Святого (нерѣдко въ видѣ такъ называемаго лицевого акаѳиста: то есть темы были взяты изъ акаѳиста и пояснялись надписями изъ соответствующихъ икосовъ и кондаковъ акаѳиста); вокругъ иконы Божьей Матери иногда въ медальонахъ изображались ветхозавѣтные преобразы относимые Церковью къ Богоматери („дѣствица высокая“, „стамна манны“, „купина неопалимая“ и пр.) Надъ

центральнымъ изображеніемъ или подъ нимъ въ медальонѣ или на держимомъ ангелами свиткѣ помѣщался (цѣликомъ или же только начало) соответственный тропарь или кондакъ. Иногда такая надпись помѣщалась въ отдѣльномъ медальонѣ надъ иконой. Можно было вмѣсто традиціоннаго церковнаго текста встрѣтить и нарочито составленныя вирши.

Съ XVIII столѣтія окончательно водворяется итальянская живопись съ ея достоинствами и недостатками (живость и движеніе въ фигурахъ, реализмъ, манерность и напыщенность). Мѣстныхъ иконы обыкновенно пишутся во весь ростъ. На Богоматери и святыхъ нерѣдко одежды, воспроизводящія тогдашнія моды. Одежда часто покрывается окладомъ, во поле иконы входитъ теперь въ обычай покрывать бархатомъ краснаго или фіолетоваго цвѣта.

Украпались храмы Западнаго края и скульптурой. Въ древлеправославныхъ храмахъ она встрѣчалась рѣже и притомъ, обыкновенно, въ видѣ, такъ сказать, декоративныхъ украшеній (фигуры ангеловъ наверху иконостаса и надъ кіотами и т. п.) нерѣдка въ видѣ собственно иконъ (напр. Распятіе съ предстоящими надъ иконостасомъ). Значительно чаще скульптурныя изображенія встрѣчались въ униатскихъ храмахъ, и притомъ уже нерѣдко въ качествѣ иконъ.

Статуи и скульптурныя раснатія были большей частью довольно грубой работы, рѣзаныя изъ дерева, иногда гипсовыя, довольно грубо раскрашенныя. Нерѣдка, впрочемъ, попадались и художественныя произведенія. Таково, говорятъ, было распятіе въ Витебскомъ Успенскомъ соборѣ, рѣзное, изъ кости, неизвѣстно куда исчезнувшее при капитальномъ ремонтѣ собора въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

За исключеніемъ малыхъ храмовъ, каковы приписные и кладбищенскіе, какъ униатскіе, такъ и древлеправославные храмы постоянно своею принадлежностью имѣли амвоны для проповѣдниковъ въ видѣ балкончика у колонны или боковой стѣны, обыкновенно съ навѣсомъ (сѣнью) надъ нимъ.

Такъ какъ точно такіе же амвоны мы видимъ въ католическихъ храмахъ, то при объясненіи того, какъ появились въ Западно-русскихъ церквахъ эти амвоны первую является мысль, что амвоны за-

имствованы униатами отъ католиковъ, и въ подражаніе имъ же введены и въ православныхъ храмахъ.

Это объясненіе является довольно вѣроятнымъ, но возможно и другое объясненіе, когда мы выйдемъ въ исторію амвона, этой древнѣйшей принадлежности христіанскихъ храмовъ.

Съ этой цѣлью позволю себѣ сдѣлать выдержку изъ Исторіи Русской Церкви Е. Е. Голубинскаго.

...„Въ настоящее время у насъ нѣтъ совершенно никакой и памяти о древнихъ амвонахъ, а между тѣмъ они исчезли у насъ не далѣе, какъ только въ началѣ XVIII столѣтія и въ исторіи нашей церковной археологіи представляютъ ту замѣчательную особенность, что мы сохранили ихъ гораздо долѣе, чѣмъ Греки. Древній амвонъ, явившійся въ церквахъ для той цѣли, чтобы все читаемое, возглашаемое и поемое въ нихъ было лучше слышимо присутствующими и, въ особенности, чтобы это такъ было съ чтеніемъ Священнаго Писанія, представлялъ изъ себя большее или меньшее возвышеніе на которое должны были восходить читающіе, возглашающіе и поющіе. Наши свѣдѣнія относительно формъ, въ какихъ устроены были древній амвонъ, весьма недостаточны, но очень вѣроятно, что форма, которую далъ ему Юстиніанъ въ своей Софіи, была наиболѣе господствующею. Пусть читатель вообразитъ себѣ бесѣдку въ формѣ овальнаго огражденія, сдѣланнаго посредствомъ глухихъ погрудныхъ стѣнокъ...; пусть онъ поставитъ эту бесѣдку на колонны вышиной примѣрно отъ двухъ до трехъ аршинъ; пусть онъ вообразитъ себѣ, что на эту бесѣдку съ двухъ противоположныхъ и именно длинныхъ сторонъ овала*) сдѣланы два входа.. Иногда бесѣдка оставялась открытой, иногда же дѣлался на ней верхъ, именно на ея огражденіе (барьеръ) ставились колонки и на эти колонки ставилась сферическая или пирамидальная крыша“...

...„На Западѣ были устроены два особые амвона,—одинъ для евангелія, другой для апостола; иногда устроены были и одинъ амвонъ, но двухэтажный: двѣ бесѣдки, меньшая въ большей, изъ коихъ нижняя или большая для чтенія апостола, а верхняя или меньшая, для чтенія евангелія“ ..

*) Съ востока и запада.

... Не знаемъ съ какого времени до Симеона Солунскаго¹⁾ амвономъ „начали быть свесены у нихъ (грековъ) съ середины церкви на сторону „и къ колоннѣ XVII вѣка послѣднее стало у нихъ общиѣ быти²⁾“, „а первое было совсѣмъ забыто. На сторонѣ, и именно сѣверной, не „знаемъ по позднѣйшему ли приѣзду Запада, или наоборотъ оу показавъ „крижурѣ³⁾, Греки не поставили амвоновъ на полѣ церковный, но „въ видѣ малыхъ бесѣдокъ или глухихъ балкончиковъ подвѣсили „ихъ къ заднему подкупольному столбу (или смотря по устройству „церкви... къ одному изъ заднихъ столбовъ и къ стѣнѣ), въ видѣ „каковыхъ висячихъ балкончиковъ, служа для чтенія евангелія на „литургіи и для сказыванія проповѣдей они остаются у нихъ и до „настоящаго времени“...

„Первую мысль объ уничтоженіи у насъ древнихъ амвоновъ⁴⁾ „подавъ Арсеній Сухановъ, не совсѣмъ впопадъ считавшій ихъ на- „шимъ нововведеніемъ; въ своемъ Проскинитаріи онъ пишетъ: самбо- „на (нашего) отнюдь нигдѣ нѣту (у Грековъ) и нашихъ зазирають, „что церковь всю заслонилъ: алтарь и образы и престоль и царскія „двери, всю де красоту отнял; а у нихъ (Грековъ) есть амвоны ста- „ренины подлѣ стѣны на странѣ амвоко (курсивъ нашъ)»⁵⁾.

Такимъ образомъ, прежде всего является спорнымъ вопросомъ, Западъ ли у Грековъ, или Греческій Востокъ у Запада заимствовалъ новую форму амвона.

Во вторыхъ, съ одинаковымъ правомъ можно предполагать и то, что Западная Русь и Малороссія заимствовали новую форму амвона съ Запада; и то, что амвонъ въ Кіевской Митрополіи (въ составъ которой входилъ и Западный край) появились подъ вліяніемъ Греческой Константинопольской церкви, съ которою Юго-Западная Русь въ концѣ XVII—XVIII вѣкѣ находилась въ тѣснѣйшемъ церковномъ общеніи.

Во всякомъ случаѣ, въ этой особенноти Западно-русскихъ храмовъ нельзя усматривать чего-то противнаго духу православія и за-

¹⁾ Начало 15 столѣтія.

²⁾ Курсивъ нашъ.

³⁾ Курсивъ нашъ.

⁴⁾ Посредникъ храма.

⁵⁾ В. Е. Голубинскій, Исторія Русской Церкви 2-я пол. 1-го тома, 1904 г., стр. 231—237.

служивающаго уничтоженія, наоборотъ, нужно считать ее весьма разумной и целесообразной не только для проповѣданія пророковъ, но и для чтенія Св. Писанія и Евангелія. Кстати могу явиться свидѣтельствомъ, какъ очевидецъ, что чтеніе въ Греческихъ церквахъ евангелія диакономъ съ высокаго амвона производить сильное, величественное впечатлѣніе; во всякомъ случаѣ, слова Евангелія достигаютъ слуха присутствующихъ, а не уносятся въ алтарь, какъ это бываетъ въ большихъ храмахъ при нашемъ обычаѣ чтенія евангелія.

Вамѣнъъ обычной въ Великороссіи запрестольной выносной иконы Божіей Матери церкви Западной Руси имѣють выносной („поносный“) образъ особаго устройства. На столикѣ о четырехъ ножкахъ вертикально установлена икона, на лицевой сторонѣ которой изображеніе Божіей Матери, на оборотной—храмоваго праздника. Нерѣдко надъ столикомъ водружена сѣнь на четырехъ колонкахъ. Въ прикрѣпленныя къ столику кольца во время процессій продѣваются шесты, которые богомольцы (обыкновенно женщины) кладутъ на плечи и такимъ образомъ несутъ икону, высоко поднимая надъ головами молящихся. Икона эта обыкновенно стоитъ съ лѣвой стороны храма.

Хоругви; б. ч.; употреблялись матерчатая (суконная, изъ тонкой шерстяной матеріи, иногда шелковая), съ священными изображеніями, писанными на холстѣ.

Нерѣдко (особенно носимыя въ похоронныхъ процессіяхъ) онѣ имѣли видъ знамен (т. е. были прикрѣплены одной стороною къ древку и свободно свѣшивались внизъ).

Большіе подсвѣчники обыкновенно были оловянные. На верху подсвѣчника для постановки свѣчей устроенъ былъ плоскій оловянный же кругъ, съ острымъ стержнемъ посрединѣ для большой свѣчи и съ чашечками вокругъ для малыхъ свѣчей. Иногда устраивались и деревянные подсвѣчники. Иногда же вмѣсто подсвѣчника у подножія иконы просто придѣлывался желѣзный пруть съ чашечками, а то и просто деревянная доска, къ краю которой придѣлывались свѣчи.

Въ братскіе праздниѣ *) , когда предъ братской иконой зажигались большія (отъ 2 до 5 фунтовъ) братскія свѣчи (иногда до 100 штукъ), для этой цѣли передъ иконой ставились деревянные рѣзныя тумбы на подобіе подсвѣчниковъ. На эти тумбы клали доски (такимъ образомъ, что получалась буква П или же четырехугольникъ) съ шипами или гвоздями, на которые насаживались свѣчи.

Теперь нѣсколько словъ о богослужебныхъ сосудахъ, облаченіяхъ, книгахъ и другихъ предметахъ церковнаго обихода. Богослужебные сосуды православныхъ храмовъ въ существенномъ были таковы же, какъ и въ другихъ областяхъ Россіи. Разумѣется въ рисункахъ и отдѣлкѣ сказывалось вліяніе Запада (Ренессансъ). Что же касается униатскихъ храмовъ, то литургійныя чаши имѣли форму вытянутой рѣмки. Величина ихъ, большей частью незначительная (отъ 1/2 чайной чашки до стакана). Священныхъ изображеній вокругъ, какъ принято въ православной церкви, они не имѣютъ, а только украшены орнаментомъ, нерѣдко накладнымъ. Чаши внутри вызолоченныя, снаружи нерѣдко безъ позолоты или съ позолоченнымъ орнаментомъ.

Для храненія Св. Даровъ въ униатскихъ церквахъ служили особыя чаши, такъ называемыя „лушки“ въ видѣ шара, состоящаго изъ двухъ половиць. Нижняя на ножкѣ съ пьедесталомъ, какъ у литургійной чаши, верхняя—крышка—съ крестикомъ наверху.

Дароносицы имѣли видъ блюдечекъ или чашечекъ съ выпуклой, вытянутой вверхъ крышечкой, наверху которой изображеніе Спасителя (Воскресеніе) въ сіяніи. Иногда онѣ устраи-

*) При многихъ церквахъ Западнаго края существовали братства особаго характера, имѣвшія скромною задачею поддерживать благолѣпіе приходскаго храма. Братство имѣло свою братскую икону, которая ежегодно переходила отъ одного очереднаго братчика къ другому. Очередной братчикъ обязанъ былъ собирать пожертвованія и устроить братскую трапезу въ братскій праздникъ. Въ этотъ день икона приносилась въ храмъ, а затѣмъ послѣ трапезы въ домъ очереднаго братчика, переносилась на другой день къ новому очередному братчику. Главнымъ предметомъ пожертвованія служили братскія свѣчи. Такое братство до сего времени существуетъ при Витебской Ильинской церкви („Никольщина“). См. Пол. Еп. Вѣд. за 1874г. № 24.

вались проще—безъ пьедестала и съ плоской крышечкой, на которой изображена монограмма Спасителя и крестъ.

Материаломъ для всѣхъ этихъ сосудовъ въ болѣе богатыхъ храмахъ служило серебро, а въ бѣдныхъ силавы съ большей или меньшей примѣсью серебра.

Для выставленія Даровъ и ношенія ихъ въ процессіяхъ—по католическому обычаю—введены были въ униатскихъ церквахъ монстранціи того же образца, что и въ римско-католическихъ храмахъ.

Священническія облаченія отъ теперешнихъ отличались тѣмъ, что были вообще короче, но передъ не былъ такъ высоко вырѣзанъ, и т. о. они болѣе приближались къ древней формѣ фелони. На оплечьяхъ нашивался крестъ. Звѣзды какъ теперь—внизу не было. Эпитрахиль узкая, двойная (каждая половина въ ширину діаконскаго ораля), причемъ обѣ половины соединялись завязками. Поручи весьма длинныя. Материаломъ для облаченій служили обыкновенно шелковыя (рѣже шерстяныя и льняныя) ткани, зачастую затканныя разноцвѣтными букетами и гирляндами, а также парчи, нерѣдко мѣстнаго производства (Слущкъ).

Плащаницы, обыкновенно, представляли собою написанное на полотнѣ изображеніе положенія Спасителя во гробъ, наклеенное на обшитый бахромой кусокъ цвѣтной шелковой матеріи, по краямъ котораго серебромъ или золотомъ написанъ тропарь «Благообразный Іосифъ». Иногда и самое изображеніе писалось на шелку.

!!!Интересны вѣнцы для новобрачныхъ—въ видѣ кружка вершковъ 2—3-хъ въ діаметрѣ и $\frac{1}{2}$ вершка шириной—изъ бересты, иногда обшитой цвѣтною шерстью.

Что касается богослужебныхъ книгъ, то наряду съ униатскими Почаевскими, Супрасльскими и др. изданіями, частью воспроизводившими съ нѣкоторыми измѣненіями православныя книги, частью представлявшими нѣчто новое въ смыслѣ состава (требника, служебники со внесеніемъ въ нихъ дневныхъ евангелій и пр.), попадаются и книги православныя, Кіевской, Львовской и др. юго и западно-русскихъ типографій и даже Московской печати, а также иногда и рукописныя евангелія. Помимо ихъ непосредственной цѣнности, какъ большихъ или меньшихъ библиографическихъ рѣдкостей, книги эти имѣютъ иногда

и особенную цѣнность, благодаря вмѣющимся на поляхъ надписямъ (напримѣръ, имена жертвователей, кое какія данныя относительно прихода, событій приходской жизни).

Вотъ въ существенномъ и все, что касается церковной старины нашего края. Надѣюсь, мнѣ удалось показать, что она имѣетъ **свое** лицо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право на бережное къ себѣ отношеніе.

Каково было и есть на дѣлѣ отношеніе къ церковной старинѣ въ нашемъ краѣ, это также небезынтересно окинуть взоромъ.

...Печальна вообще исторія памятниковъ церковной, да и всякой старины во всѣхъ концахъ нашего отечества.

Но нашъ край, наряду съ общими, дѣйствующими повсемѣстно въ Россійскомъ Государствѣ причинами и условіями, имѣетъ еще и свои особенныя, усугубляющія дѣло разрушенія.

Начнемъ обзоръ съ общихъ и закончимъ мѣстными, иллюстрируя примѣрами.

Прежде всего, гибели памятниковъ старины содѣйствуетъ наша **некультурность и бѣдность**.

Въ самомъ дѣлѣ, вспомните, сколько памятниковъ церковной архитектуры гибнетъ отъ пожаровъ. Скученность построекъ, вопреки всякихъ законныхъ правилъ и соображеній здраваго смысла, крыши изъ неогнеупорнаго матеріала даютъ возможность широко разливаться морю огня... Вспомните, какими средствами располагаетъ наша деревня для тушенія пожаровъ, вспомните эти пресловутыя вывѣски у воротъ: гдѣ ведро, гдѣ багоръ и т. п. Да и въ городахъ подчасъ немногимъ лучше: плохо сформированныя, съ плохими машинами, городскія и вольныя пожарныя команды, растерянность и несогласованность въ дѣйствіяхъ, неумѣнье локализовать пожаръ.

Вспомните, что многія церкви, высоко поднимаясь надъ окружающими постройками, загараются отъ ударовъ молніи и сиравятся, во многихъ ли мѣстахъ существуютъ громоотводы на церковныхъ куполахъ и башняхъ: могу васъ увѣрить, вы найдете ихъ не какъ правило, а какъ рѣдкое исключеніе.

Коснемся теперь другихъ условій стихійнаго характера.

Извѣстно, что для благополучія каменнаго зданія имѣетъ важное значеніе состояніе почвы, въ особенности, когда оно стоитъ на

холмѣ или на высокомъ берегу рѣки. Нагорный берегъ систематически подмывается течениемъ рѣки. Ведутъ свою работу и почвенныя воды. Въ результатѣ получаютъ иногда громадныхъ размѣровъ оползни. Представьте себѣ, какое значеніе имѣетъ для стоящихъ на берегу зданій укрѣпленіе берега, дренажированіе почвы, строгое наблюденіе за спускомъ отработанныхъ водъ и жидкостей.

При отсутствіи всѣхъ упомянутыхъ мѣръ, въ лучшемъ случаѣ зданія медленно разрушаются, получаютъ трещины, въ худшемъ вы неожиданно можете видѣть паденіе и разрушеніе зданій вслѣдствіе оползня горы. Такъ, ровно 60 назадъ лѣтъ, вмѣстѣ съ частью берега рухнула въ р. Нѣманъ южная стѣна древняго*), построеннаго въ XII столѣтіи, Коложанскаго храма въ г. Гроднѣ.

Съ этой точки зрѣнія взгляните хотя бы на Витебскій Успенскій Соборъ. Нельзя сказать, чтобы укрѣпленіе берега, наблюденіе за дренажированіемъ почвы какъ всей окружающей мѣстности, такъ вокругъ самаго зданія и подъ нимъ составляло предметъ, видимыхъ по крайней мѣрѣ заботъ**). Технический осмотръ самаго зданія не производился съ незапамятныхъ временъ и только недавно былъ произведенъ въ виду многочисленныхъ, съ верхняго края до ниж-

*) Е. Орловскій. Судьбы православія въ связи съ исторіею латинства и уни въ Гродненской губерніи въ XIX столѣтіи. Гродна, 1903 г., стр. 134—135, 151, 503.

**) „Виджители Успенскаго храма“, пишетъ Н. Я. Никифоровскій, „в зданія, занимаемаго нынѣ семинаріей, заложивши его въ 1748 г. для помѣщенія братія и училища, дорожили шириной этой площади, а возможные измѣненія ея отъ подпочвенныхъ вліяній тогда же посѣпили оградить каменными и деревянными укрѣпленіями, видимые остатки которыхъ сохранились въ обломкахъ каменныхъ стѣнъ и срубовъ по склону набережной, да цѣлыхъ пока срубовъ и свай въ водѣ у самаго берега Двины; для отвода же подпочвенной воды, всевозможной виновницы разрушенія, проведены были подземные стоки, дающіе еще и доселѣ поводъ утверждать, будто изъ Успенскаго собора и семинаріи подъ двидесятымъ ложемъ есть ходы на правую сторону рѣки... Съ теченіемъ времени „давнія инженерныя работы остались въ забвеніи; водоотводы засорились и грунтъ разжидился. Послѣдствіемъ сего было то, что значительная часть бульвара, противъ Бибкина переулка и далѣе, по направленію „къ дворцу“, осѣла на нѣсколько саженой, причѣмъ разрушились укрѣпленія, а сплывшая къ Двинѣ земля была унесена водою: сплошной раньше бульваръ (Успенско-Дворцовый) раздвоился... Много лѣтъ спустя послѣдовало „новое осѣданіе грунта противъ Бибкина переулка (въ 1866—67 г.г.)“. Н. Я. Никифоровскій. Страницки изъ недавней старины г. Витебска. Витебскъ, 1899 г., стр. 66—70.

няго зiąющихъ трещинъ, отхожденія правой башни въ сторону и другихъ дефектовъ зданія. А, между тѣмъ, вѣдь это краса всего города, видимая болѣе, чѣмъ за десятокъ верстъ издали!

Взглянемъ теперь на судьбу храмовъ, въ которыхъ почему либо прекращено богослуженіе, напимѣрь, вслѣдствіе упраздненія прихода, какъ это было въ 60-хъ годахъ, при сокращеніи штатовъ духовнаго вѣдомства, постройки новаго храма. Обыкновенно, если такую церковь не разберутъ на кирпичъ или на дрова, то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ поддерживаютъ и ремонтируютъ ее, а чаще она медленно разрушается. А, между тѣмъ, иногда нѣсколько десятковъ рублей могли бы сохранить памятникъ старины.

...Не могу я забыть экскурсію по предложенію и въ обществѣ Д. И. Довгялло къ „лѣсной“ церкви вблизи Островскаго тракта, неподалеку отъ им. Куковачино. Среди лѣса, на небольшомъ холмѣ перекосившаяся черная церковь. Окна безъ стеколъ. Крыша поросла мхомъ и даже молоденькими березками, мѣстами совсѣмъ провалилась и вездѣ свѣтится какъ рѣшето. Куполъ перекосился и также зіяетъ щелями. Полы обвалились. Птицы подъ крышей и у алтарей свили гнѣзда. Краски иконъ и стѣнной живописи поблекли и частью осыпались, и изображенія имѣютъ видъ какихъ то тѣней. По краямъ кіотовъ съ иконами и у подножія ихъ навѣшаны и разложены куски полотна, пучки льна и шерсти—жертвы бѣлорусса, который въ эти развалины идетъ повѣдать въ молитвѣ свои нужды и скорби предъ тѣми иконами и алтарями, къ которымъ приходили еще его дѣды и прадѣды... Обошли зданіе кругомъ, постояли внутри, посмотрѣли, разобрали съ трудомъ и списали кое-какія надписи, сопутствовавшій намъ фотографъ-любитель семинаристъ сдѣлалъ нѣсколько снимковъ... Еще разъ окинули взоромъ картину разрушенія и пошли назадъ...

...Невдалекѣ оттуда, ниже по теченію Двины, въ предѣлахъ Могилевской епархіи, расположено с. Дорогокупово. Не такъ давно тамъ выстроена новая церковь. Проѣзжающій на пароходѣ можетъ видѣть неподалеку отъ новой церкви старую-черную, перекосившуюся. Стекла въ окнахъ перебиты. Крыша свѣтится. А, между тѣмъ, вѣдь это постройка XVIII столѣтія, довольно характерная по стилю. Для нашего небогатаго церковной стариной Западнаго Края — это

цѣнность не такъ уже малая. На мѣстѣ или не могутъ, или не умѣютъ изыскать средствъ для ремонта, да и просто въ голову не приходитъ, что это нужно сдѣлать, а свыше никто и вниманія не обращаетъ: вѣдь это окраина Могилевской епархіи.

Впрочемъ, что и говорить о глухихъ углахъ. Старожилы витебляне помнятъ, за городомъ по дорогѣ къ Мазурину на берегу Двины стояла, если не ошибаюсь, на землѣ Витебскаго архіерейскаго дома, Борисоглѣбская церковь, каменная. Она давно уже была покинута. Штукатурка на половину обвалилась. Крыша обветшала. У входа стоялъ часовой. Въ ней помѣщался долгіе годы пороховой складъ, пока, наконецъ, въ началѣ 90-хъ годовъ ее не продали на сломъ. Порочное пятно съ лицъ и учрежденій, которымъ вѣдать было должно охраненіе храма, было снято самымъ простымъ способомъ.

...Православная церковь въ нашемъ краѣ частію унаслѣдовала отъ униі, частію получила при закрытіи католическихъ монастырей въ разное время и при конфискаціи костеловъ во время мятежа 1868 года немало церковныхъ зданій, обширныхъ по размѣрамъ, величественныхъ по архитектурѣ. Бѣдность православнаго населенія, невозможность, а можетъ быть,—судить трудно,—иногда и неумѣнье, и нежеланіе изыскать средства для поддержанія и ремонта дѣлаютъ то, что иногда эти великолѣпныя зданія вопіютъ на небо своимъ жалкимъ видомъ, пока на нихъ не обратитъ вниманіе начальство, и ремонтъ не произведутъ на казенный счетъ. Таковъ, не далеко ходить, Витебскій Успенскій Соборъ, въ несравненно большей степени Полоцкій Софійскій Соборъ. Къ утѣшенію любителей старины, впрочемъ, надо сказать, послѣдній уже ремонтируется, а первый стоитъ на очереди въ этомъ отношеніи... Не могу не вспомнить судьбу Ушачской церкви, Лепельскаго уѣзда. Во время польскаго мятежа Ушачскій костелъ былъ закрытъ, а въ началѣ 70-хъ годовъ переданъ въ вѣдомство православнаго исповѣданія и освященъ во им. Св. Александра Невскаго. Недолго въ немъ совершалось богослуженіе. Вскрѣ храмъ былъ заброшенъ. Отъ времени крыша и окна сильно пострадали. Запустѣніе дошло до того, что въ храмѣ ставили въ базарные дни лошадей. На печальную судьбу храма обратилъ вниманіе своею

газетною статьей Д. И. Довгялло, и по инициативѣ Св. Синода была отпущена крупная сумма на капитальный ремонтъ.

...Таковы результаты нашей бѣдности и некультурности для памятниковъ церковной старины.

Но бѣда была бы въ половину, если бы у насъ только пассивно относились къ работѣ стихій надъ памятниками старины.

Увы! на каждомъ шагу мы видимъ уже и человѣческую работу, направленную на разрушеніе родной старины, работу, въ основѣ которой лежитъ, какъ и во всѣхъ краяхъ нашего отечества **невѣжество** и притомъ, на еще большую бѣду, часто въ союзѣ съ **заботой о церковности благочѣнія**.

Какой опасности, трудно предугадываемой для интеллигентнаго человѣка, подвергаетъ невѣжество памятники старины, поясню прикѣрами.

...Въ одно изъ сельъ Могилевской епархіи, гдѣ священствовалъ мой родственникъ, въ годы моего студенчества, ожидался приѣздъ архіерея. Я проводилъ тамъ вакаціи. Привлекли я меня къ приготовленіямъ. Приводилъ я въ порядокъ церковную лѣтопись и т. п. Однажды, вечеромъ, дядя говоритъ: „сходи, пожалуйста, въ церковь. Тамъ дякъ приводитъ въ порядокъ бібліотеку. Помогни ему разобрать книги“. Иду. Въ полумракѣ, при свѣтѣ тоненькой восковой свѣчки, надъ столомъ, заваленнымъ грудями книгъ стоитъ съ глубокомысленнымъ видомъ псаломщикъ и время отъ времени со словами: «гѣто у печку» швыряетъ на полъ книги, имѣющія особенно истрепанный, старый видъ. Я наклонился надъ образовавшейся уже довольно большой кучей книгъ, обреченныхъ на сожженіе, и, что же? въ одной изъ книгъ, оборванныхъ, безъ переплета, усматриваю рукописное евангеліе, да еще съ весьма характерными помѣтками одного изъ священниковъ XVIII столѣтія на поляхъ, помѣтками, имѣющими цѣнность для исторіи прихода. Итакъ, лишь благодаря счастливой случайности евангеліе уцѣлѣло и попало на храненіе въ Витебскій церковно-археологическій музей. *)

*) Съ грустью вспоминаю, какъ тогда же, благодаря моей опрометчивости и святой простотѣ моей тетушки погибъ цѣнный въ археологическомъ отношеніи предметъ. Во время генеральной чистки церкви я нашелъ среди разнаго хлама атлас-

...Съ содроганіемъ, помню, когда то слушалъ наивный рассказъ глубокаго старика-священника, какъ въ сѣняхъ его дома, бывшаго базилианскаго кляштора, въ углу стояли портреты родовитыхъ фундаторовъ монастыря и храма; стояли, стояли, но въ одинъ прекрасный день онъ расудилъ за ненадобностью бросить ихъ въ печь: „я не полагаю“, говорилъ старикъ, „что они могутъ кому нибудь понадобиться“.

...Иногда приходится подивиться дикой настойчивости людей въ желаніи истребить историческій памятникъ, и, если не искать какихъ либо низкихъ побужденій, то—относить дѣйствія людей на счетъ чистаго варварства...

...Въ Задвинской Слободкѣ м. Бѣшенковичъ находилась церковь во имя Св. Николая Чудотворца. Построена она была въ послѣдней четверти XVIII столѣтія для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ православнаго населенія русской пограничной таможи. Съ теченіемъ времени Николаевскій Бѣшенковичскій приходъ былъ упраздненъ и присоединенъ сперва къ приходу Михайловской, а потомъ вмѣстѣ съ послѣднею къ Ильинской церкви, находящейся въ самомъ мѣстечкѣ. Церковь благополучно стояла, очень медленно поддавалась дѣйствию времени, и при всемъ беззаботномъ отношеніи къ ней, вѣроятно, простояла бы и до сего дня... Въ началѣ 90-хъ годовъ возвращена была прилегающая къ Николаевской церкви огородная земля, взятая управленіемъ имѣнія гр. Хреbtовича за ничтожную ругу. Казалось бы, создаются благоприятныя условія для возстановленія при церкви прихода, что и желательно было въ виду неудобства сообщенія для зарѣчныхъ прихожанъ съ церковью въ весеннее и осеннее время и крайняго много-

ный платочекъ (покровецъ), на которомъ весьма тонкимъ узловатымъ швомъ было вышито изображеніе Спасителя, лежащаго во гробѣ, и греческая надпись. Я въ числѣ другихъ предметовъ отобралъ этотъ платочекъ для передачи въ Витебскій церковно-археологическій музей. На бѣду платочекъ увидѣла тетушка и стала его просить у меня на время, чтобы завязать въ него обрѣзки галуновъ, бахромы, и т. п. получившіеся при починкѣ облаченій. Я упирался, но уступилъ увѣреніямъ тетушки, что она платочекъ сохранитъ въ дѣлостѣ. Только я его и видѣлъ. Пробѣжалъ архіерей. Начала тетушка искать узелочекъ, и не нашла. Вѣроятно, въ суматохѣ его бросили въ печь.

людства Бѣшенковичскаго прихода. Но не такъ случилось... Со стороны причта Бѣшенковичскаго прихода послѣдовало ходатайство предъ епархіальной властью объ уничтоженіи Николаевской церкви въ виду ея ветхости. Бѣшенковичскіе прихожане въ свою очередь возбуждаютъ ходатайство о сохраненіи древлеправославной святыни. Въ епархіальныхъ учрежденіяхъ дѣло затягивается. Однакоже, въ концѣ концовъ, указомъ консисторіи предписывается церковь снести. Тогда два ревнителя родной старины Н. Я. Никифоровскій и Д. И. Довгялло задаютъ подробное описаніе и исторію церкви, съ планомъ и снимками, и взываютъ о поощрѣніи для историческаго памятника*). Надежда почтенныхъ дѣятелей, что ихъ вопль дойдетъ до кого слѣдуетъ, осталась тщетною. Указъ консисторіи былъ исполненъ, и отъ храма остались на мѣстѣ фундаменты, да въ Витебскомъ церковно-археологическомъ музеѣ иконостасъ.

...Человѣческое невѣжество, ради ничтожной корысти, за жалкіе гроши или въ обмѣнъ на дешевенькіе предметы церковнаго обихода, сбывало цѣнныя старинныя парчевыя облаченія съ не менѣе цѣнными галунами развозчикамъ церковныхъ вещей и да парчевыя фабрики—для добыванія изъ нихъ серебра. Такимъ образомъ, иногда ради нѣсколькихъ золотниковъ серебра гибли рѣдкіе образцы парчей и галуновъ.

Словомъ, трудно и перечестъ все способы, которыми невѣжество уничтожало церковную старину.

...Случайное, но также очень характерное для нравовъ и порядковъ нашего отечества обстоятельство лишило, по рассказамъ А. П. Сапунова, многія церкви Полоцко-Витебскаго края значительнаго количества цѣнныхъ предметовъ церковной старины.

Въ началѣ 90 хъ годовъ прошлаго столѣтія на витебскомъ горизонтѣ появился не безызвѣстный въ Западномъ Краѣ минскій антикварій, quasi ученый Татуръ, коллекціонеръ и, какъ поговаривали, поставщикъ за границу (въ Германію) предметовъ старины. Представившись архіерею (пр. Антонинъ) и губернатору (кн. Долгоруковъ),

*) Н. Я. Никифоровскій и Д. И. Довгялло. Никольская церковь въ Задвинской Слободкѣ м. Вѣшенковичъ, Лепельскаго у., Витебскъ, 1899 г. (отд. отт. изъ №№ 3—5 Пол. Ед. Вѣд. 1899 г.).

онъ предъявилъ выданный ему въ Св. Синодѣ открытый листъ, въ которомъ предлагалось мѣстнымъ духовнымъ и гражданскимъ властямъ оказывать ему всяческое содѣйствіе въ его дѣятельности по церковной археологіи. Сомнительно казалось нашимъ мѣстнымъ властямъ... Предъявитель былъ лицомъ польскаго происхожденія и римско-католическаго вѣроисповѣданія, а православный Святѣйшій Синодъ пускалъ его хозяйничать въ православныхъ церквахъ. Но... Петербургъ велитъ, надо слушаться. Архіерей—духовенству, губернаторъ—администраціи предписали содѣйствовать во всемъ Татуру... Духовенство принимало Татура уже чуть не какъ начальство и пассивно созерцало его дѣятельность. А дѣятельность эта состояла въ изъятіи изъ церквей и обращеніи въ личную собственность безвозмездно наиболѣе цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ. И нужно отдать справедливость: Татуръ воспользовался въ полной мѣрѣ данными ему правами и произвелъ основательную чистку церквей въ отношеніи церковной старины... Когда не много времени спустя А. П. Сапуновъ и Е. Р. Романовъ посѣтили витебскія церкви съ цѣлю отобрать для учреждавшагося церковно-археологическаго музея предметы церковной старины, то убѣдились, что ихъ трудъ очень облегчилъ Татуръ. Когда, просматривая старія описи, они находили то или другое интереснымъ для музея и спрашивали у священниковъ, то зачастую слышался отвѣтъ: «сваялъ Татуръ». Или же священники говорили: „вогъ, у насъ было еще то-то и то-то, но забралъ Татуръ“. А то видятъ старинное цѣнное облаченіе, но обезображенное: съ него спорото оплечье.—„Оплечье было шитое. Оно понравилась Татуру, и онъ споролъ его и забралъ“...

...О если бы мы могли быть увѣрены, что и въ наше время церковная старина, столь ревностно оберегаемая духовнымъ вѣдомствомъ отъ попаданія въ общественные музеи, не состоящіе въ духовномъ вѣдомствѣ (какъ, на примѣръ, нашъ музей Архивной Комиссіи), обезопасена была и отъ поплзновеній подобныхъ Татуру, покровительствуемыхъ свыше, гастролеровъ по части церковно-археологическихъ цѣнностей...

...На бѣду для церковной старины въ союзъ, невѣжествомъ, особенно за послѣднія десятилѣтія вошла еще **любовь къ церковному благолѣпію**. И пошла ломка стараго, представлявшагося ретивымъ не-

вѣждамъ некрасивымъ и замѣна новымъ, зачастую топорнымъ, аляповатымъ, но блестящимъ...

Для примѣра возьмемъ хоть Полоцкъ, а потомъ перейдемъ и въ Витебскъ.

...Извѣстно, что древняя церковь Св. Спаса въ Полоцкомъ Евфросиніевскомъ монастырѣ до передачи ея въ вѣдомство православнаго исповѣданія сохраняла древнюю стѣнную роспись. Роспись эта сильно пострадала и отъ времени, а еще больше отъ рукъ иезуитскихъ учениковъ (монастырь долгое время принадлежалъ иезуитамъ). Въ видахъ церковнаго благолѣпія, при обновленіи храма, стѣны церкви были покрыты краской. Незавѣстно, закрашена ли только, или же стерта совсѣмъ древняя стѣнопись.

Въ 90 годахъ прошлаго столѣтія на синодальныя суммы произволился капитальный ремонтъ Полоцкаго Николаевского Собора. При передѣлкѣ въ царствованіе Императора Николая I этого храма изъ костела поставленъ былъ (для главнаго алтаря) невысокій, одноярусный иконостасъ, весьма тонкой изящной работы, своими пропорціями, линиями и деталями вполне гармонировавшій со внутренней отдѣлкой храма. Иконы были прекрасной академической живописи (помнится, на примѣръ, иконы на царскихъ дверяхъ—копіи съ такихъ же Петербургскаго Казанскаго Собора—кисти Боровиковскаго). Распорядители ремонта озабочены были, куда подѣть деньги и чѣмъ бы приукрасить соборъ. И вотъ, рѣшили, что старый иконостасъ малъ и некрасивъ, притомъ не въ русскомъ стилѣ. Убрали старый, соорудили новый, выше раза въ 2 противъ прежняго, аляповатой, ремесленной работы въ quasi русскомъ стилѣ съ ремесленническаго же производства иконами. Дисгармонія главнаго иконостаса съ боковыми и со всей отдѣлкой собора рѣжетъ глазъ.

Не лучше обстояло дѣло и въ Витебскѣ. Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ Витебскомъ Марковомъ монастырѣ настоятельствовадь архимандритъ Иларіонъ, употребившій около двухъ десятковъ тысячъ личныхъ средствъ на украшеніе и передѣлку монастырскихъ храмовъ. Въ своемъ усердіи онъ искажилъ шатровые верхи древней Троицкой церкви, измѣнилъ форму главъ, уничтожилъ шатровныя крыльца, уменьшилъ высоту окружа-

ющей храмъ галлерей. Внутри храма не только перекрасилъ и перезолотилъ заново иконостасъ, но и уничтожилъ грандіозные боковые кіоты, замѣнивъ ихъ иконостасами для предполагавшихся придѣльныхъ алтарей, снялъ свѣтъ надъ жертвенникомъ, уничтожилъ старшій ходъ на хоры (въ южной части храма), наружная стѣна котораго была покрыта росписью, взамѣвъ его устроилъ ходъ и, для симметріи, кладовушку въ западной части храма, закрывъ при этомъ часть стѣнописи. Мало того, онъ и вовсе собирался уничтожить стѣнную роспись, но отъ этого удержали его нашъ историкъ А. П. Сапуновъ и Е. Р. Романовъ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ причтъ и староста военной Николаевской церкви, построенной въ 1779 г., для русскаго гарнизона комендантомъ гр. Минихомъ, рѣшили замѣнить новымъ старшій иконостасъ, легкій, высокій, уходившій въ куполъ, прекрасной работы въ стилѣ Рококо, съ весьма приличной итальянской живописью. И вотъ, на мѣсто стараго явился нозыт, дубовый, тяжелый, приземистый, крайне грубой работы съ иконами на рѣдкость аляповато написанными, съ техникой, достойной мастера вывѣсокъ. Старшій иконостасъ свалили въ сарай въ надеждѣ найти покупателей. Увы! покупатель не нашелся, и иконостасъ пошелъ на дрова. Когда сожгли остовъ иконостаса и всѣ рѣзныя украшенія, начали употреблять на топливо и иконы. Къ счастью, съ назначеніемъ нынѣшняго настоятеля церкви остатки иконостаса были спасены. Иконы размѣщены по стѣнамъ церкви, а царскія двери, единственное, что уцѣлѣло отъ рѣзбы,— на горнемъ мѣстѣ придѣльнаго храма.

Въ концѣ 90-хъ годовъ изящный иконостасъ Витебскій Іоанно-Богословской церкви, перенесенный сюда изъ Витебскаго Николаевскаго собора, представлявшій собою какъ бы портикъ зданія, съ пилястрами коринтскаго ордера и тонкой рѣзбой царскихъ дверей, съ иконами итальянскаго письма, рѣшено было преобразовать на русскій стиль. Остовъ иконостаса, карнизы, рѣзныя украшенія, царскія двери оставлены были въ неприкосновенности, но пилястры замѣнены полуколонками, если можно такъ назвать какія то вычурныя комбинаціи изъ полукруговъ, четырехугольниковъ и пр., нагроможденныхъ другъ на друга и изукрашенныхъ херувимами, а

надъ мѣстными иконами устроены въ томъ же якобы русскомъ стилѣ, балдахины. Иконамъ придали золотой чеканный фонъ; лики прописаны свѣтлыми красками, а одежды яркой красной и синей. Вообразите, какія пестрота и смѣшеніе получились!

Въ самое недавнее время тяжелая рука любителей церковнаго благолѣпія налегла и на Витебскую Петропавловскую церковь (построена въ концѣ XVIII столѣтія, освящена въ началѣ XIX митрополитомъ Иракліемъ Лисовскимъ). И вотъ, правда, поблекшая, но очень хорошая стѣнная роспись итальянскаго письма замазана, и стѣны окрашены въ ярко розовый колеръ „подъ мраморъ“, а своды подъ звѣздное небо: послѣднее слово шика! Иконостасъ стиля Рококо, отличавшійся замѣчательно удачнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ, при чемъ фонъ былъ зеленый подъ малахитъ, мѣстами (напр. пилястры) красноватый съ золотыми тѣнями, позолота рѣзбы и рамъ матовая, нѣжная, а въ цѣломъ получалось впечатлѣніе свѣжести, живости,—иконостасъ густо раззолоченъ «подъ поляментъ»; фонъ окрашенъ въ однообразный мертвенный голубовато—сѣрый цвѣтъ; иконы хорошаго итальянскаго письма безъ всякой нужды и въ ущербъ ансамблю замѣнены новыми, правда, приличнаго письма, но шаблонными; прекрасный запрестольный массивный кіотъ съ сквозными рѣзными колонками и иконой Св. апи. Петра и Павла замѣненъ намозолившей глаза въ Витебскихъ церквяхъ, почему то излюбленной въ нашей епархіи за послѣдніе годы для помѣщенія за престоломъ вопреки всякимъ традиціямъ православной церкви (традиціонныя изображенія: Тайная Вечеря, Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, въ позднѣйшее время—Св. Троица, Воскресеніе Христова), копіей съ картины Бруни «Моленіе о чашѣ»—въ широкой багеткой рамѣ. Кіотъ, вѣроятно, помѣщенъ на чердакѣ или въ кладовой.

При этомъ въ притворѣ были закрашены надписи о построеніи и освященіи церкви.

И такой, по истинѣ варварскій въ художественномъ и церковно-археологическомъ смыслѣ, ремонтъ продѣланъ былъ на глазахъ и съ одобренія епархіальной власти, въ то время, какъ приглашенною тою же епархіальной властью комиссіей изъ свѣдущихъ лицъ (въ числѣ ихъ былъ и А. П. Сацуновъ) выработаны были сообразно съ задачами искусства и

археологiи весьма опредѣленныя директивы для ремонта... Но невѣжество и безвкусіе всегда увѣрены въ своей правотѣ, и что для нихъ указанія специалистовъ...

Разумѣется, рассказанное мною, извѣстное мнѣ составляетъ только ничтожную частичку въ работѣ надъ разрушеніемъ церковной старины. И тутъ, и тамъ то уродуютъ до неузнаваемости, то прямо такъ сваливаютъ въ кладовыя, сарай и на чердаки церковную старину, предметы нерѣдко высокаго изыщества (напр. въ Витебской Задунавской церкви на площадкѣ лѣстницы, вѣдущей на колокольню, лѣтъ шесть тому назадъ я видѣлъ прекрасной работы царскія двери), и тамъ все это покрывается пылью, гниетъ, разваливается, пока случайно какой либо любитель старины не вытянетъ на свѣтъ Божій...

Таже исторія впрочемъ, повторяется и во всѣхъ концахъ нашего отечества. И въ центральныхъ губерніяхъ, и на далекомъ Сѣверѣ чердаки и кладовыя церквей завалены художественными и историческими драгоценностями, въ то время какъ храмы наполняются произведеніями ремесленническаго производства, грубыми, шаблонными, безъидейными...

Но нашъ край въ дѣлѣ разрушенія старины имѣлъ и имѣетъ еще одного могучаго фактора, стершаго съ лица земли безконечное множество памятниковъ церковнаго зодчества, иконописи, утвари и пр. Разумѣю неразумную **ревность по глрѣ**.

При польско-католическомъ владычествѣ въ усиленной степени проявляли ее католики, старательно уничтожая слѣды православія, настолько старательно, что нашъ край сохранилъ меньше памятниковъ православно-русской старины, чѣмъ края, по которымъ прошли дикія полчища татаръ и надъ которыми тяготѣло вѣковое татарское иго.

...Приведу одинъ наглядный примѣръ, какъ относилось римско-католическое духовенство къ попавшимъ въ ихъ руки православнымъ святынямъ.

„Послѣ изгнанія іезуитовъ“ пишетъ А. И. Сапуновъ,*) храмъ „Св. Спаса въ Полоцкомъ Евфросііевскомъ монастырѣ**) (бывшій до

*) А. Сапуновъ. Памятники временъ древнихъ и новѣйшихъ въ Витебской губерніи. Витебскъ, 1903 г. стр. 9.

**) О немъ см. выше.

1832 года въ вѣдѣніи піаровъ, находился въ самомъ жалкомъ видѣ*

„Храмъ стоялъ безъ оконъ и дверей, стѣнная древняя живопись была во многихъ мѣстахъ попорчена выцарапанными на ней. (руками іезуитскихъ воспитанниковъ) надписями, вродѣ: «кривоустъ» „косоглазъ“ и т. п. На многихъ иконахъ глаза святыхъ были выколоты. Слѣды пуль видны были въ ликѣ благословляющаго Спасителя въ куполѣ и въ образѣ Знаменія въ кельѣ преп. Евфросинія“...

Таково было отношеніе къ православной древней святынѣ въ самомъ центрѣ католическаго просвѣщенія, на глазахъ у генераловъ іезуитскаго ордена (въ бывшемъ монастырѣ Св. Спаса находилась лѣтняя ихъ резиденція).

...По воссоединенія униатовъ съ православною церковью, отчасти и до него, началась работа по приданію храмамъ Западнаго Брая православнаго вида: устраивали иконостасы, гдѣ ихъ не было, замѣняли униатскія утварь (католическаго образца), богослужебныя книги православными, и пр. Но все это первые дѣятели по воссоединенію митрополитъ Іосифъ Сѣвашко, Василій Лужинскій*) * Антоній Зубко и изъ древле православныхъ еп. Исидоръ (впослѣдствіи митрополитъ С. Петербургскій) вели съ мудрою постепенностью и съ умѣніемъ отличать существенное отъ несущественнаго и западно-русское православное—отъ католическаго.—При томъ они и не имѣли въ виду совершенно неразумной цѣли стереть поучительные слѣды пережитаго православнымъ западно-рускимъ населеніемъ. По этому, въ поуніатскихъ храмахъ въ это время наряду съ высокими иконостасами можно было видѣть боковые алтари католическаго типа, статуи, наряду съ православнаго образца сосудама—униатскіе; оставались на своемъ мѣстѣ и служили своей цѣли амвоны для проповѣдниковъ, и пр., и пр., и все это не мѣшало постепенному росту православнаго и русскаго самосознанія въ духовенствѣ и народонаселенія Брая. Какой степени достигъ этотъ ростъ въ теченіи немно-

*) О дѣятельности въ этомъ отношеніи Архіепископа Василія Лужинскаго—въ предѣлахъ нашей епархіи см. книгу: „Прот. Г. Шавельскій. Послѣднее воссоединеніе съ православною церковью униатовъ Вѣторусской епархіи. С.-Петербургъ, 1910 г.“

гихъ десятилѣтій показалъ 1863 годъ, когда шляхта встрѣтила дружный отпоръ въ западно-русскомъ народѣ.

Съ 1866 года для церковной старшины Полоцко-Витебскаго края наступили лихія времена. Въ этомъ году на Полоцкую Каѳедру вмѣсто отозваннаго для присутствованія въ Св. Синодѣ архіеп. Василія Лужинскаго былъ назначенъ изъ Московскихъ викаріевъ епископъ Савва.

Преосвященный Савва, впоследствии архіепископъ Тверской, былъ личностью, далеко не заурядною среди іерарховъ Русской Церкви. Въ церковно-исторической наукѣ его имя еще при жизни приобрѣло извѣстность благодаря изданному имъ весьма тщательно составленному описанію Московской патріаршей ризницы, а также многолѣтнимъ трудамъ по собиранію, систематизаціи и редактированію мѣній и отзывовъ, резолюцій и писемъ Филарета, митрополита Московскаго, собраніе которыхъ составило многотомныя изданія. Свою любовь къ знанію преосвящ. Савва засвидѣтельствовалъ составленіемъ громадной, преимущественно богословской и церковно-исторической библіотеки, оставленной имъ Московской Духовной Академіи. Оставленные имъ и изданные посмертно колоссальныя по объему автобіографическія записки, не говоря уже о ихъ значеніи какъ историческаго матеріала,—самымъ фактомъ своего существованія характеризуютъ личность архипастыря съ точки зрѣнія работоспособности и пунктуальности. Въ самомъ дѣлѣ, только человекъ до крайности пунктуальный въ состояніи былъ бы въ теченіе всей жизни неопустительно собирать документальныя данныя для своей автобіографіи; и не только документы высокаго историческаго значенія, но и всѣ, даже самыя ничтожныя и по содержанію (оплетни), и по источнику происхожденія письма, а также телеграммы, даже простого поздравительнаго содержанія; снимать копія съ отправляемыхъ имъ самимъ бумагъ, писемъ и телеграммъ; все это хранить и содержать въ порядкѣ; и только чрезвычайная работоспособность въ состояніи была систематизировать этотъ матеріалъ въ хронологическомъ порядкѣ и изложить вмѣстѣ съ воспоминаніями и характеристиками въ видѣ болѣе или менѣе стройнаго цѣлаго.

Что преосвященный Савва не только въ кабинетной работѣ, но

и въ своей архипастырской дѣятельности отличался тою же пунктуальностью и основательностью, объ этомъ свидѣтельствуешь, между прочими другими, и такой примѣръ изъ его Записокъ.---Преосвященный обратилъ вниманіе на то, что въ Витебскомъ кафедральномъ соборѣ облаченія священнослужителей, на престольныя одежды и пр. не отличаются гармоническимъ сочетаніемъ цвѣтовъ, и сплошь и рядомъ завѣдующія этимъ лица неудачно въ этомъ отношеніи подбираютъ вещи одну къ другой, напримѣръ, цвѣтъ подризника не гармонируетъ съ цвѣтомъ ризы. Преосвященный рѣшилъ положить этому конецъ, но какъ человѣкъ основательный не положился въ этомъ дѣлѣ на себя и своихъ непосредственныхъ помощниковъ, а отнесся за указаніями въ соответствующую инстанцію. Но кто же можетъ въ такомъ тонкомъ дѣлѣ, какъ гармонія цвѣтовъ въ одеждахъ, быть наиболѣе компетентными, какъ не дамы? И вотъ преосвященный Савва обратился къ благочестивымъ Московскимъ дамамъ съ письменной просьбой о томъ, чтобы онѣ, посовѣтовавшись между собою, составили бы таблицу цвѣтовъ, гармонирующихъ другъ съ другомъ. Просьба была обязательно исполнена, и трудъ Московскихъ дамъ запечатлѣнъ для церковно-исторической науки въ Запискахъ преосвященнаго. Тамъ приведена таблица цвѣтовъ, составленная въ такомъ, приблизительно, видѣ: розовый цвѣтъ гармонируетъ съ голубымъ, зеленымъ, кремъ и т. д.; красный цвѣтъ гармонируетъ съ желтымъ и т. д.—Таблица принята была преосвященнымъ къ свѣдѣнію и руководству для Витебскаго кафедральнаго собора...

Если такой, повидимому, маловажный предметъ вызвалъ столько заботъ и столько самой тщательной, пунктуальной работы со стороны преосвященнаго Саввы, то можно ли думать, чтобы насущные запросы и нужды церковной жизни оставались безъ разработки, во много кратъ болѣе пунктуальной и тщательной?

Упомянутыя качества преосвященнаго Саввы, несомнѣнно выдѣлявшія его среди современниковъ-архипастырей, поставили бы его въ ряду знаменитѣйшихъ іерарховъ не только Русской, но и Вселенской церкви всѣхъ временъ, если бы онѣ сочетались съ глубиной и широтой мысли и богословско-научнаго и нравственно-практическаго воззрѣнія.

Но этого то ему и не доставало. При богатых фактических свѣдѣніяхъ въ области богословской и церковно-исторической преосвященный Савва сохранилъ школьную узость взглядовъ по богословскимъ и церковно-практическимъ вопросамъ и въ выработкѣ сужденій о разныхъ сторонахъ церковной жизни держался въ рамкахъ „миѣнній и отзывовъ“ митрополита Московскаго Филарета. Что касается общаго уклада и внѣшнихъ формъ церковно-религіознаго быта и богослуженія, то преосвященный Савва былъ строгимъ охранителемъ и насадителемъ православія, притомъ въ очень узкомъ смыслѣ, то есть, все, чему онъ не находилъ соответствія въ родныхъ ему губерніяхъ Владимірской и Московской, представлялось ему противорѣчающимъ духу православія и заслуживающимъ неуклоннаго и немедленнаго искорененія.

Поэтому, и къ личностямъ, и къ дѣятельности первыхъ дѣятелей по воссоединенію униатовъ, дѣйствовавшихъ съ мудрой постепенностью и строгимъ различеніемъ существеннаго и второстепеннаго, въ особенности же къ своему непосредственному предшественнику по епархіи Высокопреосвященному Василию*), преосвященный Савва от-

*) „Образъ Вѣлорусскаго воссоединителя“, пишетъ въ своей книгѣ прот. Г. Шавельскій, „вышелъ изъ подъ его пера (преосвященнаго Саввы въ его запискахъ) очень непривлекательнымъ; индифферентъ, или въ лучшемъ случаѣ католикъ по релігіознымъ убѣжденіямъ, полякъ по политическимъ симпатіямъ, не только не сдѣлавшій ничего для утвержденія православія, но даже гнавшій и преслѣдовавшій „все православное, такимъ или почти такимъ рисуется пр. Василія его преемникъ... Слишкомъ рѣзкій отзывъ пр. Саввы объ убѣжденіяхъ пр. Василія и его управленіи епархією, могущій набросать мрачную тѣнь подозрѣнія и на „воссоединительное прошлое“ пр. Василія, требуетъ, чтобы мы не оставили его безъ необходимыхъ на нашъ взглядъ поясненій. Трудно указать всѣ мотивы, чувства и побужденія, „подъ вліяніемъ которыхъ сложились въ представленіи пр. Саввы образъ его предшественника. Тутъ играли роль и *строгаго уставнаго убѣжденія* (курсивъ весь нашъ) „бывшаго московскаго викарія, владимірца по рожденію, очень часто у подобныхъ людей доходящія до фанатизма, до ненависти ко всему, не укладывающемуся въ рамки устава и „древняго благочестія“; тутъ играли роль и довольно обычныя въ жизни „чувства недовольства преемниковъ предшественникамъ, неумѣренной критики и строгости первыхъ къ дѣйствіямъ послѣднихъ; тутъ же имѣли значеніе и *малыя подчелюстныя, льстившія новому владыкѣ и унижавшія прежняго и довѣрчивость къ намъ*“

носился съ непреодолимой антипатіей и безопадной, но далеко не безпристрастной и не тщательно освѣдомленной критикой. Въ мѣстныхъ церковныхъ дѣятеляхъ преосвящ. Савва въ лучшемъ случаѣ усматривалъ людей, стремящихся, но еще достигшихъ въ своей жизни и дѣятельности того православія, какое наблюдается въ Великороссійскихъ епархіяхъ*), недовѣрковъ, въ худшемъ случаѣ лицемѣровъ и затаенныхъ униатовъ.

„пр. Саввы; тутъ наконецъ оказали свое вліяніе и личные счеы епископовъ... и кое-что другое. Грѣхъ пр. Саввы въ томъ состоитъ, что онъ поддакъ этимъ вліяніямъ и измѣрялъ личность пр. Василія только по опредѣляемому ими масштабу, не сдѣлавъ усилія провѣрить свое замѣненіе болѣе объективнымъ способомъ. Увлеченіе пр. автора при этомъ иногда доходило до курьезовъ.

„Укажемъ на слѣдующій примѣръ. Преосв. Савва объясняетъ православный образъ мыслей и дѣйствій митр. Іос. Сѣмашки тѣмъ, что, по словамъ послѣдняго, во время его обученія въ главной семинаріи, были приняты по богословскимъ наукамъ учебники, употреблявшіеся въ австрійскихъ университетахъ и составленные „подъ вліяніемъ духа царствованія Іосифа II, направленные противъ злоупотребленій папской власти. Объясненіе — исторически естественное и основательное. Но антогонизмъ въ своему предшественнику наставлялъ преосвященнаго автора пойти дальше и зацутаться въ сѣтяхъ противорѣчій. „А не тѣ, прибавимъ отъ себя — продолжаетъ преосв. Савва, — какіе употреблялись въ прежнее время, когда воспитывался въ томъ же Виленскомъ университетѣ В. Лужинскій, т. е. пропавнутые насквозь „духомъ іезуитскимъ“. Между тѣмъ Сѣмашко и Лужинскій были товарищами по „скамъ, въ 1816 году поступившими, а въ 1820 году окончившими курсъ главной „семинаріи. Вообще надо сказать, что если бы пр. Савва спокойно и объективно отвѣсился къ пр. Василю и не бросалъ бы обвиненій, не провѣривши ихъ справедливость, — онъ многое изъ сказаннаго имъ не предалъ бы гласности и на многое казавшееся въ пр. Василю преступнымъ, измѣнилъ бы свой взглядъ“...

Прот. Г. Шавельскій. Последнее воссоединеніе съ православной церковью униатовъ Вѣлорусской епархіи. С.-Петербургъ, 1910 г., введеніе стр. XXII—XXIII.

*) Съ чувствомъ глубокаго превосходства преосвящ. Савва отмѣчаетъ всѣ уклоненія въ быту Западно-русскихъ архіереевъ отъ установившагося въ Велико-руссиіи уклада архіерейской жизни. Описывая, на примѣръ, свой прѣздъ въ Вильну для свиданія съ митрополитомъ Іосифомъ Сѣмашко, онъ съ благодушной ироніей изображаетъ, въ какое затруднительное положеніе поставленъ былъ мастытый старецъ, самъ употреблявшій мясную пищу, узнавъ о прѣздѣ строгаго постника-епископа изъ православной Москвы, и сколько хлопотъ стоило достать для него рыбокъ и состряпать скудный постный обѣдъ. Преосвящ. Савва при этомъ упустилъ изъ виду, что преосвящ. Іосифъ (какъ и другіе воссоединенные архіереи) не былъ

А такъ какъ и жизнь, и люди Западнаго Края оказали при первой встрѣчѣ съ ними преосвященнаго Саввы пассивное (а иногда и активное) противодѣйствіе проведенію въ жизнь его взглядовъ и симпатій, то не удивительно, что преосвящ. Савва, отличавшійся при томъ чрезвычайно острымъ самолюбіемъ и отсутствіемъ самокритики, если не принесъ, то на мѣстѣ воспиталъ въ себѣ, доходящую подчасъ до ненависти, антипатію ко всему мѣстному, начиная съ обрядовъ и церковной обстановки и кончая людьми, сохранившими хоть тѣнь независимости сужденія и дѣйствія.

Изъ сказаннаго понятно уже, каково могло быть отношеніе преосвящ. Саввы къ мѣстной церковной старинѣ, въ значительной степени уніатской, и во всякомъ случаѣ Западно-русской, а не Московской.

Ее начали безпощадно искоренять.

Прежде всего и больше всего налегали на скульптурныя изображенія, усматривая въ нихъ высшую точку проявленія католическаго духа*), хотя стоящій внѣ всякаго подозрѣнія относительно чистоты и истовости православія Русскій Сѣверъ сплошь скульптурными изображеніями въ своихъ храмахъ и хотя въ бытность Московскимъ викаріемъ преосвящ. Савва, вѣроятно, неоднократно прикладывался къ статуѣ **Никола Можайскій**, чтимой въ Москвѣ какъ чудотворная икона. Благовныя, чердаки и подвалы церквей завалены были статуями. А исполнители наиболѣе ретивые даже жгли ихъ.—Рѣзнымъ распятіямъ оказано было снисхожденіе (можетъ быть, въ виду того, что святіе ихъ съ мѣста слишкомъ чувствительно отзывалось на религіозныхъ чувствахъ народа): имъ только «распиливали ножи**»). Эта послѣдняя

монахомъ, а былъ возведенъ въ архіерейскій санъ изъ бѣлыхъ священниковъ безъ предварительнаго постриженія въ монахи (по обычаю уніатской церкви, согласному съ древней практикой Вселенской церкви и нынѣшней Греческой), а, во вторыхъ, что даже и въ монастыряхъ Западнаго края было разрѣшено высшей церковной властью употребленіе мясной пищи.

*) То правда, что скульптурныя изображенія больше привились на Западѣ, а Восточная церковь ихъ избѣгала. Однакоже нужно замѣтить, что одна изъ первыхъ извѣстныхъ иконъ, изображеніе Спасителя, поставленное Имп. Константиномъ Великимъ на воротахъ Константинополя,—было *скульптурное*.

***) По католическому преданію ноги Спасителя были пригвождены однимъ

мѣра вошла даже въ мѣстные анекдоты, какъ свидѣтельствуемъ статья «Изъ воспоминаній о прошломъ», напечатанная въ Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ за 1879 годъ *). „На нѣкоторомъ обѣдѣ одно высокопоставленное лицо выразило сожалѣніе, что не прибылъ владыка ...скій. «Не досугъ ему», отвѣчало другое высокопоставленное лицо: «занять весьма важнымъ дѣломъ». — Какимъ такимъ весьма важнымъ? — «Спасителю ноги **распизивать** (намекъ на передѣлку рѣзанныхъ распатій), былъ отвѣтъ». Боковые алтари католическаго образца были подвергнуты удаленію къ великому смущенію и горю прихожанъ, особенно стариковъ, не подозрѣвавшихъ, что эти алтари наносятъ ущербъ православію. Приняты были мѣры и къ уничтоженію амвоновъ для проповѣдниковъ, хотя ни по существу, ни по исторіи происхожденія, какъ можно видѣть изъ ранѣе сказаннаго, въ нихъ ничего нельзя усматривать противнаго православію, а съ практической точки зрѣнія имъ нельзя отказать въ цѣлесообразности, и хотя преосв. Савва могъ видѣть ихъ въ храмахъ Петербурга, въ частности, въ тѣхъ, гдѣ собирается на торжественное служеніе Св. Правительствующій Си-

гвoadемъ, будучи положены одна на другую. Распатія въ униатскихъ церквяхъ были устроены сообразно этому преданію. Чтобы привести ихъ въ согласіе съ православнымъ преданіемъ, и приходилось прибѣгать къ распизиванію.

*) Церк.-Общ. Вѣстникъ, 1879 г., № 14, стр. 5. Статья эта была напечатана безъ указанія мѣста дѣяствія и, разумѣется, безъ подписи автора. Духовенство Полоцкой епархіи однакоже безъ труда узнало въ статьѣ своемъ епархію и образъ преосв. Саввы. Оо. депутаты епархіальнаго съѣзда 1880 г. обратили вниманіе на эту статью. „Хотя въ статьѣ не обозначено ни мѣста, ни времени дѣяствія, и не названы лица, тѣмъ не менѣе съѣздъ нашель, что эта статья касается именно Полоцкой епархіи. Съѣздъ постановилъ: просить довести до вадлежащаго свѣдѣнія, что съѣздъ признаеть написанное въ такой-то статьѣ клеветой, ибо ничего подобнаго въ епархіи и консисторіи (откуда депутаты подобное узнали?) не было и всѣ дѣяствія лица, къ которому статья будто бы относится были благія и т. п....—благодарить его за заботы о духовенствѣ и выразить сожалѣніе о незаслуженномъ оскорбленіи его неизвѣстнымъ составителемъ статьи“. Церк.-Общ. Вѣст., 1880 г. № 20 стр. 3. „То-го порадовали“, замѣчаетъ по этому поводу другой корреспондентъ Ibid. стр. 5. „Преосвященнѣйшій, получивши этотъ адресъ, изволевъ выразить подписавшимъ его свою искреннюю благодарность за добрую память о немъ (отнош. отъ 28 февраля № 1507)“. Ibid. № 47—48, стр. 5. (Опроверженіе корреспонденцій за подписью свящ. А. Гвидовскаго).

нодь (Исакиевскій, Казанскій соборы). Покры въ алтаряхъ и клиросы подверглись также передѣлкѣ для приведенія въ соотвѣтствіе съ устройствомъ ихъ въ Великороссійскихъ епархіяхъ. Съ итальянской живописью, скрѣпя сердце, пришлось помириться, такъ какъ иначе пришлось бы вынести изъ церквей или переписать вновь большинство иконъ; впрочемъ, гдѣ позволяли средства, тамъ иконы итальянскаго письма удалялись и замѣнялись новыми, претендовавшими на православіе: написанными на золотомъ фонѣ. Такъ, изъ кафедральнаго собора при ремонтѣ его удалена была икона „Святіе со креста“, приписываемая Сальватору Розѣ. Она нашла себѣ мѣсто въ Петропавловской церкви, а въ настоящее время, переживъ нѣсколько доморощеныхъ реставрацій, въ результатѣ которыхъ краски растрескались и въ значительной степени осыпались, помѣщена въ Витебскомъ церковно-археологическомъ музеѣ. Наконецъ, и наружный видъ храмовъ стали подвергать измѣненію съ цѣлью придать имъ православный видъ: воздвигались купола (деревянные наружные) тамъ, гдѣ ихъ не было; верхамъ башенъ придавался видъ русскихъ главъ. Конечно, при этомъ получалась дисгармонія и смѣшеніе стилей, а иногда и вопіющія архитектурныя несообразности, когда, напримѣръ куполь устраивался надъ базиликой, не имѣющей поперечнаго нефа (куполь въ базиликахъ, какъ говорилось выше, устраивается на пересѣченіи средняго продольнаго и поперечнаго нефовъ), а состоящей только изъ продольныхъ (какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто въ Витебской Покровской церкви), или установка его не сообразована съ положеніемъ пилястровъ, раздѣляющихъ боковыя фасады (такъ обстоитъ дѣло въ Витебской Рывковой Воскресенской церкви). Наиболѣе радикальной передѣлкѣ подверглись въ Витебскѣ кафедральный Николаевскій соборъ и Св. Духовская церковь. Въ первомъ были заложены прежнія широкія окна и устроены новыя маленькія; верхній ярусъ башенъ былъ снятъ; фасады передѣланы. Въ Св. Духовской церкви также передѣланы окна, разобраны двѣ переднія башни и замѣни ихъ построена высокая колокольня въ русскомъ стилѣ; но куполь оставленъ въ прежнемъ видѣ и плохо согласуется съ фасадами и колокольней.

...Таковъ былъ тонъ, заданный преосвящ. Саввой, въ отноше-

ни къ мѣстной старинѣ. Немало памятниковъ старинны и искусства было погублено и изуродовано. Но зло, причиненное преосвящ. Саввою мѣстной церковной старинѣ не исчерпывается тѣмъ, что сдѣлано непосредственно имъ и по его распоряженію, и въ угоду ему за немногіе годы пребыванія его на Полоцкой кафедрѣ. Болѣе глубокое зло, дающее себѣ чувствовать и по настоящее время, это духъ **презубинія** къ родной старинѣ и духъ узкаго **фанатизма**, внесенный имъ въ среду мѣстнаго духовенства, да и нѣкоторой части мірянъ. Чтобы не утомлять многими примѣрами въ этомъ отношеніи за недавнее сравнительно время, укажу только, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Полоцкаго Николаевскаго собора удалена въ Софійскій высокохудожественная картина приписываемая Сальватору Розѣ, изображающая побіеніе Св. Первомученика Стефана камнями. Причина удаленія та, что чувство ревнителей православія смущалось видомъ мученика, напоминающимъ католическаго ксендаа. И вотъ, полное жизни и движенія, способное доставить высокое художественное наслажденіе произведеніе искусства загнано въ заброшенный, холодный и сырой Софійскій соборъ, а, когда и послѣдній будетъ капитально отремонтированъ и станетъ мѣстомъ постояннаго богослуженія, то чувству ревности о православіи будетъ новая забота, куда бы еще загнать эту картину... Припоминаю, какъ лѣтъ 25 назадъ въ томъ же Полоцкомъ Николаевскомъ соборѣ досужіе ревнители отыскиали въ одной изъ оставшихся отъ временъ іезуитовъ иконъ ничто иное, какъ изображеніе страждущей Польши, которую обнимаетъ Божія Матерь, а Божественный Младенецъ вручаетъ обручальное кольцо. Что это именно страждущая Польша, въ этомъ особенно убѣждало ревнителей и изображеніе (съ краю) орудій казни (колесованіе). Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ въ этихъ колесахъ усмотрѣли колеса пушечнаго лафета. Казалось, революціонный характеръ иконы не подлежитъ никакому сомнѣнію. Оставалось только удалить соблазнъ, да еще помѣщенный на видномъ мѣстѣ, на лѣвомъ клиросѣ. Однакоже, болѣе спокойное и вдумчивое отношеніе открыло въ этой иконѣ изображеніе Св. великокомученицы Екатерины на сюжетъ изъ ея жизни (явленіе Небснаго Жениха), а изображеніе орудія колесованія находящимся также въ полномъ соотвѣтствіи съ исторіей ея страданій. Икона осталась на своемъ мѣстѣ...

му народу, его быту, языку, поэзии, къ исторіи родного края и народа и памятникамъ родной старины.

Эта то среда дала Полоцко-Витебскому краю Ксенофонта Говорскаго, М. Л. Веревкина, А. П. Сапунова, Е. Р. Романова, Н. Я. Никифоровскаго, В. К. Стукалича, Д. И. Довгялло и другихъ менѣе извѣстныхъ, а то и вовсе затерявшихся въ безвѣстности труженниковъ по изученію родного края въ области исторіи, археологій, географіи, этнографіи, языка и народной словесности.

Въ этой же средѣ эти труженники нашли посильное содѣйствіе и сотрудничество, сочувствіе и нравственную поддержку въ своей нелегкой, богатой препятствіями и терніями идейной дѣятельности, кававшейся иногда окружающимъ лицамъ и начальству*) странной, неумѣстной и даже подозрительной въ смыслѣ областного сепаратизма...

И вотъ, бѣлоруссъ, который долгіе годы служилъ въ рукахъ своего колонизованнаго господствующаго класса не болѣе какъ этнографическимъ матеріаломъ для осуществленія культурной польско-католической задачи, который, послѣ крушенія этой задачи и государственнаго, религіознаго и культурнаго объединенія Края съ Россіей, даже въ глазахъ родного брата, именующаго себя старшимъ¹⁾, великорусса, призваннаго въ край послѣ 63 года для занятія всѣхъ болѣе или менѣе отвѣтственныхъ должностей²⁾, остался непонятымъ и неоцѣненнымъ, считался, — таково было господствующее мнѣніе, — захудалой и зачахшей вѣтвью русскаго дерева³⁾ „слабымъ и хилымъ“ народомъ, даже помѣсью съ польскимъ племенемъ, народомъ съ нарѣчіемъ, представляющимъ неудачную смѣсь русскаго языка съ польскимъ, народомъ безъ прошлаго и будущаго⁴⁾, бѣлоруссъ, который и самъ, поддавшись настроенію своихъ новыхъ руководителей,

*) Въ этомъ отношеніи мы не мало расскажемъ елышали изъ усть А. П. Сапунова.

1) В. К. Стукаличъ, I. с., стр. 3.

2) Ibid, стр. 2.

3) Ibid, стр. 4.

4) Ibid, стр. 4—6.

нерѣдко впадалъ въ самоотрицаніе, самоосмѣяніе и самооплеваніе⁵⁾, отъ этихъ пионеровъ по изученію Бѣлоруссіи услышалъ впервые, что его народъ является „древнею, самостоятельною и значительною отраслью великаго русскаго племени“, языкъ этого народа, якобы „не правильный и некрасивый“, представляется въ дѣйствительности богатымъ и своеобразнымъ нарѣчіемъ, близкимъ къ русскому литературному языку⁶⁾; что онъ имѣетъ свою поэзію, выразившуюся въ тысячахъ пѣсенъ, заунывныхъ и монотонныхъ, но богатыхъ внутреннимъ содержаніемъ, былинъ, сказокъ, пословицъ, прибаутокъ, свои были и преданія, носящія слѣды глубокой старины; что онъ имѣетъ свою исторію, богатую крупными событіями и драматическими эпизодами, своихъ героевъ, отмѣченныхъ лѣтописцами и воспѣтыхъ въ древне-русскомъ художественномъ эпосѣ (Всеславъ, князь Полоцкій, герой Слова о полку Игоревѣ); что еще въ тѣ времена, когда Московская Русь едва-едва выходила изъ мрака невѣжества, онъ имѣлъ уже своихъ ученыхъ и писателей (Францискъ Скорина, уроженецъ Полоцка, Симеонъ Полоцкій); что его города, теперь представляющіяся гнѣздами чуждаго племени, возникли въ сѣдой, даже доисторической древности (Полоцкъ, Витебскъ и др.) и играли видную роль не только въ русской исторіи, но и въ международныхъ культурныхъ сношеніяхъ (о чемъ свидѣлствуютъ, напр., такое крупное явленіе, какъ торговля съ Ганзой, и такой исторической фактъ, какъ посѣщеніе Витебска сподвижникомъ Юанна Гуса-Иеронимомъ Пражскимъ*) а также и въ боевыхъ столкновеніяхъ племенъ и культуръ (борьба съ Литвой, съ Ливонскимъ орденомъ, войны Москвы и Польши); что

⁵⁾ „Очень много“, пишетъ В. К. Стукаличъ, „видѣли свое честолюбіе въ томъ чтобы стать возможно дальше отъ массы народа, подвергали осмѣянію очень много изъ того, чѣмъ жила и что было создано ихъ отцами и дѣдами, свято хранившими свои завѣтные преданія, свою вѣру и народность въ самыя черныя годины испытаній, когда русская аристократія и русское общество протягивали дружескія руки исторической, клерикально-шляхетской Польшѣ... Ibid, стр. 5.

⁶⁾ Ibid, стр. 3, 4, 5.

^{*} .. „Всѣ сыновья Ольгерда, пишетъ А. П. Самуковъ, исповѣдывали православленную вѣру; но особенное предпочтеніе православію оказывалъ Свидригайло— „Левъ, за что и былъ любимъ жителями Витебска... Этотъ князь былъ, надо думать, въ близкихъ сношеніяхъ съ Гуситами. Въ 1418 г., любимый ученикъ Гуса Иеро-

въ безчисленныхъ могильныхъ курганахъ его края хранятся памятники глубокой древности; что его храмы, за своеобразный видъ которыхъ онъ нерѣдко стѣснялся и конфузился («старосвѣтскій, мольтвидъ», „старосвѣтчина“) представляютъ изъ себя цѣнные памятники мѣстнаго зодчества, иногда отличающіеся высокимъ художественнымъ достоинствомъ, нѣкоторые, правда, немногіе имѣютъ глубокую древность, и одинъ изъ нихъ—Полоцкая Софія даже въ чрезвычайно поэтической формѣ упомянуть въ знаменитомъ „Словѣ о полку Игоревѣ*), а хранящіеся въ ризницахъ, кладовыхъ, на чердакахъ и въ подвалахъ этихъ храмовъ—иконы, статуи, сосуды, ветхія облаченія и пр., и пр.—представляютъ цѣнный археологическій матеріалъ; услышавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и горячій призывъ уважать и любить свою старину, собирать и охранять слѣды ея въ зданіяхъ, предметахъ религіознаго, общественнаго и домашняго обихода, въ книгахъ и въ живомъ народномъ словѣ.

Отсюда же раздался и голосъ объ открытіи въ Витебскѣ хранилища для памятниковъ церковной старины.

Дальнѣйшія подробности объ этомъ мы заимствуемъ изъ описанія музея, составленнаго Д. И. Довгялло и Н. Я. Никифоровскимъ**).

„18 іюля 1892 года б. инспекторъ народныхъ училищъ Витебской губерніи Е. Р. Романовъ подалъ тогдашнему Преосвященному Полоцкому и Витебскому Антоніану, записку „объ устройствѣ въ

„нимъ Пражскій былъ, между прочимъ, въ Витебскѣ, гдѣ публично заявлялъ, что вѣра православная „будетъ и есть совершенная, и Русскіе хорошіе христіане“... А. П. Сапуновъ. Рѣка Западная Двина. Витебскъ, 1898 г., стр. 887. Любопытныя подробности объ этомъ пребываніи и объ участіи іеронима Пражнаго въ православной церковной процессіи, извлеченныя изъ актовъ Констанцкаго собора, см. А. П. Сапуновъ. Витебская Старина, т. 1 стр. 27—28.

*) „Въ Полоцкѣ стольномъ ему позволили къ заутрени рано
„Въ колокола у Софіи святой, а онъ въ Кіевѣ слышалъ
„Благовѣсть тотъ“...

Цитируется по вышеупомянутой книгѣ А. П. Сапунова, стр. 408—409.

***) Описаніе предметовъ древности, поступившихъ въ Витебское Епархіальное церковно-археологическое хранилище по ноябрь 1897 года. Вып. 1-й, Витебскъ 1899 г., (отд. оттиски изъ приложений къ Полоцк. Епарх. Вѣд. 1897, 98 и 99 г.г.

Витебскѣ „мѣстнаго церковнаго хранилища“ для памятникѣвъ церковной старины*).

„На очередномъ собраніи Свято-Владимирскаго Братства 8 ноября 1892 года заботливый архипастырь предложилъ осуществить „устройство церковно-археологическаго музея совместно съ народной читальней. Для помѣщенія музея и читальни онъ предоставлялъ „свободный залъ въ архіерейскомъ домѣ. Предложеніе Владыки было „принято собраніемъ съ братскимъ сочувствіемъ, и Братство просило „иниціатора дать сему дѣлу дальнѣйшее движеніе“.

„Утверждая 11 декабря 1892 года проектъ составленной смѣты,

*) Приводимъ изъ вышеупомянутаго описанія полный текстъ поданной Е. Р. Романовымъ записки:

„Во многихъ храмахъ Высочайше вѣренной Вашему Преосвященству епархіи „имѣются памятники церковной старины, представляющіе не только мѣстный, но и „общій церковно-археологическій интересъ, и съ этой стороны заслуживающіе тщательнаго сохраненія отъ уничтоженія временемъ и неопытностью лицъ, ближайшему „наблюденію которыхъ они вѣрены. Въ числѣ этихъ памятниковъ встрѣчаются, „какъ мнѣ извѣстно, древнія облаченія, верѣдко изъ холста или пестряди, а иногда „изъ замѣчательныхъ образцовъ древней парчи и шелка; встрѣчаются древніе сосу- „ды: деревянныя и оловячныя потиры, диски, блюда, свѣщники, часто со священ- „ными изображеніями или рѣдкимъ орнаментомъ, рѣзнымъ и живописнымъ; имѣют- „ся древніе металлическіе и деревянныя кресты и образа стараго письма: западной „и великорусской школы; старинныя плащаницы; старопечатныя и рукописныя бо- „гослужебныя книги, старинныя планы несуществующихъ въ настоящее время хра- „мовъ; древніе колокола, предметы церковной утвари, лубочныя вѣщцы и т. п.

„Въ настоящее время предметы эти уже не употребляются при богослуженія „и, болѣею частью, хранятся въ кладовыхъ, въ башняхъ колоколенъ и даже въ „сараяхъ, безъ подобающей имъ благоговѣйной бережливости“.

„Бъ виду сего и принимая во вниманіе, съ одной стороны, совершенную не- „надобность помянутыхъ предметовъ для церковнаго обихода и неизмѣнна средства „у причтовъ для содержанія ихъ въ должной сохранности,—въ съ другой,—громад- „ную важность ихъ для церковной археологіи, считаю долгомъ обратить на это об- „стоятельство высокопросвѣщенное вниманіе Вашего Преосвященства, на тотъ пред- „метъ, не соблаговоите ли Вы сдѣлать распоряженіе о высылкѣ при этомъ всѣхъ „такихъ предметовъ, неизмѣющихъ особенной цѣнности по матеріалу и не составляю- „щихъ мѣстнотимой святыни, въ Витебскъ, гдѣ съ благословенія Вашего Преосвя- „щенства могло бы быть устроено, по примѣру другихъ епархій, мѣстное церковное „хранилище... I. с. стр. 8—9.

„Преосвященный Антонинъ выразилъ желаніе, чтобы члены по устройству церковно-археологическаго древлехранилища и завѣдыванію онымъ стояли ни въ зависимости отъ проектируемой читальни, вѣдались съ предметами исключительно музейными. При этомъ Владыка назначилъ членами-устроителями древлехранилища г.г. Е. Р. Романова, А. П. Сапунова и священ. В. О. Говорскаго“.

„2 сентября 1893 г. въ присутствіи Преосвященнаго Антонина, послѣдовало частное открытіе древлехранилища, съ какового дня это учрежденіе можно считать начавшимъ свое бытіе“.

„Къ этому дню г.г. Романовъ и Сапуновъ представили Преосвященному проектъ устава древлехранилища, который съ представленіемъ Владыки отъ 11 сентября 1893 года, былъ направленъ въ Св. Синодъ на утвержденіе“.

„Тѣмъ временемъ, съ разрѣшенія Преосвященнаго Антонина, г.г. Романовъ и Сапуновъ начали устройство древлехранилища. Они посѣтили городскія церкви: Благовѣщенскую, Ильинскую, Петропавловскую, кладбищенскую Михайловскую и церкви Маркова монастыря, гдѣ намѣтили предметы, непригодные для текущей церковной обиходности, но вполне достойные занять мѣсто въ древлехранилищномъ помѣщеніи. Доставленные въ древлехранилище, отобранные г.г. Романовымъ и Сапуновымъ предметы размѣщены были устроителями въ сильной систематичности“.

27 октября 1895 года послѣдовалъ указъ Св. Синода объ открытіи въ Витебскѣ церковно-археологическаго древлехранилища, съ помѣщеніемъ его въ аданіи архіерейскаго дома, при чемъ народная читальня, согласно представленію новаго Полоцкаго архипастыря, преосвященнаго Александра (съ 1894 г.) должна была быть устроена въ отдѣльномъ наемномъ помѣщеніи. Уставы обоихъ учреждений были утверждены.

„Такимъ образомъ, древлехранилище получило все, что санкціонируетъ его бытіе—бытіе отдѣльнаго отъ читальни, самостоятельнаго учрежденія, имѣющаго свой уставъ“.

...„За перемѣщеніемъ г. Романова на службу въ Гродненскую губернію, въ январѣ 1896 г., устраиваемое древлехранилище осталось на рукахъ лишь г. Сапунова. По предложенію Преосвященна-

го Александра Епископа Полоцкаго и Витебскаго, 5 марта 1895 г., собрание членовъ Св.-Владимирскаго Братства, въ помощь г. Саунову, избрало въ члены комиссіи по завѣдыванію церковно-археологическимъ древлехранилищемъ слѣдующихъ лицъ: помощника инспектора Витебской духовной семинаріи, — Дм. Ив. Довгялло и учителя приготовительнаго класса Витебской мужской гимназій Ник. Як. Никифоровскаго. Эти два члена занялись составленіемъ каталога и описанія всѣхъ предметовъ древности, имѣющихся въ древлехранилищѣ, чего до того времени еще не было. Потративъ на это дѣло не мало времени, означенные же члены въ заботахъ о ростѣ и преуспѣяніи древлехранилища, просили Совѣтъ Братства свестись съ Полоцкой духовной консисторіей, чтобы она циркулярно предложила духовенству епархіи сообщать: гдѣ и какіе имѣются предметы древности. И Совѣтъ Братства въ концѣ апрѣля 1897 года отнесся о томъ въ консисторію*.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1897 г. А. П. Сауновъ отказался отъ завѣдыванія древлехранилищемъ за переходомъ на службу въ Москву и на его мѣсто былъ избранъ Братствомъ учитель Витебской мужской гимназій И. Ю. Сабянь-Гусь. Послѣдній изготовилъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ наиболѣе достопримѣчательныхъ предметовъ древлехранилища*).

Первоначально подъ церковно-археологическій музей отведенъ былъ просторный залъ въ южной части зданія архіерейскаго дома, — нѣкогда залъ засѣданій витебскихъ іезуитовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя музей былъ переведенъ въ новое, менѣе удобное и довольно тѣсное помѣщеніе надъ архіерейской церковью, состоящее изъ трехъ небольшихъ комнатъ, гдѣ и помѣщается доселѣ.

Заканчивая историческій очеркъ и общее описаніе помѣщенія древлехранилища (первоначальнаго), почтенные составители дѣлаютъ такое, полное надеждъ, заключительное замѣчаніе.

„Просторъ древлехранилищнаго помѣщенія, свѣтовое его достовѣрство, достатокъ складничей мебели и мебели подспорной, какъ столы и стулья, дающіе возможность посѣтителю не только отдохнуть,

*) I. с., стр. 9—14.

„но и заняться,—сразу ставитъ наше Витебское церковно-археологическое древлехранилище на извѣстную высоту, и если оно займетъ „нека послѣднее мѣсто въ числѣ среднихъ учреждений другихъ епархій, — такъ только пока, въ виду его совершенно недавняго возникновенія „(курсивъ, исключая слова нека нашъ)“.

„Участливое отношеніе къ древлехранилищу епархіальной власти, дѣятельная помощь епархіальнаго духовенства въ доставленіи „въ древлехранилище имѣющихся въ ихъ приходахъ предметовъ „древности,—вотъ несомнѣнныя, твердыя ручательства за ростъ и „преуспѣяніе нашего юнаго древлехранилища!“).

Увы! и тогда уже почтенные дѣятели по музею могли видѣть дѣйствительное отношеніе къ нему, и, конечно, тѣ упоминанія объ участливомъ отношеніи и пр. были не болѣе, какъ *plac desiderata*, но чего они, вѣроятно, не предвидѣли, такъ это того, что все же музей тогда переживалъ если не золотой, то по крайней мѣрѣ серебряный вѣкъ своего существованія, и что скоро наступитъ желѣзный вѣкъ и вмѣсто ожидаемаго роста состояніе лезаргіи въ жизни музея.

Уже вскорѣ послѣ открытія, черезъ годъ, два видис стало, что музей въ глазахъ кого слѣдуетъ является только терпимымъ, въ сялу разъ допущенной и уже непоправимой ошибки, зломъ, только обузой, отнимающей лишнее помѣщеніе у недостаточно просторнаго и безъ того архіерейскаго дома.

О расширеніи помѣщеній музея, конечно, и рѣчи быть не могло и не можетъ.

А такъ какъ музей быстро наполнился памятниками старины, то и это уже одно явилось препятствіемъ къ росту этого почтеннаго учрежденія: новыхъ поступленій дѣвять стало некуда.

Къ тому же и Свято-Владимирское Братство скоро охладѣло къ своему дѣтищу, занявшись другими операціями, экономическаго характера.

Если Вы, увидя вблизи архіерейской церкви при входѣ въ архіерейскій дворъ вывѣску «Церковно-археологическій музей», попытаетесь проникнуть въ него въ будни, то послѣ долгихъ мытарствъ и

разспросовъ у встрѣчныхъ обитателей архіерейскаго дома и въ братской лавкѣ, узнаете, что музей открытъ лишь въ праздники, а въ будни въ него никакъ проникнуть нельзя, такъ какъ ключи находятся у завѣдующаго музеемъ, который въ будни поглощенъ педагогической дѣятельностью.

Такимъ образомъ, для Васъ ясно становится, что музей въ настоящей его постановкѣ является только хранилищемъ церковной старины, а не научно-образовательнымъ учрежденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, проѣзжающій черезъ Витебскъ путешественникъ, можетъ ознакомиться съ памятниками Полоцко-Витебской церковной старины, сгруппированными въ музей, лишь въ томъ случаѣ, если онъ пріѣдетъ въ Витебскъ въ праздничный день или останется ради музея до праздничнаго дня. Представьте же, какъ мало проѣзжихъ лицъ, даже изъ имѣющихъ интересъ къ церковной старинѣ, могутъ посѣтить музей. О научныхъ занятіяхъ въ музей и говорить нечего. Какая же систематичная научная работа возможна въ учрежденіи, которое открывається такъ рѣдко и притомъ на короткое время, когда эта работа требуетъ просиживать многіе часы и цѣлые дни, разбираясь, сравнивая, списывая и срисовывая? Чтобы основательно изучить что-нибудь при такихъ условіяхъ, вѣдь, надо посвятить вмѣсто недѣль—многіе мѣсяцы.

...Какъ бы тамъ ни было, въ праздничный день, въ извѣстные часы, идете Вы посмотрѣть хранилище старины Полоцко-Витебскаго края. Уже самая дверь, ведущая изъ архіерейскаго палисадника въ музей, но болѣе приличная для чернаго хода въ кухню, покажетъ Вамъ сразу, что это учрежденіе не принадлежитъ къ числу пользующихся почетомъ. Пройдя эту дверь, Вы попадаете въ полутемныя, холодныя и не особенно чистыя сѣни съ лѣстницей во второй этажъ. Въ сѣняхъ, на площадкѣ лѣстницы и на верху предъ входомъ въ музей навалены какіе то ящики. Вы узнаете, что это товаръ братской лавки.

Въ самомъ музейѣ иконы, статуи, витрины—покрыты пылью, какъ бы усугубляя впечатлѣніе старины и напоминая „пыль вѣковъ“. Въ зимнее время въ помещеніи музея адская стужа.

Отъ почтеннаго завѣдующаго музеемъ Вы узнаете, что онъ яв-

ляется единственнымъ лицомъ, на попеченіи котораго находится музей, что музей не имѣетъ ни одного постояннаго служителя и не пользуется и смѣнной прислугой отъ архіерейскаго дома и отъ братства, что помещеніе музея тѣсно и вновь поступающіе предметы, какъ бы мало ихъ ни поступало, не приходится располагать въ опредѣленномъ порядкѣ и на виду.

...Врядъ ли кто теперь, видя настоящаго музея, будетъ возлагать надежды на ростъ и процвѣтаніе этого учрежденія въ будущемъ.

.. Съ учрежденіемъ у насъ Ученой Архивной Комиссіи Полоцко-Витебскій край имѣетъ возможность сдѣлать шагъ впередъ въ дѣлѣ изученія и охраненія памятниковъ церковной старины.

Никто не будетъ сомнѣваться, что Архивная Комиссія близко принимаетъ къ сердцу это дѣло, полна самаго горячаго сочувствія къ нему.

Но, чтобы это сочувствіе перешло въ жизнь и дало осязательные результаты, для этого Комиссіи необходимо, во первыхъ, учесть свои наличныя силы и организовать ихъ на дѣло изученія и охраненія памятниковъ церковной старины, а, во вторыхъ, сообразуясь съ реальными условіями, выработать планъ своей работы въ этомъ отношеніи.

Нѣсколько соображеній по этому предмету я позволю себѣ изложить предъ Вами съ цѣлью вызвать обмѣнъ мнѣній, который, конечно, послужитъ къ полному и стройному развитію программы дѣятельности.

...Кто бы что ни говорилъ, среди членовъ Комиссіи нѣтъ недостатка въ свѣдующихъ людяхъ по вопросамъ археологій вообще, и церковной въ частности и въ особенности.—Но, чтобы эти силы вызвать къ дѣятельности (не единоличной, а комиссіонной), дѣятельности этой придать характеръ постоянной, регулярной и стройной, чтобы Комиссія не быть иной разъ застигнутой требованіями жизни въ данномъ отношеніи врасплохъ, эти силы необходимо объединить въ видѣ особой секціи или подкомиссіи по изученію и охраненію памятниковъ мѣстной церковной старины. Эта то секція или подкомиссія и была бы тѣмъ постояннымъ органомъ, при помощи котораго Архивная Комиссія могла бы удовлетворять запросамъ, предъявляемымъ

представителями духовнаго вѣдомства и приходоѡ, а также частными лицами, имѣющими интересъ къ церковной старинѣ,—съ одной стороны, а съ другой стороны, собирать матеріалы относительно памятниковъ церковной старины края, обрабатывать ихъ, опубликовывать въ текущей печати и спеціальныхъ изданіяхъ; на основаніи собранныхъ данныхъ разрабатывать свои соображенія и входить съ тѣми или другими представленіями къ духовной власти, а также въ соотвѣтствующія научныя и правительственныя инстанціи.

Въ составъ такого спеціального органа должны были бы войти, помимо свѣдущихъ собственно въ церковной археологіи людей, еще и лица съ художественнымъ и техническимъ образованіемъ, а также представители духовнаго вѣдомства изъ числа нашихъ членовъ. О значеніи участія въ церковно-археологической секціи или подкомиссіи такихъ лицъ, думаю, нѣтъ нужды распространяться.

Теперь посмотримъ, что могла бы сдѣлать Комиссія, пользуясь такимъ спеціальнымъ органомъ, на пользу церковной археологіи края.

Прежде всего нужно озаботиться распространіемъ и популяризацией свѣдѣній по церковной археологіи края и развитіемъ любви и интереса къ ней. Такимъ путемъ, вѣдь, Комиссія получить цѣлыя кадры сотрудниковъ, съ помощью которыхъ можно сдѣлать гораздо больше, чѣмъ путемъ административныхъ предписаній и мѣръ поощренія и наказанія и детальныя программы и правилъ относительно церковной старины кабинетно-бюрократическаго характера.

Для достиженія указанной цѣли, не довольствуясь самымъ лишь фактомъ открытія у насъ Отдѣленія Московскаго Археологическаго Института, нужно въ достаточной степени представлять руководителямъ Института необходимость введенія въ преподаваніе ряда спеціальныхъ дисциплинъ, нужныхъ для изученія археологіи и археографіи Западнаго Брая.

Не вдаваясь въ подробности по этому общему вопросу постановки преподаванія въ Институтѣ, укажу, что для цѣлей церковной археологіи необходимо преподаваніе исторіи Западно-русской церковной архитектуры въ связи и сопоставленіи съ архитектурой Мало-

россiи, Галицiи, Донской области и Католическаго Запада съ одной стороны, Византiи и Великой Руси съ другой, Западно-русской иконографiи и церковной археологiи вообще, исторiи письменности и печатнаго дѣла въ Западной и Юго-Западной Руси.

Съ другой стороны, пользуясь наличнымъ матеріаломъ, какъ библиотечнымъ, такъ и въ особенности живымъ, въ видѣ находящихся у всѣхъ на глазахъ памятниковъ церковной старины, Архивная Комиссiя могла бы предпринять составленiе, печатанiе и возможно широкое распространенiе въ мѣстномъ обществѣ и въ особенности среди духовенства—общедоступныхъ статей по церковной археологiи края, какъ общаго характера, имѣющихъ цѣлью дать основныя свѣдѣнiя и развить интересъ и любовь къ церковной старинѣ, такъ и посвященныхъ вопросамъ церковной археологiи и отдѣльнымъ памятникамъ старины.

Что касается чисто научной дѣятельности по изученiю памятниковъ церковной старины, то Комиссiя должна озаботиться подробнымъ описанiемъ памятниковъ церковной архитектуры нашего края, разумѣется, выдвинувъ на первый планъ наиболѣе древнiе и наиболѣе цѣнные въ художественномъ отношенiи. Для составленiя такихъ описанiй Комиссiя, разумѣется, должна выступить во всеоружiи своихъ научныхъ, художественныхъ и техническихъ силъ. Необходимо изготовленiе возможно большаго количества фотографическихъ снимковъ какъ общаго наружнаго и внутренняго вида зданiя, такъ и отдѣльныхъ его частей, и архитектурныхъ и декоративныхъ деталей. Наиболѣе достопримѣчательныя иконы и стѣнопись должны быть сфотографированы и, кромѣ того, сняты на кальку. Не довольствуясь фотографическими снимками зданiя, необходимо произвести точныя и подробныя обмѣры въ длину, ширину и высоту, и на основанiи ихъ составить точныя чертежи.

Разумѣется, одновременно съ осмотромъ зданiя, члены Комиссiи должны, заручившись на это разрѣшенiемъ епархіальнаго начальства, произвести самый подробный осмотръ библиотекы, архива, сосудовъ, облачений, иконъ, статуй и прочаго имущества храма, при чемъ нужно помнить, что причты далеко не всегда знаютъ, что у нихъ есть цѣннаго въ археологическомъ и художественномъ отношенiи, а так-

же и то, что иногда можно слѣлать цѣнныя находки тамъ, гдѣ ихъ меньше всего можно было ожидать. Въ этомъ отношеніи позволю себѣ привести слѣдующій примѣръ. Въ боковушкѣ-кладовой одной сельской церкви стоялъ большой книжный шкапъ, занимающій все пространство отъ южной до сѣверной стѣны. Разбирая книги въ этомъ шкапу, я обратилъ вниманіе, что глубина этого шкапа не соотвѣтствуетъ длинѣ соотвѣтственныхъ боковыхъ стѣнъ зданія, и, слѣдовательно, шкапъ не вплотную приставленъ къ восточной стѣнѣ, а остается еще довольно значительное пространство. Когда я спросилъ у церковнаго старосты, зачѣмъ это такъ сдѣлано, онъ объяснилъ мнѣ, что туда лѣтъ 80 назадъ бывший тогда священникъ помѣстилъ рѣзаное распятіе. Заинтересовавшись этимъ распятіемъ, я попросилъ одного изъ подвернувшихся крестьянъ забраться за шкапъ черезъ верхъ и попытаться достать распятіе. Тотъ, забравшись, объявляетъ что тутъ, дѣйствительно, есть „распятіе“ и еще «другій», котораго онъ даже испугался. Что это такое «другій», онъ никакъ не могъ объяснить. Когда мы общими усилиями наклонили шкапъ впередъ, и явилась возможность достать оттуда находившіеся тамъ предметы, то оказалось, что «другій»—довольно хорошей работы статуя Спасителя, которая мною и была доставлена въ Витебскій церковно-археологическій музей...

Съ предметовъ цѣнныхъ должны быть сдѣланы фотографическіе снимки.

Предметамъ цѣннымъ въ археологическомъ отношеніи долженъ быть составленъ каталогъ съ подробнымъ описаніемъ. Копія съ этого каталога должны быть вручены епархіальному начальству и причтамъ церквей.

Такія описанія наиболѣе древнихъ церквей и цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ по мѣрѣ возможности должны быть печатаемы въ приложеніи къ книжкамъ «Полоцко-Витебской Старины».

Для дѣла собственнаго охраненія памятниковъ церковной старины, какъ то—церковныхъ зданій и ихъ обстановки, Архивная Комиссія можетъ принести посильную пользу постольку, воскольку епархіальное начальство и причты церквей, какъ это нерѣдко имѣло

мѣсто и доселѣ, будутъ обращаться въ Архивную Комиссію съ вопросами, касающимися сноски, передѣлокъ, перестроекъ церковныхъ зданій,—намѣненія ихъ наружнаго вида и замѣны иконостасовъ и прочаго стараго убранства новымъ, подновленія иконъ и стѣнописи. Церковно-археологическая секція получивъ такіе запросы командируетъ на мѣсто одного изъ своихъ компетентныхъ въ дѣлѣ членовъ, а въ исключительно важныхъ случаяхъ выбываетъ и *in corpore*; на основаніи собранныхъ данныхъ секція даетъ свое заключеніе. Ученая Архивная Комиссія въ вужныхъ случаяхъ отстаетъ предъ епархіальнымъ начальствомъ точку зрѣнія и предположенія своего спеціального органа.

Впрочемъ независимо отъ обращеній къ Архивной Комиссіи со стороны Духовнаго Вѣдомства, и сама она, по своей инициативѣ, можетъ содѣйствовать охраненію памятниковъ старины путемъ представленій и ходатайствъ предъ духовной и гражданской властью и путемъ печатнаго слова.

Въ частности, напримѣръ, слѣдовало бы обратиться къ епархіальному начальству съ представленіемъ о необходимости для предохраненія церковныхъ зданій отъ ударовъ молніи снабдить церкви громоотводами, въ особенности такія цѣнныя въ археологическомъ отношеніи, какъ, напримѣръ, Троицкая церковь Маркова монастыря.

...Нечего и говорить, что въ цѣляхъ сохраненія цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи книгъ, облачений, утварей, иконъ и прочихъ предметовъ церковной обстановки, а также и облегченія научнаго и художественнаго ихъ изученія является настоятельно нужнымъ собирать ихъ въ музей.

И, разумѣется, Музей Архивной Комиссіи охотно бы раскрылъ свои двери и витрины для нихъ, и многіе изъ духовенства охотно бы доставили многое, зная по опыту, какъ трудно беречь все это въ тѣснотѣ ризницъ и кладовыхъ и избѣжать порчи на чердакахъ и въ подвалахъ. Но... по постановленію высшей духовной власти иконы и древности изъ церквей могутъ быть сдаваемы только въ музей Духовнаго Вѣдомства, и Архивная Комиссія не имѣетъ права принимать такіе предметы въ свой музей, а экспоненты изъ духовенства за доставку ихъ сюда могутъ нажить серьезныя непріятности. Такимъ

образомъ, для Полоцко-Витебскаго края получается такое положеніе церковно-археологическій музей не можетъ принимать предметы церковной старины за тѣсною помѣщенія, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ возможности, принявъ ихъ, расположить, какъ слѣдуетъ, а музей Архивной Комиссіи и радъ бы принимать, да не смѣетъ. Егдо, предметы церковной старины должны находиться тамъ же, гдѣ доселѣ находились, то есть, въ кладовыхъ, на чердакахъ и въ подвалахъ, и портиться такъ же, какъ доселѣ портились. Въ лучшемъ случаѣ, они могутъ дѣлаться достояніемъ частныхъ лицъ, коллекционеровъ въ родѣ небезызвѣстнаго минскаго чина ученаго Татура.

Такому печальному положенію дѣла Архивная Комиссія врядъ ли будетъ въ силахъ пособить.

Скорѣе, быть можетъ, удалось бы исклопотать разрѣшеніе открыть при Витебскомъ Отдѣленіи Московскаго Археологическаго Института учебный музей для цѣлей преподаванія мѣстной церковной археологіи.

Встати скажу, что открытіе такого учебнаго музея при Витебской Духовной Семинаріи было бы весьма полезнымъ для будущихъ пастырей церкви. Архивная Комиссія, конечно, могла бы представить по этому предмету свои соображенія духовной власти...

Такимъ путемъ достигнуто было бы двѣ цѣли, образовательная и—сбереженіе хоть небольшой части цѣнныхъ церковно-археологическихъ предметовъ отъ порчи и гибели.

Вотъ, въ существенномъ и все, что составляетъ, на мой взглядъ, задачи Архивной Комиссіи въ дѣлѣ изученія и охраненія памятниковъ церковной старины Полоцко-Витебскаго края.

Въ заключеніе долгомъ считаю выразить мою искреннюю признательность А. П. Сапунову и В. К. Стукаличу, не отказавшимъ мнѣ въ совѣтахъ и указаніяхъ, а также Б. А. Змигродскому, любезно принявшему на себя трудъ дать къ моему докладу пояснительные рисунки.

П. Красавицкій.

11 февраля 1912 года.

Витебскъ.

- 13) Иеромонахъ Сергій (Василевскій). Витебскій Марковъ Свято-Троицкій мужескій монастырь. Полоцкія Еп. Вѣд. за 1887 г.
- 14) В. В. Стугаличъ. Н. Я. Никифоровскій. Вильна, 1908 г. (отд. отт. изъ „Записокъ Сѣверо-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, кн. 1-я).
- 15) В. В. Сусловъ. Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры. С.-Петербургъ, 1888 г.
- 16) „ „ „ Памятники древней деревянной архитектуры въ Южной Россіи (въ кн. Очерки по исторіи древне-русскаго хозяйства. С.-Петербургъ, 1889 г.).
- 17) Прот. Г. Шавельскій. Последнее воссоединеніе съ православною церковью униатовъ Бѣлорусской епархіи. С.-Петербургъ, 1910 г.
- 18) Хроника моей жизни. Автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго). 3-й и послѣдующіе томы.
- 19) „Чертежь“ города Витебска 1664 года. Труды Витебской Ученой Архивной Комиссіи, кн. 1 я. 1910 г.

Спасопрображенскій монастырь въ г. Невелѣ, Витебской губерніи.

Спасопрображенскій Мужской Монастырь находится въ г. Невелѣ, Витебской губ., въ 96 верст. отъ губ. гор. Витебска. Монастырь расположенъ недалеко отъ праваго берега малой рѣки Еменки и занимаетъ видное и ровное мѣсто на городской торговой красной площади, чрезъ которую пролегаетъ шоссе, соединяющая С.-Петербургъ съ южнымъ краемъ нашего Отечества.

Монастырь возникъ въ концѣ XVII ст., когда сюда къ Церкви въ честь Преображенія Господня были переведены иноки изъ Троицкаго Монастыря, отъ котораго осталась безприходная церковь во имя Св. Троицы, въ 4 верст. отъ г. Невеля, по дорогѣ къ Великимъ Лукамъ ¹⁾.

Для поясненія этого историческаго указанія считаемъ не лишнимъ коснуться существовавшаго въ г. Невелѣ Православнаго Благовѣщенскаго Братства, стараніемъ котораго Св. Троицкій Монастырь съ малымъ числомъ монаховъ переведенъ въ гор. Невель и монашествующіе водворены при деревянной Церкви въ честь Благовѣщенія Пресв. Богородицы, находившейся на мѣстѣ настоящаго храма Преображенія. Притѣсненія, какъ монаховъ, такъ и жителей православныхъ отъ поляковъ—іезуитовъ было весьма тягостно и побуждало поборниковъ православной вѣры соединиться въ братство около Церкви Благовѣщенія Пресв. Богородицы, наименовавъ его Благовѣщенскимъ Братствомъ, которое пожелало вмѣсто сгорѣвшей въ 1720 году деревянной Церкви имѣть каменную Церковь и въ 1726 г. на собственные средства приступило къ постройкѣ довольно обширнаго каменнаго храма въ честь Преображенія Господня.

Монастырскій храмъ въ честь Преображенія Господня и до сей поры служитъ памятникомъ благочестиваго усердія Невельскаго Благовѣщенскаго Братства.

¹⁾ Монастыри по штатамъ 1764, 1786 и 1796 г.г. т. П. Трудъ В. В. Звѣринскаго, СПб. 1892 г. стр. 288 и т. III СПб. 1897 г. стр. 189, также см. Полное Собраніе Историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и примѣч. церквахъ въ Россіи. Состав. А. Ратшинъ. М. 1852 г. стр. 23.—Исторія Росс. Іерархіи. Собран. Амвросіемъ, ч. V, М. 1813 г. стр. 138—140, Географич. Статистич. Словарь Росс. Имперіи. Состав. П. Семеновъ. Т. IV. С ИВ. 1878 г. стр. 208.—Везъ Корнилевичъ. Историч. свѣдѣнія о Вѣлороссіи, стр. 142. Но во всѣхъ вышеупомянутыхъ изданіяхъ весьма отрывочныя свѣдѣнія о Невельскомъ Спасопрображенскомъ Мужскомъ Монастырѣ, такъ что до сей поры не было еще общаго даже краткаго историческаго очерка послѣдовательно составленнаго и доведеннаго до послѣдняго времени.

Монастырскій Храмъ оконченъ постройкою въ 1732 году и 1-го августа того же года освященъ.

Храмъ высотой 8 сажень, въ ширину 8 сажень и въ длину 11 сажень, построенъ продолговатымъ крестомъ, одно-этажный, заканчивающійся вверху восьмигранвымъ каменнымъ куполомъ, который увѣнчанъ малымъ деревяннымъ фонаремъ съ водруженными на немъ главою и желѣзнымъ восьмиконечнымъ крестомъ. Кровля храма шатрообразная желѣзная на два ската; освѣщается храмъ 34 окнами разной величины, въ два свѣта; въ нѣкоторыхъ окнахъ желѣзныя рѣшетки. Храмъ холодный; Св. Алтарь возвышенъ отъ деревяннаго пола тремя ступенями и отдѣляется отъ храма желѣзною рѣшеткою. Алтарь обращенъ къ востоку; за уничтоженіемъ по случаю пожара боковыхъ придѣловъ—однопрестольный. Въ правомъ предъальтаріи помѣщается ризница, а въ лѣвомъ понамарская; престолъ деревянный. Иконостасъ храма прямой, трехъярусный; царскія двери рѣзныя съ изображеніями Благовѣщенія Пресв. Богородицы и Св. Ап. Евангелистовъ. Надъ западную частію храма устроены хоры. Съ южной стороны къ храму въ честь Преображенія Господня во всю длину его пристроены теплый храмъ во имя Св. Николая Чудотворца въ высоту $9\frac{1}{2}$ сажень, длину 10 сажень и ширину 3 сажени; кровля этого храма шатрообразная на одинъ скатъ, къ храму примыкаетъ притворъ храма въ честь Преображенія Господня. Алтарь церкви во имя Св. Николая Чудотв., обращенъ на востокъ. Иконостасъ двухъярусный, простой столярной работы; царскія двери рѣзныя.

На востокъ отъ храма въ честь Преображенія Господня въ $1\frac{1}{2}$ саженьяхъ отъ него расположенъ другой каменный холодный храмъ во имя Преподобнаго Нила Столбенскаго съ каменною трехъярусною колокольнею. Храмъ построенъ въ 1811—1825 г.г. на средства Братчиковъ и частныхъ благотворителей при Игуменѣ Боголюбѣ.

Монастырь съ западной и сѣверной стороны обнесенъ каменною оградой съ тремя воротами. Подъ сводами храма въ честь Преображенія Господня въ заалтарной стѣнѣ погребенъ въ 1752 г. Благотворитель монастыря бургомистръ г. Невеля Симоиъ Быховецъ.

Въ настоящее время изъ иконъ и другихъ предметовъ старины сохранились и особенно замѣчательны слѣдующіе:

1) Икона Господа Вседержителя, сидящаго на престолѣ съ предстоящими Ему Богоматерью и Св. Прор. Предтечей и Крестителемъ Господа Иоанномъ, древней кисти, строго византийскаго письма. Икона облечена въ золоченную ризу и стоитъ на горнемъ мѣстѣ въ церкви во имя Св. Николая Чудотворца.

2) Икона Преподобнаго Нила Столбенскаго въ серебряно-вызолоченной ризѣ;верху оной изображеніе Богоявленія Господня. Эта икона весьма почитается, какъ чудотворная, мѣстными и окрестными жителями г. Невеля. Въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Нила Столбенскаго, 27 мая, ежегодно на поклоненіе этой иконѣ въ обитель собираются въ большомъ числѣ молящіеся и служатъ молебны. Икона, по преданію, перенесена въ монастырь изъ Нило-Столбенской мужской Пустыни, Осташковскаго у., Тверской губ. 2)

3) Икона Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца съ частицею отъ гроба его. Прислана съ свидѣтельствомъ въ благословіе Невельскому Спасо-Преображенскому монастырю намѣстникомъ Троице-Сергіевой Лавры Архимандритомъ Антоніемъ въ 1874 г.—На персяхъ Преподобнаго Сергія имѣется серебрянно-вызолоченный крестъ съ такою же цѣпочкой; въ крестѣ помѣщены части мощей: Преп. Сергія Радонежскаго, Святителя Іоны, Митрополита Московскаго, Св. цѣлителей Космы и Даміана; по надписи на упомянутомъ крестѣ видно, что онъ принадлежалъ Св. Іонѣ и присланъ въ Невель-

2) Преп. Нилъ Столбенскій преставился 7 декабря 1555 года, а 27 мая 1667 года были обрѣтены мощи Преп. Нила, а съ 1756 года 27 мая установленъ ежегодный Крестный ходъ изъ Нило-Столбенской Пустыни въ у. гор. Осташковъ. Больше подробныя свѣдѣнія о Нило-Столбенской пустыни читатель найдетъ на стр. 385—396 книги: городъ Осташковъ (Тверской губ.) и его уѣздъ. Сборникъ Историко-Статистическихъ и Археологическихъ Свѣдѣній состав. И. Ѳ. Токмаковъ съ 161 рисункомъ (in 8^о 422 стр.). Считаемо не лишнимъ сообщить, что въ другихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества также чествуется память Преп. Нила Столбенскаго; такъ въ Тверской губ. въ у. гор. Ржевѣ и въ посадѣ Погорьлово Городищъ Зубцовскаго у Тверской губ. (См. стр. 8, Посадъ Погорьлово Городищъ. Составилъ И. Ѳ. Токмаковъ. М. 1906 г. in 8^о съ 16 рисунками).—Наша первопрестольная столица Москва также празднуетъ недавно день 27 мая обрѣтеніе честныхъ мощей Преп. Нила Столбенскаго. Еще до 1812 г. существовала на Петровкѣ близъ Кузнецкаго моста церковь въ честь Воскресенія Христова, въ которой былъ придѣлъ во имя Преп. Нила Столбенскаго устроенный въ 1663 году. Въ приходѣ церкви въ честь Успенія Пресв. Богородицы, что на Овражкахъ въ Москвѣ, въ Газетномъ переулкѣ существовало подворье Ниловой Пустыни съ домовою церковью во имя Преп. Нила Столбенскаго съ 1667—1812 г. Въ настоящее время только въ Московскомъ Страстномъ Дѣвичьемъ Монастырѣ сохранился Чудотворный Образъ Преп. Нила Столбенскаго (см. Историко-Статистич. и Археологич. Описаніе Московскаго Страстнаго Дѣвичьяго Монастыря. Состав. И. Ѳ. Токмаковъ. М. 1897 г. in 8^о съ рисунк.).

скій Спасо-Преображенскій Монастырь въ 1875 г. изъ Св. Троицкой Сергіевой Лавры намѣстникомъ Архимандритомъ Антономъ.

4) Казанская Икона Божіей Матери, живописнаго письма, въ серебряной ризѣ, украшенная усердіемъ гражданъ г. Невеля въ память избавленія города въ 1841 году отъ холеры.

5) Небольшой серебряно-вызолоченный крестъ съ частицами животворящаго древа Господня и Свв. мощей Св. Ап. Павла и Св. Великомуч. Варвары.

6) Образъ Успенія Богоматери въ серебряно-вызолоченной ризѣ, мѣрой 5¹/₂ вершк. × 3¹/₄ вершк., [въ образѣ этомъ вѣкогда находились частицы Свв. мощей Великомуч. Георгія, Великомуч. Димитрія Мироточиваго, Преп. Матроны Солунскія и Преп. Анастасія Римныни]. Образъ принесенъ въ даръ обители въ 1865 году коллежск. совѣтн. Евфиміемъ Андреевичемъ Отрошкевичемъ.

Въ настоящее время частей Свв. мощей въ образѣ не имѣется.

7) Старинная Икона Знаменія Богоматери, именуемая Абалацкою *) съ предстоящими по сторонамъ Св. Николаемъ Чудотв. и Преп. Марією Ематскою, мѣрой 1 арш. 1 вершк. × 11¹/₄ вершк.

8) Евангеліе въ ¹/₄ д. л. печ., въ Москвѣ 1685 года, въ переплетѣ обложенномъ цвѣтнымъ плисомъ; въ серединѣ Распятіе Господне, по угламъ четыре вѣздохки и мѣдныя застежки.

9) Евангеліе въ малый листъ, печ. въ Москвѣ 1694 г., въ переплетѣ, обложенномъ вишневымъ плисомъ; въ серединѣ образъ Господа Вседержителя, сидящаго на престолѣ, гравированный весьма тонкимъ серебромъ; застежки мѣдныя.

Къ числу принадлежавшихъ Невельскому Спасо-Преображенскому монастырю храмовъ былъ отнесенъ Кладбищенскій храмъ во имя Св.

*) Абалацкая Икона Божіей Матери написана въ 1637 г. при Тобольскомъ Архіепископѣ благочестив. Нектаріи. Писалъ ее Протоіаимъ Тобольскаго Каѳедральнаго Собора Матѣй, извѣстный, въ первой половинѣ XVII вѣка, въ Сибирь, какъ искусный иконописецъ. Эта икона получила названіе Абалацкой отъ Абалацкаго села, а теперь (съ 1783 г.) Монастыря въ церкви котораго она находится. На Абалацкой иконѣ Божія Матерь изображена точно такъ же, какъ и на Знаменской, т. е. съ голыми къ верху руками и съ предвѣчнымъ Младенцемъ на персяхъ; только съ тою разницею, что на Абалацкой по сторонамъ Присно-Дѣвы изображены, съ правой стороны Св. Николай, а съ лѣвой Преподобная Марія Египетская. Доска подлинной Абалацкой Иконы имѣетъ даяны аршинъ съ четвертью, а ширины 1 арш. 1¹/₄ вершк. Особеннаго праздненства и службы въ честь Абалацкой Иконы Богоматери не положено, а празднуется ей 27 ноября въ день Знаменія Пресв. Богородицы (болѣе подробныя свѣдѣнія см. на стр. 562—562 Благодѣлія Богоматери роду христіанскому чрезъ Ея Св. Иконы. М. 1897 г. in 8°).

Влмч. Георгія въ $\frac{1}{2}$ версты отъ монастыря. Храмъ деревянный, однопрестольный, длиною 7 сажен., шириною 4 сажен. $\frac{1}{2}$ аршина, крыть тесомъ, глава обита чешуею, крестъ желѣзный. По благословенію Преосвященнаго Варлаама въ 1812 году произведенъ ремонтъ означенной церкви, закончившійся въ 1817 г. при Архіепископѣ Даниилѣ, который на прошеніи Настоятеля Игумена Боголюбна о разрѣшеніи освятить Церковь во имя Св. Влмч. Георгія положилъ резолюцію „не объяснено, поколебавъ ли Святой Престоль: ежели поколебавъ, то освятить Соборне, починоположенію, большимъ освященіемъ, ежели престоль непоколебанъ, то освятить Церковь малымъ освященіемъ по чиноположенію“. 4) Въ 1837 году Церковь во имя Св. Влмч. Георгія была упразднена. Лѣсъ, изъ котораго она была построена, употребленъ на выжегу кирпича для братскаго корпуса.

Церковь во имя Св. Николая Чудотворца, приписанная къ Монастырю, была построена во первой половинѣ XVII ст. 5) или въ началѣ XVIII ст.; это видно изъ того, что въ 1702 г. эта Церковь именуется новою. По устройствѣ Спасо-Преображенскаго монастыря и по минованіи въ Церкви во имя Св. Николая Чудотв. собственно для монастыря надобности, эта Церковь была обращена въ приходскую. Въ 1778 году, вмѣсто первоначальной Церкви, была выстроена по благословенію Преосвященнаго Георгія, другая деревянная двухъ-этажная Церковь, съ храмомъ во имя Св. Николая Чудотв. внизу, и въ честь Казанской Иконы Богоматери вверху. Новосозданный храмъ былъ освященъ въ 1778 году по благословенію Архіепископа Иннокентія 6); чрезъ десять лѣтъ приходъ Церкви во имя Св. Николая Чудотв., состоявшій изъ 52 дворовъ приписанъ былъ къ Городской Церкви въ честь Успенія Пресв. Богородицы и Церковь была передана въ вѣдѣніе Невельскаго монастыря 7). Въ 1833 г. церковь во имя Св. Николая Чудотв. за ветхостью была разобрана и уже болѣе не возстановлена.

4) См. Указъ Могилевской Духовной Консисторіи отъ 2 мая 1817 г., за № 864.

5) Изъ Описанія Документовъ Архива Западнорусскихъ Уніатскихъ Митрополитовъ 1470—1700 г. т. I. СПб. 1897 г. in 8° стр. 277 показана Церковь Св. Николая въ 1683 году марта 14 въ спискѣ Універсала Короля Владислава IV о возвращеніи православнымъ ихъ нѣкоторыхъ церквей и монастырей на которые заявляли свои претензіи уніаты.

6) Указъ Псковской Духовной Консисторіи 1778 г. отъ 31 января, за № 154.

7) См. Предписаніе Архіепископа Иннокентія Игумену Сосницату 1788 г. отъ 27 марта, за № 91.

Была еще церковь во имя Св. Ап. и Еванг. Иоанна Богослова и эта церковь также за ветхостью, по распоряженію Полоцкаго Епархіального Начальства *) при Игуменѣ Амвросіи (Соловьевѣ) разобрана въ 1882 году а Свв. Иконы приняты и размѣщены въ церквахъ Невельскаго монастыря, утварныя же и ризничныя вещи хранятся въ ризницѣ помывутой обители; зданіе разобранной церкви употреблено на отопленіе монастырскихъ церквей—негорюемый же матеріалъ, какъ-то желѣзо, стекло—былъ проданъ.

Въ теченіи двухъ вѣковъ Невельскій Спасо - Преображенскій мужской монастырь претерпѣлъ немало бѣдъ и напастей, пронесшихся надъ священными его главами. Какъ расположенный въ центрѣ городской жизни и дѣятельности, Невельской Спасо - Преображенскій монастырь, по естественному ходу вещей, становился неизмѣннымъ участникомъ всѣхъ отраднхъ и горестныхъ моментовъ исторической жизни г. Невеля. Вмѣстѣ съ городомъ св. Обитель въ особенности много и часто страдала отъ опустошительныхъ пожаровъ иногда почти до основанія испепелявшихъ всѣ ея зданія. Такъ мы должны упомянуть о пожарѣ 1865 года, когда и главный и остальные храмы монастыря и иноческія келіи немногочисленнаго братства его сдѣлались жертвою пламени и долго не могли оправиться отъ обрушившагося на нихъ несчастья. Вслѣдъ за бѣдствіемъ 1865 года мы должны указать еще, что въ пожары 12 іюня 1888 г. и 8 августа 1897 г. къ глубокому прискорбію погибли многіе драгоцѣнные историческіе акты. Утрата этихъ древне-письменныхъ памятниковъ тяжела для церковной исторіи Сѣверо-Западнаго края Россіи тѣмъ болѣе, что, какъ намъ извѣстно, Невельскій Спасо-Преображенскій Мужской монастырь никогда не былъ предметомъ особеннаго изслѣдованія людей науки.

Утварью, равно и облаченіями, монастырь располагаетъ въ достаточномъ количествѣ, но замѣчательныхъ вещей не сохранилось. Архивъ и библиотека монастыря по причинѣ частныхъ пожаровъ почти истреблены, древнихъ документовъ не сохранилось.

Недвижимое монастырское имущество состоитъ нынѣ въ слѣдующемъ: а) земля подъ церквами, постройками, огородомъ и садомъ нѣ количествѣ 1700 кв. сажень., б) фольварокъ Сипого въ 3 верст. отъ монастыря, назначенный Невельскому монастырю отъ казны въ 1869 г.;

*) См. Указъ Полоцкой Духовной Консисторіи отъ 22 мая 1882 г., за № 2367.

въ этомъ фольваркѣ имѣется 88 дес. лѣса и 122 дес. земли удобной и неудобной; в) часть озера Каратай въ 12 верст. отъ монастыря, г) каменная лавка на базарной площади и д) 11 псацовъ подъ домами разночинцевъ.

Средствами къ существованію монастыря служатъ; а) арендная плата за вышепоказанныя угодія 1175 р., б) $\frac{3}{100}$ съ капитала въ 11534 р. заключающагося въ свидѣтельствахъ 4 $\frac{1}{2}$ % ренты, в) ежегодно получаемыя отъ казны вспомошествованія 228 р. 40 к. и д) доходъ отъ богослуженія до 400 р.

Число братіи по штату не положено, нынѣ состоитъ на лицо: Игуменъ, три Іеромонаха, два Іеродіакона и 11 послушниковъ.

Среди бѣдствій отъ пожаровъ, неприятельскихъ, нашествій и междоусобныхъ смуть утратилось много древне-письменныхъ и археологическихъ памятниковъ, представляющихъ не малый интересъ для исторіи Невельской Спасо-Преображенской мужской Обители, и, въ числѣ многихъ любопытныхъ документовъ исчезли и бумаги, содержащія въ себѣ свѣдѣнія о дѣятельности настоятелей помянутого монастыря, управлявшихъ обителью въ ХУП—ХУІІІ съ Вождь имена Настоятелей, дошедшія до насъ по тщательнымъ археографическо-библиографическимъ изслѣдованіямъ.

Игуменъ Исаакъ *) 1673 г.

Игуменъ Сафроній (Марецкій), при немъ заложанъ каменный храмъ въ честь Преображенія Господня въ 1725 г.

Игуменъ Досеѣй (Рубецъ) 1742 г.

Іеромонахъ Филаретъ 1750 г.

Игуменъ Веніаминъ (Соколовскій) 1768 г.

Игуменъ Іустинъ (Негребецкій) 1775 г.

Игуменъ Маркеяль 1776 г.

Игуменъ Кирилль ¹⁰⁾ 1778 г.

*) У П. М. Строева, Списки Іерарховъ и Настоятелей Монастырей Россійской Церкви. Изд. Археографической Комиссіи С.П.В. 1877 г. стр. 504 показанъ Троицкаго Невельскаго Монастыря Игуменъ Исаакъ Ароновъ 1674 г., а на стр. 508 читаемъ: „въ Невлѣ черному попу Кириллу 29 сент. 1670 г. грамотою царскою велѣно построить Монастырь“ (какой?).

¹⁰⁾ Показанъ у П. М. Строева „Списки Іерарховъ и Настоятелей Монастырей Россійской Церкви“. Изд. Археографической Комиссіи С.П.В. 1877 г. стр. 506.

Игуменъ Ѳерапонтъ ¹¹⁾ 1778—1780 г.

Игуменъ Иассонъ 1782 г.

Игуменъ Иосифать 1784 г.

Игуменъ Сосифатръ (Потаповъ) 1787 г.

Игуменъ Сергій 1801 г.

Игуменъ Захарій (Полянский) 1807 г.

Іеромонахъ Иларіонъ 1808 г.

Игуменъ Боголѣпъ 1815 г.

Іеромонахъ Самуиль 1825 г.

Игуменъ Павелъ (Чичкевичъ) ¹²⁾ 1830 г., а позднѣе въ Марковомъ Витебскомъ съ 1832 по 1861 г.

Архимандритъ Мееодій (Краснопольскій) 1832 г. † 6 сентября 1867 г., погребенъ въ монастырѣ.

Архимандритъ Григорій (Лукашевичъ) 1866 г.

Архимандритъ Тихонъ 1867 г. † 1889 г. декабря, погребенъ въ монастырѣ.

Игуменъ Амвросій (Всудовъ) 1871 г. † 27 августа 1888 г., погребенъ въ монастырѣ.

Игуменъ Амвросій (Соловьевъ) 1880 г.

Архимандритъ Гаманіель (Никольскій) 1889 г. † 14 сентября 1900 г., погребенъ въ монастырѣ.

Ахимандритъ Іона съ 1900 г.

Игуменъ Порфирій съ 1902 г.

И. С. Токмаковъ.

¹¹⁾ Тамъ-же.

¹²⁾ См. на стр. 503 у П. М. Строева, почему-то у П. М. показано только четыре настоятеля.

ГРЮНВАЛЬДСКІЙ БОЙ

и его значеніе для славянъ *).

15 іюля сего 1910 года исполнилось ровно 500 лѣтъ, когда близъ Грюнвальда и Танненберга, къ югу отъ Маріенбурга, по словамъ русскихъ лѣтописей, „Высть побоище королю Ягайлу Олгирдовичю, нарѣченному Владиславу, и великому князю Литовскому Витовту Кестутъевичу съ Нѣмцы, и Пруссы, въ земля ихъ Прусской межн городовъ Дубровна и Острода; и убиша местера, и моршалка, и кунендера, и кундура побиша, и всю силу ихъ Нѣмецкую одолѣша, и грады ихъ нѣмецкіа поимаша, токмо три грады не вдашася королю и Витовту“, т. е. на поляхъ нынѣшней восточной Пруссіи общими усилиями Литовскаго княжества и Польскаго королевства было на голову разбито нѣмецкое рыцарское войско. Этотъ историческій фактъ имѣетъ такое огромное значеніе для всѣхъ славянъ вообще и въ частности для насъ, бѣлоруссовъ, что нашей Архивной Комиссіи нельзя обойти молчаніемъ это знаменательное событіе.

*) Источники и пособія: 1) „Витва при Грюнвальдѣ“, Д. И. Довгалло. Вильна 1909 г. 2) „Грюнвальдская битва“. С. Томилинъ. Вильна 1910 г. 3) „Грюнвальдская битва“, Кояловича. СПб. 1885 г. 4) „Таннебергская битва“. Варбашева. Журн. Мин. Нар. Пр., декабрь 1887 г. 5) „Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ“, П. Д. Врянцева. Вильна 1889 г. 6) „Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи“, Антоновича, т. I. Кіевъ 1885 г. 7) „Grunwald“, М. Offmanski. Warszawa, 1908 г. 8) „Грюнвальдская годовщина“, И. Филевича „Новое Время“ 1911 г. 12921. 9) „Kurjer Warszawski“, Dnia 1 Stycznia 1910 г. 10) „Очеркъ исторіи Литовскаго государства“, проф. М. Любавскій, Москва 1910 г.

Прекрасные результаты славной Грюнвальдской битвы были плодомъ полнаго единенія славянъ, слившихся въ этотъ историческій моментъ въ единое море и сознательно шедшихъ къ одной опредѣленной цѣли.

Грюнвальдская битва была одна изъ тѣхъ битвъ въ исторіи чело-вѣчества, которыя рѣшаютъ судьбу народовъ: слава и сила ордена погибла въ этой битвѣ окончательно; побѣдителя прусскихъ племенъ, рыцари, встрѣтили огромное ополченіе со стороны объединенныхъ славянскихъ народовъ восточной Европы и предъ ними оказались недостаточными ни искусство рыцарей, ни ихъ сила и мужество, ни слава непобѣдимости. Рыцарство послѣ Грюнвальдской битвы погибло окончательно. Это былъ такой-его разгромъ, послѣ котораго существованіе его становилось уже безцѣльнымъ, невозможнымъ.

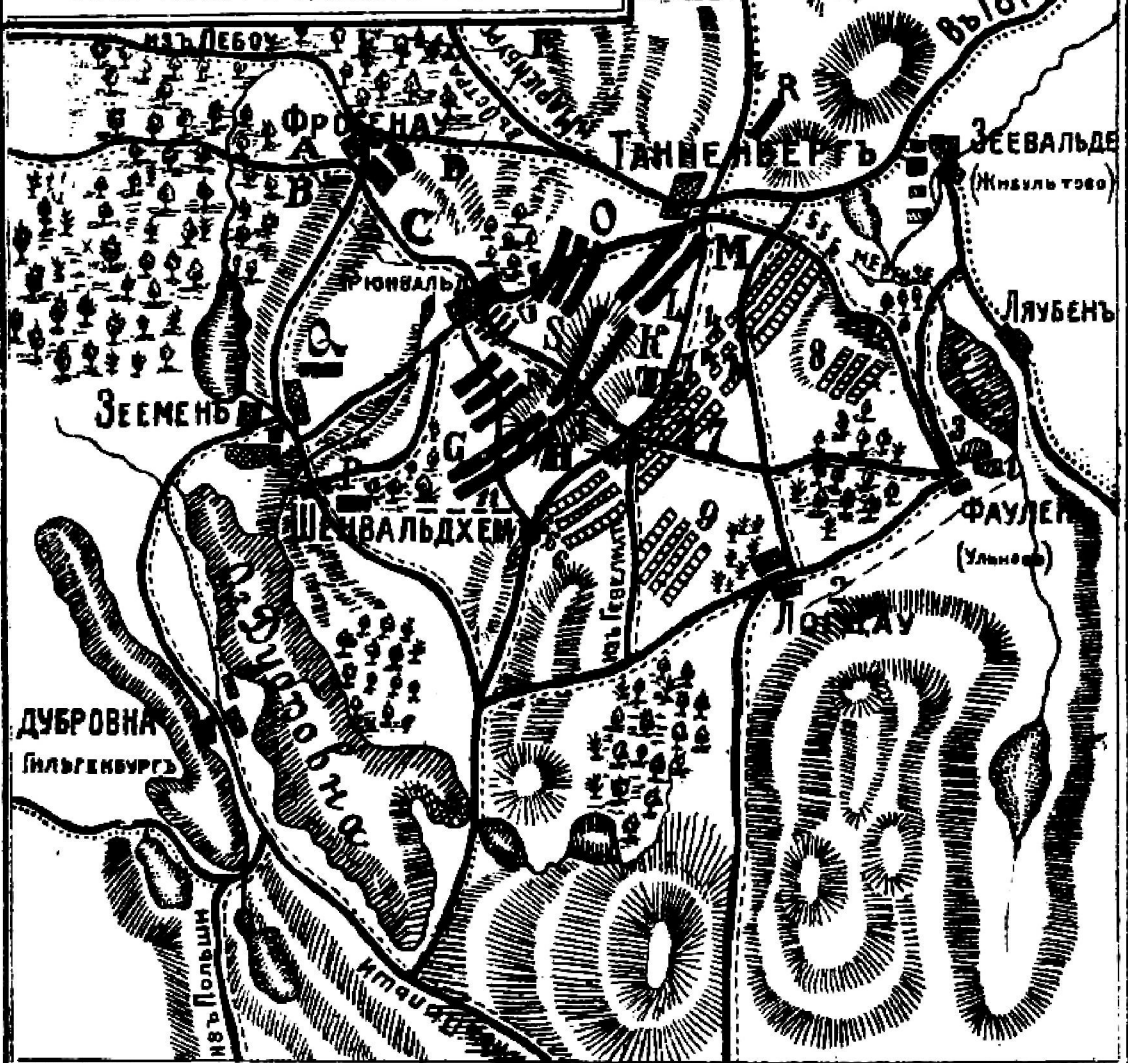
Какія же обстоятельства были причиной столкновенія близъ Грюнвальда славянъ и нѣмцевъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно только тогда, когда мы припомнимъ, кто семьсотъ лѣтъ слишкомъ тому назадъ жилъ на берегу Балтійскаго моря, по нижнему теченію рѣкъ Западной Двины, Нѣмана, Вислы, Одера и Эльбы, или по-славянски Лабы, и какъ водворились въ названныхъ мѣстахъ нѣмцы. По свидѣтельству европейскихъ ученыхъ, нашихъ русскихъ и главнымъ образомъ нѣмцевъ, здѣсь жили славянскія племена, исчезнувшія нынѣ съ историческаго поприща, и литовское племя пруссы. Всѣ эти племена исповѣдывали язычество. Русскій народъ и русскіе князья, новгородскіе и полоцкіе относились терпимо къ своимъ сосѣдямъ, не обращали вниманія на ихъ бытъ и языческую религію, а довольствовались только незначительною данью, которую приносили имъ туземцы. Скоро въ этотъ край проникли нѣмцы. Въ началѣ XII вѣка на Балтійскомъ морѣ, на о. Готландѣ бременскіе и гамбургскіе купцы завели торговлю съ новгородцами. Въ концѣ же этого столѣтія нѣмецкіе купцы познакомились съ Ливоніей и основали въ ней свои дворы для склада товаровъ. Послѣ этого бременскій архіепископъ, узнавши отъ купцовъ, что въ Ливоніи и сосѣднихъ

ПЛАНЪ Грюнвальдской битвы или

при Танненбергѣ

15 июля 1410 года

Маштабъ: въ 1 дюймѣ 2.38 версты

- 1, 2. Обозъ литовской арміи.
3. Королевская каплица.
- 4, 5. Боевое расположеніе литов. арміи
- 6, 7. Тоже польской арміи.
- 8, 9. Резервныя колонны.
- 10, 11. Позднѣйшее положеніе резерв.

- A. B. C. D. E. F.—Обозъ крестоносцевъ.
 G. H. I. K. L. M.—Ихъ боевое расположеніе.
 N. O.—Двѣ резервныя колонны.
 P.—Часть для защиты лѣваго крыла.
 Q.—Такая же другая.
 R.—Такая же третья для заш. праваго крыла.
 S.—Мѣсто убіенія вел. магистра.
 T.—Шесть дубовъ на холмѣ.
 U.—Послѣдніе резервы крестоносцевъ

съ нею странахъ живутъ язычники, прислалъ сюда для распространенія христіанства августинскаго монаха Мейнгарда, который, по причинѣ раздробленія полоцкаго княжества на мелкіе удѣлы и розни отдѣльныхъ князей этого княжества, основалъ здѣсь нѣмецкую колонію.

Миссіонерскіе труды Мейнгарда не долго сопровождались успѣхомъ. Литовскія племена стали возставать противъ владычества пришельцевъ и ихъ вѣры, которую нѣмцы съ оружіемъ въ рукахъ навязывали имъ. Мейнгардъ скоро умеръ. Въ Ливонію былъ присланъ новый епископъ Альбертъ Буксгевденъ, человекъ умный, ловкій, хитрый и въ высшей степени энергичный. Онъ привелъ сюда крестоносное ополченіе, набранное съ благословенія папы, и положилъ въ 1200 году основаніе существующему до сихъ поръ гор. Ригѣ; въ томъ же году онъ основалъ духовно-рыцарскій орденъ, получившій уставъ ордена тамплиеровъ и названный орденомъ меченосцевъ, крестоносцами.

Появленіе нѣмцевъ на южномъ побережьи Балтійскаго моря, въ странѣ пруссовъ, является дѣломъ недалновидности одного изъ удѣльныхъ польскихъ князей, герцога Мазовецкаго Конрада, который, въ огорченіе себя отъ опустошительныхъ набѣговъ пруссовъ, призвалъ въ 1225 году изъ Палестины рыцарей. Послѣдніе, основавъ орденъ Тевтонскій, покорили всю страну, обратили пруссовъ въ христіанство и начали съ помощью Конрада германизацію пруссовъ, покрывъ ихъ страну нѣмецкими колоніями и городами.

Въ 1237 году оба ордена соединились вмѣстѣ и стали дружно дѣйствовать противъ литовскихъ племенъ и сосѣднихъ славянъ. Славяне и литовцы, обезпеченные этими непрошенными сосѣдями, стали вести съ ними борьбу, защищая свою вѣру и народность. Рыцари, крыжаки, заняли даже Псковъ, но князь Новгородскій Александръ Невскій, послѣ блистательной побѣды на льду Чудскаго озера, отнялъ вновь Псковъ и задержалъ дальнѣйшее наступательное движеніе крестоносцевъ на Русь. Тогда рыцари устремили все свое вниманіе на литовскія племена въ области нижняго теченія Нѣмана и Вислы. Созна-

пилъ въ сношеніе съ крестоносцами, принялъ у нихъ крещеніе подъ именемъ Виганда и письменно обязался уступить ордену Жмудъ и половину Литвы, если съ его помощью овладѣетъ великимъ княжествомъ, которое готовъ онъ былъ принять въ видѣ лена отъ ордена. Какъ видно, крестоносцы за труды при крестянахъ литовскихъ князей требовали весьма большого вознагражденія. Наконецъ въ душѣ Витовта заговорили національныя чувства; ему стало неловко, что онъ поступаетъ въ союзъ съ вѣковыми врагами Литвы, что орденъ имѣетъ намѣреніе пользоваться имъ, какъ орудіемъ, для ослабленія Литвы, а потому охотно согласился примириться съ братомъ, если послѣдній объявитъ ему секретно, что отдастъ все Трокское княжество ему съ условіемъ прервать сношенія съ орденомъ и возвратиться въ отечество. Какъ только онъ получалъ отъ брата Ягайло на этотъ счетъ нужныя завѣренія, такъ имѣнически убилъ нѣсколькихъ рыцарей и, завладѣвъ нѣкоторыми изъ ихъ крѣпостей, открыто перешелъ на сторону Ягайлы.

Внезапная перемена въ отношеніяхъ Ягайлы, Витовта и ордена объясняется событіями, происходившими въ Польшѣ. Въ 1385 году изъ Польши Ягайлѣ было сдѣлано предложеніе жениться на польской королевѣ Ядвига и соединить Польшу и Литву. Ягайло рѣшился жениться на королевѣ Ядвига по совѣту съ матерью своею, великою княгинею Іуліаніею, и съ нѣкоторыми братьями—областными князьями, Скиргайломъ, Корибутомъ, Лугвевіемъ и др. Очевидно, что не личные только интересы Ягайлы, но и государственныя настойчиво рекомендовали такой образъ дѣйствій. Женившись на Ядвига, онъ долженъ былъ обезпечить Польшѣ союзъ и содѣйствіе своего княжества. Это было весьма важно для обоихъ государствъ Литвы и Польши въ борьбѣ съ рыцарями, которые, овладѣвъ литовскими землями на Балтійскомъ побережьи, овладѣли Польскимъ Поморьемъ, отодвинули Польшу отъ моря и овладѣли торговымъ движеніемъ на Вислѣ, устье которой принадлежало уже ордену. Польша вела съ нѣмцами такую же народную войну, какъ и Литва; у нихъ такимъ образомъ

былъ общій врагъ. Вотъ причина, по которой поляки такъ настойчиво шли на соединеніе съ Литвой.

Но Ягайло поступилъ крайне несправедливо по отношенію къ своему двоюродному брату. Онъ не далъ ему великокняжескаго престола въ Вильнѣ, а отдалъ его своему родному брату Скиргайлѣ. Вѣроятно, лѣнивый и малодушный Ягайло чувствовалъ себя неловко подлѣ дѣятельнаго и предприимчиваго Витовта. Оскорбленный Витовтъ опять вступилъ въ сношенія съ орденомъ и получилъ отъ него помощь противъ Ягайлы и Скиргайлы. Крестоносцы предприняли нѣсколько опустошительныхъ походовъ противъ Литвы, вошедшей въ составъ Польши. Ягайло, видя полную невозможность одному управиться съ орденомъ, помирился съ Витольдомъ, обѣщалъ ему великое княженіе при условіи расторженія всякаго его соглашенія съ орденомъ. Витольдъ бѣжалъ отъ рыцарей въ Вильну, гдѣ былъ принятъ съ большими почестями. Ягайло и Ядвига прибыли лично въ Литву для примиренія съ Витовтомъ, который получалъ достоинство великаго князя литовскаго на правахъ самостоятельнаго государя. Съ этихъ поръ дружба Ягайлы съ Витовтомъ уже больше не нарушается.

Крестоносцы, возмущенные вѣроломствомъ Витольда, заключили его брата въ тюрьму, отравили двухъ сыновей и распустили въ Европѣ слухъ, что онъ обратился снова въ язычество. Крестоносцы имѣли на своей сторонѣ много союзниковъ даже среди славянъ. Они произвели страшное разложеніе въ славянской средѣ, имѣя друзей и набирая войска въ Помераніи и Силезіи; на ихъ сторонѣ былъ чешскій король Венцеславъ и венгерскій Сигизмундъ, который хотѣлъ продать имъ въ числѣ прочихъ земель Добрыньскую землю, принадлежавшую полякамъ. Самъ магистръ пришелъ въ изумленіе отъ дерзости Сигизмунда, желавшаго продать чужую собственность безъ магійшаго на то права. Онъ не уклонялся, однакожь, отъ переговоровъ, лишь бы венгерскій король представилъ какія бы то ни было права на Добрыньскую землю. Нашлась возможность представить эти

права, и рыцари заняли названную землю, а жителей заставили принести присягу въ вѣрности ордену. Коронныя сословія, получивъ извѣстіе о занятіи Добрынской земли, отправили строгую декларацию магистру, но декларация эта не имѣла никакого успѣха. Крестоносцы послѣ этого нѣсколько разъ нападали на Литву и Польшу, предавая огню и мечу имущество ня въ чемъ неповинныхъ жителей. Витовтъ сталъ готовить большое войско, чтобы отомстить крестоносцамъ за ихъ опустошенія въ Литвѣ. Но слухъ о татарскомъ нашествіи на Литву заставилъ Витовта заключить съ крестоносцами миръ, по которому имъ уступалась Жмудь навсегда. Договоръ этотъ закончился свиданіемъ Витовта съ магистромъ ордена Конрадомъ Юнгингеномъ на островѣ Салинѣ, въ нижнемъ теченіи Нѣмана. Наступилъ знаменитый для Витольда 1399 годъ, знаменитый и несчастный, ибо повелитель Литвы на берегахъ рѣки Ворсклы былъ разбитъ татарами на голову; онъ лишился почти всего своего войска и сталъ такимъ слабымъ сосѣдомъ, что крестоносцы начали проявлять къ нему свое враждебное отношеніе. Имѣя такого настоячаваго врага въ лицѣ ордена, Литва и Польша 18 января 1401 года въ Вильнѣ подписали первый формальный актъ политической уніи обояхъ государствъ, въ силу которой оба государства обязались помогать другъ другу противъ общихъ враговъ, имѣя въ виду таковыхъ главнымъ образомъ въ лицѣ крестоносцевъ.

Положеніе литовскихъ земель и въ особенности Жмуди, очутившихся подъ началомъ ордена, было настолько тяжелымъ, что жители Жмуди часто поднимали возстаніе противъ крестоносцевъ. Гроссмейстеръ ордена обвинялъ Витольда въ подстрекательствѣ жмудиновъ къ возстанію, а Ягайла въ содѣйствіи своему брату. Витольдъ же обвинялъ крестоносцевъ въ нарушеніи условій договора и въ страшныхъ притѣсненіяхъ Жмуди. Жмудины разслали грамоты по всей Европѣ съ жалобою на орденъ. Въ этихъ грамотахъ они просили выслушать ихъ, угнетенныхъ и измученныхъ орденомъ, который не ищетъ ихъ душъ для Бога, а ищетъ ихъ земель для себя. Словомъ, шла борьба—въ предѣлахъ Литвы—

оружіемъ, а при европейскихъ дворахъ — взаимными обвиненіями. Съ Польшей, кромѣ того, были весьма натянутыя отношенія изъ-за Добржинской земли. Вообще причинъ и поводовъ къ войнѣ было очень много, и обѣ стороны стали дѣятельно слѣдить другъ за другомъ и настойчиво готовиться къ войнѣ. Рыцари разослали свои грамоты по всей Европѣ, приглашая охотниковъ. Въ теченіе цѣлой зимы 1409 года и весны 1410 года прибывали въ Маріенбургъ, столицу тевтонскихъ рыцарей, изъ самыхъ отдаленныхъ странъ Европы гости. Конечно, и Витовтъ не дремалъ: онъ немедленно далъ знать брату своему Ягайло о готовящейся опасности и просилъ свиданія для переговоровъ по сему дѣлу. Въ концѣ осени 1409 года въ Брестѣ оба брата заключили между собою договоръ защищать другъ друга до послѣдней капли крови и составили планъ войны. На совѣщаніяхъ въ Брестѣ между братьями могли присутствовать только самые довѣренныя лица.

Въ 1410 году, въ концѣ іюня, Ягайло и Витовтъ съ польскими, русскими и литовскими войсками быстро двинулись въ предѣлы Пруссіи и стали лагеремъ между Грюнвальдомъ и Танненбергомъ, потому что сильное ополченіе ордена приближалось къ названному мѣсту. По лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, число арміи крестоносцевъ равнялось 90000; тутъ принимали участіе войска германскія, англійскія, шотландскія, шведскія, богемскія, венгерскія, вооруженныя по послѣднему слову тогдашней науки, имѣвшія превосходное воинское устройство и прекрасную многочисленную артиллерию. Предводителемъ орденскаго войска былъ магистръ ордена Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ, отличавшійся твердымъ характеромъ и истинно-рыцарскою храбростью. Официальнымъ же предводителемъ славянско-литовскихъ войскъ считался король Ягайло, но фактически всѣмъ распоряжался и первый вступилъ въ бой Витовтъ.

Интереснымъ очень является національный составъ русско-польско-литовскихъ соединенныхъ силъ, участвовавшихъ въ Грюнвальдской битвѣ. Польскій историкъ Нарбутъ считаетъ, что всѣхъ хоруг-

Витебскомъ, Полоцкомъ и трехъ Смоленскихъ и въ войскѣ пѣкото-рыхъ княжескихъ фамилій Западной Руси (Мстиславскіе, Лукомльскіе), принимали участіе наши православные бѣлоруссы, чтившіе память преподобной Евфросиніи. Нельзя обойти молчаніемъ также и того, что среди знаменитыхъ участниковъ битвы при Грюнвальдѣ былъ чешскій вождь Янъ Жижка, ратоборецъ за дѣло славянства; кромѣ того, въ литовскомъ войскѣ было 30000 легкой татарской конницы, находившейся подъ начальствомъ одного изъ сыновей Тахтамыша.

Но честь побѣды и истинно-рыцарской храбрости стяжали въ этой битвѣ Смоленскіе полки подъ командою своего доблестнаго вождя Юрія Лугвеньевича, князя Мстиславскаго, приходившагося по отцу внукомъ литовскому князю Ольгерду и по матери (Маріи Дмитріевнѣ) внукомъ Московскому великому князю Дмитрію Ивановичу Донскому.

Чтобы вполне разумѣть выдающуюся доблесть Смоленскихъ полковъ съ княземъ Юріемъ Лугвеньевичемъ, я останавлиюсь на описаніи самой битвы и ея подробностей. Описаніе, сдѣлано польскимъ историкомъ Нарбутомъ. Вотъ какъ въ его исторіи говорится объ этомъ: 13 іюля объединенными силами славянъ былъ взятъ городъ Дубровно съ замкомъ Гильгенбургъ и вмѣстѣ съ нимъ большіе сараи, собранные для крестоносцевъ изъ окрестныхъ деревень. Послѣ этого союзники стали бивакомъ на восточномъ берегу озера Дубровна, между деревнями Ульново (Фауленъ) и Логдау. По дорогѣ изъ Любавы къ деревнѣ Фрегенау прибыли крестоносцы и расположились лагеремъ приблизительно въ 10 верстахъ отъ союзныхъ славянскихъ войскъ. Ночь наканунѣ 15 іюля была для крестоносцевъ чрезвычайно неудобной. Лялъ сильный дождь, гремѣлъ страшный громъ, порывистый вѣтеръ опрокинулъ очень много шатровъ въ станѣ. Въ лагерь же славянъ была полная противоположность. Ночь была тихая. Блѣдная полная луна свѣтила съ чистыхъ небесъ, и только передъ разсвѣтомъ не разъ набѣгала довольно сильный вѣтеръ и препятствовала установкѣ походной церкви, въ которой Ягайло могъ прослушать обѣд-

относительно возможности войны, теперь его завѣтнае мечта отомстить своимъ исконнымъ врагамъ-крестоносцамъ, исполнялась. Вотъ Витовтъ передъ своими войсками, полный жажды мести и ненависти къ нѣмцамъ, мчится съ простертой повелительно рукой по направленію къ врагамъ; лицо его дышитъ дикой энергіей, сознаніемъ своей силы; его одушевленіе охватило всѣ дружины. Каждый чувствовалъ, что совершается великое дѣло. Передъ славянскими дружинами видѣлись разнообразно одѣтыя рыцарскія войска въ латахъ и бѣлыхъ плащахъ. Многія изъ нихъ представляли лучшія рыцарскія силы всей Европы, созданныя сюда орденомъ на невиданный ииръ побоища. Витовтъ первый началъ битву. Крестоносцы открыли сраженіе выстрѣлами изъ пушекъ, которыя тогда уже имѣлись въ нѣкоторыхъ арміяхъ; ихъ имѣлъ и Витовтъ во время сраженія съ татарами на р. Рорсклѣ. Но пушечные выстрѣлы тогда, въ виду плохого состоянія артиллеріи, не могли причинить соединеннымъ войскамъ никакого вреда. Имѣли артиллерійскія орудія и поляки, но они берегли ихъ для штурма укрѣпленныхъ замковъ. Когда крестоносцы увидѣли, что ихъ орудія бесполезно стрѣляютъ, то приказано было замолчать. Въ этой первой схваткѣ рыцари были далеко отгѣснены отъ первоначальной позиціи. Это было особенно непріятно рыцарямъ, считавшимъ себя лучшими въ мірѣ воинами и одушевленными обще-германской идеей своего превосходства надъ другими народами. Послѣ чуть замѣтнаго замѣшательства, магистръ приказалъ снова броситься въ бой. Враги спускались другъ на друга съ холмовъ и столкнулись въ долинѣ съ такимъ ожесточеніемъ и крикомъ, что земля, казалось, дрогнула отъ дружнаго удара копій по щитамъ и панцырямъ. Черезъ нѣкоторое время копья поломались, началась битва мечами и бердышами, свалугами, шестооперами и дубинами. Звонко раздавались тяжелые удары по рыцарскимъ доспѣхамъ. И только смерть cadaго очищала мѣсто для дальнѣйшаго движенія впередъ. Жестокій, небывалый бой кипѣлъ по всей линіи, съ обѣихъ сторонъ масса убитыхъ, а видимаго усилія еще не было ни на чьей сторонѣ. Но вотъ пос-

лѣдвѣй, дружный натискъ крестоносцевъ рѣшилъ бой въ одномъ мѣстѣ: рыцари сокрушили храбрыхъ своихъ соперниковъ, прорвали линію литовско-русскихъ полковъ и отбѣснили значительную часть арміи Витовта къ Лаубенскому озеру, а другую часть отбросили къ лѣвому флангу польскихъ войскъ, стоявшихъ въ небольшой роцѣ и не принимавшихъ никакого участія въ битвѣ. Въ этой послѣдней части были исключительно жмудинскія войска, которыя не могли вести долгой, правильной войны, а потому при энергичномъ методическомъ наступленіи нѣмцевъ не выдержали и побѣжали съ поля сраженія. Началась невообразимая паника. Сколько ни старался Литовскій Вождь приостановить свои дружины, бѣжавшія въ паническомъ страхѣ, по возстановить боевой строй ему не удалось. Бой былъ проигранъ. Значительная часть крестоносцевъ съ радостными кликами погналась за убѣгающими литвинами, поражая ихъ оружіемъ и топча конями, а другая большая сила рыцарей, занялась литовско-русской арміей, отброшенной къ Лаубенскому озеру.

Но тутъ случилось такое обстоятельство, которое привело въ изумленіе орденскія войска. Незначительная часть литовско-русскаго войска, вдругъ выстроилась въ боевой порядокъ и смѣло перешла въ наступленіе, обрушившись во флангъ крестоносцевъ, стремившихся преслѣдовать бѣгущихъ литовцевъ. Это были доблестные смоленскіе полки подъ предводительствомъ своего мужественнаго князя Юрія Лугвѣнъевича. Странное впечатлѣніе производила война Смоленскаго князя; очень немногіе изъ нихъ имѣли на головахъ кованныя желѣзныя шапочки и на шейякѣ, а большинство носило поверхъ бѣлыхъ суконныхъ свитокъ бахтерцы, особый видъ домашняго изготовленія брони изъ плотно скрученныхъ и перевитыхъ между собой пеньковыхъ веревокъ. Эти бахтерцы нисколько не защищали воина отъ копій и стрѣлъ, но зато отлично сопротивлялись удару меча и рыцарской сѣкиры. Оружіемъ Смоленскихъ полковъ были обыкновенныя дровосѣчныя топоры, насаженныя на теспорище, нѣсколько длиннѣе

употребляемыхъ при рубкѣ дровъ. Обуты смоляне были кто въ лапоть, а кто и безъ всякой обуви. Само собой понятно, что смоленскіе полки были встрѣчены насильниками въ польско-литовскомъ лагерѣ; ихъ называли дегтярниками. Такія войска, покрытыя тяжелыми веревочными бахтерцами, не годились для наступательныхъ дѣйствій, но гдѣ нужна была непоколебимая стѣна изъ живыхъ тѣлъ, тамъ эти войска составляли неодолимую твердыню. Эти сѣрые герои храбро напали на торжествующихъ уже рыцарей, достигли непріятельскихъ рядовъ и снова завязался бой, повернувшій колесо фортуны славянъ въ другую сторону. Медленно, но зато твердо подвигались впередъ смоленскіе полки; ихъ большіе топоры тяжело поднимались и падали глухо, поражая безъ разбора людей и лошадей. Рыцари, опьяненные первымъ успѣхомъ битвы, съ особой силой ударили на смольнянъ; къ сражавшимся крестоносцамъ присоединились и тѣ, которые были заняты преслѣдованіемъ бѣжавшихъ литовцевъ и жмудинъ. Но сокрушить эту живую твердыню имъ не удалось. За спиною смольнянъ приводило себя и вновь строилось въ боевой порядокъ то русско-литовское войско, которое было только разсѣяно, но не бѣжало въ паническомъ страхѣ. Рыцари видѣли, что имъ необходимо во что бы то ни стало побѣдить смольнянъ. Они сначала не видѣли, что изъ-за лѣса, находящагося правѣе ихъ, стали выступать стройныя знамена польскаго войска. Это нѣсколько смутило рыцарей, торжествовавшихъ уже побѣду надъ литовцами; но они скоро оправились, построились и съ побѣднымъ гимномъ на устахъ „Христосъ воскресъ“ снова бросились съ удвоенною энергіей на поляковъ. Большое королевское знамя съ бѣлымъ орломъ было опрокинуто, и только съ большими усиліями поляки его возстановили. Минута была чрезвычайно опасная для славянъ, такъ какъ рыцари, преслѣдовавшіе литовцевъ, стали возвращаться на помощь своимъ. Но Витовтъ нашелся какъ нельзя лучше. Онъ взялъ нѣсколько полковъ изъ арміи Ягайлы и съ ними ударилъ на возвращавшихся съ погони рыцарей, большая часть которыхъ была перебита и захвачена въ плѣнъ. Всѣ уся-

лія крестоносцевъ теперь были направлены на ядро польской арміи, гдѣ были полки краковскій, сандомирскій, галицкій и др. Самъ великій магистръ принялъ начальство надъ атакующей колонной и, выстроивъ въ густую массу все свои знамена, двинулся впередъ, чтобы рѣшительнымъ ударомъ раздавить поляковъ. Витовтъ, видѣвшій это намѣреніе рыцарей, выдвинулъ противъ нихъ съ лѣваго фланга польскихъ войскъ нѣсколько полковъ охотниковъ, находившихся за небольшою рощей, чтобы отвлечь силы рыцарей. Но атака послѣднихъ была такъ настойчива и стремительна, что только численный перевѣсъ, бывший на сторонѣ славянъ, давалъ возможность противостоятъ бѣшеной атакѣ враговъ. Много, конечно, придавало бодрости польскому войску личное присутствіе короля Ягайло въ центрѣ своей арміи, хотя такое присутствіе не могло не быть опаснымъ для жизни короля. Сначала крестоносцы не предполагали, что среди польскихъ рыцарей, бывшихъ недалеко отъ нихъ, находится самъ король, такъ какъ королевское знамя было предусмотрительно спущено. Тѣмъ не менѣе нѣсколько рыцарей отдѣлились отъ общей массы нѣмецкихъ рыцарей и хотѣли было перевѣдаться съ блестящимъ королевскимъ конвоемъ, но магистръ, имѣя цѣлью всю польскую армію, екомандовалъ слѣдовать за нимъ по направленію къ центру польской арміи. Большинство рыцарей послушалось и присоединилось къ отряду, но одинъ изъ нихъ, самый значительный, Диппольдъ фонъ-Кикеритцъ изъ Лузации, не послушался. Желаніе завладѣть богатымъ вооруженіемъ короля и роскошнымъ убранствомъ его коня заставило его съ поднятымъ копьемъ неблагоприятно броситься на Ягайло, окруженнаго лучшими воинами. Ягайло поднялъ копье и отбилъ ударъ, а находившійся вблизи королевскій секретарь Сбигиѣвъ Олесницкій, державшій въ рукахъ изломанное копье, швырнулъ въ него обломкомъ и сбилъ рыцаря съ коня; король вонзилъ копье въ лобъ рыцаря, а окружающая короля стража разсѣкла дерзкаго нѣмца на части. Ягайло, въ которомъ заговорила кровь его знаменитыхъ предковъ Гедимина и Ольгерда, хотѣлъ было устремиться впередъ, но приближенные удержали его. Ме-

жду тѣмъ рыцари съ особенной настойчивостью стали наступать на польское войско, и такимъ образомъ опасность съ головы короля перешла на всю польскую армію. Поляки стали отступать. Королевскій секретарь Сбигнѣвъ-Олесняцкій поскакалъ на своемъ конѣ къ командовавшему мазовецкими знаменами, находившимися впереди, Николаю Колбасѣ герба «Наленчъ», чтобы онъ своими войсками прикрылъ отступление. Но предводитель мазовецкихъ войскъ отказалъ на томъ основаніи, что крестоносцы, видя уходъ войскъ съ поля битвы, удвоили-бы только мужество. Въ эту критическую минуту Витовтъ вывелъ блестящія наемныя дружины. Онъ зашелъ во флангъ нападавшимъ нѣмецкимъ войскамъ отчасти въ тылъ, и началась новая, послѣдняя битва. Рыцари ударили на новыхъ враговъ, но не могли произвести своего обычнаго дѣйствія, такъ какъ они были уже утомлены войной, и сомнѣніе въ благопріятномъ исходѣ битвы явилось не у одного рыцаря. Одинъ только великій маршалъ и безумно храбрый Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ безстрашно смотрѣлъ въ глаза опасности и неблагоразумно началъ войну. Витовтъ былъ всюду: онъ руководилъ наемными дружинами и не оставлялъ своихъ литовско-русскихъ войскъ, которыя не бѣжали съ поля битвы; къ этимъ послѣднимъ стали понемногу приставать тѣ, которые раньше бѣжали послѣ перваго сраженія. Побѣдный гимнъ нѣмцевъ уже умолкъ. Ряды ихъ стали мѣшаться; наступилъ такой безпорядокъ, что нельзя было слышать команды начальниковъ. Оба крыла крестоносцевъ стали медленно отступать по направленію къ деревнѣ Грюнвальду, гдѣ ихъ окружили татары султана Салладина, зашедшіе въ тылъ неприятеля. Крестоносцы уже у самой деревни были схвачены плотнымъ кольцомъ соединенныхъ силъ, и началась не война, а побоище. Пало много доблестныхъ рыцарей, и въ числѣ ихъ магистръ ордена Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ; палъ маршалъ, большая часть командировъ и братьевъ. Ни одинъ выстрѣлъ изъ лука, ни одинъ ударъ славянъ не пропадали даромъ. Къ довершенію несчастья для рыцарей, мѣстное земское и поморское рыцарство въ тотъ моментъ, когда стало

ясно, что крестоносцы проиграли битву, или бѣжали съ поля сраженія, или обратили свое оружіе противъ своихъ поработителей. Рассказываютъ, что когда славяне почти окружили нѣмцевъ, начальники и вожди совѣтовали магистру спѣшно отступать, пробиваясь сквозь непріятельскія силы, въ замки, гдѣ и защищаться, но магистръ отвѣтилъ, что онъ не сойдетъ съ того поля битвы, гдѣ не одинъ мужественный рыцарь рядомъ съ нимъ нашелъ смерть. И дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ слова оправдалъ свои слова. Битва была окончена вечеромъ взятіемъ лагеря подъ Фрегенау. Тутъ побѣдителямъ достался въ добычу огромный лагерь, большое количество всякаго рода запасовъ, множество разрушительныхъ орудій, цѣпи на плѣнниковъ, цѣпи на барьеры, экипажи, верховыя лошади, сундуки съ деньгами, бочки съ виномъ; словомъ, всего въ огромномъ количествѣ. Грабежъ и своеволие сопровождали разореніе лагеря.

Такъ окончилась при Грюнвальдѣ битва двухъ народовъ славянъ и нѣмцевъ. Стотысячная нѣмецкая-армія, состоящая изъ испытанныхъ въ военномъ дѣлѣ рыцарей, мужество и вѣрованія которыхъ были созданы для войны, ей одной служили и въ ней одной находили себѣ право, была совершенно уничтожена многочисленною, но слабѣе вооруженною и менѣе устроенною славянскою ратью. Случилось это потому, что нѣмецкое рыцарство, бывшее два вѣагрозою славянъ, дѣйствовавшихъ всегда разрозненно, встрѣтило со стороны послѣднихъ на этотъ разъ нежелательное для себя единеніе, сознаніе до нѣкоторой степени важности исторической минуты и опредѣленности цѣли. Результаты такого сознанія славянами общности своихъ интересовъ на лицо. Орденъ потерялъ всякое значеніе для славянъ; хотя онъ продолжалъ независимо существовать еще около пятидесяти лѣтъ, но это было жалкое существованіе, потому что среди крестоносцевъ настали междоусобныя распри и возстанія среди подвластныхъ имъ народовъ; все это повело къ уtratѣ очень важныхъ орденовскихъ владѣній и наконецъ къ ленной зависимости отъ презираемой раньше Польши. Словомъ, стремленіе нѣмцевъ

drang nach Osten нашло свой предѣлъ, и начался славянскій drang nach Westen. „Межи грады Дубровны и Острода“ Польша получила свое историческое крещеніе. Взоры всѣхъ обратились на нее. Передъ ней открылась великая историческая перспектива остановить нѣмецкій drang nach Osten и изъ разрозненныхъ частей славянства создать могучее и красивое цѣлое. Прежняя борьба нѣмцевъ и славянъ должна была, казалось, совершенно измѣниться; но случилось не то, чего можно было ожидать. Славяне попрежнему остались разрозненными, а разбитые при Грюнвальдѣ нѣмцы собрались и выросли впоследствии въ могучую Германію. Такіи грустныя мысли неизбежно являются при воспоминаніи о Грюнвальдской битвѣ и заставляютъ испытывать невольное смущеніе, требуя уясненія логической стороны этого явленія. Кажется страннымъ, что когда то обширное славянское море, простиравшее свои заливы до Эльбы, Альпъ и Адриатическаго моря, стало постепенно отодвигать свою береговую линію на востокъ, будучи заносимо нѣмецкими дюнами, вѣдряющимися настойчиво и безпощадно въ славянскія волны.

Успѣхъ вѣдренія германизма подъ прикрытіемъ распространенія христіанства и ганзейскихъ торговыхъ сношеній объясняется тѣмъ, что нѣмецкіе аванпосты были тѣсно связаны съ германскимъ и даже романскимъ міромъ, который тогда былъ проникнутъ горячимъ религіознымъ одушевленіемъ и искреннимъ сознаніемъ, что онъ является единственнымъ представителемъ истиннаго христіанства, что его вожди, папа и императоръ, единственные источники права и власти на землѣ. Того, кто не признавалъ ихъ власти, необходимо было принуждать къ тому силою. „Папы же и императоръ зорко слѣдили за всѣми дѣйствіями крестоносцевъ, доставляли имъ силы и средства и освящали всѣ ихъ шаги своимъ авторитетомъ и благословеніемъ“. Да и теперь, гдѣ только нѣмцы свили свое гнѣздо, они находятъ моральную и матеріальную поддержку со стороны своего отечества. Въ вопросахъ, касающихся пангерманской идеи, всѣ нѣмцы дѣйствуютъ поразительно

единодушно. За предѣлами Германіи нѣтъ ни юнкеровъ, ни социаль-демократовъ, ни центра, ни вольномыслящихъ и другихъ партій, а есть только связанные сознаниемъ своей общенациональной солидарности нѣмцы. У себя дома въ национальныхъ вопросахъ Германія всегда выступаетъ какъ единая, цѣлая страна, въ которой нѣтъ мѣста внутреннимъ раздорамъ. Также единодушно сливаются въ этомъ отношеніи всѣ политическія партіи Англій и Франціи.

Бъ сожалѣнію, ничего подобнаго нѣтъ среди славянъ. Сейчасъ же послѣ разгрома ордена подъ Грюнвальдомъ вождь славянъ, польскій король Ягайло, вмѣсто того, чтобы немедленно двинуться съ войсками къ Мариенбургу для окончательнаго уничтоженія орденскихъ силъ, вступилъ въ пререканія и несогласія съ Витовтомъ, который совѣтовалъ разорить столицу крестоносцевъ. Ягайло же легкомысленно сталъ предаваться на полѣ битвы религиознымъ и побѣднымъ подвигамъ въ теченіе трехъ дней и такимъ образомъ упустилъ время для достиженія окончательной цѣли. Когда послѣ этого онъ подступилъ къ Мариенбургу, то уже было поздно, ибо тамъ успѣли приготовиться къ отпору, и Ягайло былъ отбитъ; пришлось заключить миръ, по которому не только былъ признанъ орденъ, но онъ получилъ назадъ всѣ свои земли.

Тѣмъ не менѣе значеніе побѣды при Грюнвальдѣ было громадное. Вѣсть о страшномъ пораженіи рыцарей разнеслась по всей Европѣ, а Польша съ этого времени стала источникомъ надеждъ и упованій всѣхъ западныхъ славянъ. Скоро послѣ 1410 г. чехи предложили польскому королю Ягайлу свою корону. Вмѣсто того, чтобы твердыми руками взять эту корону, Ягайло отправилъ посольство къ императору Сигизмунду съ наивнымъ предложеніемъ отказаться отъ чешской короны, которую тотъ до этого времени носилъ, а къ панѣ-остановить призывъ къ крестовымъ походамъ противъ Чехій. Само собою разумѣется, что заступничество польскаго короля не имѣло ни малѣйшаго успѣха. Мало того когда вслѣдъ за тѣмъ началась война Польши съ Русью и орденомъ;

то западныя государства открыто стали поддерживать крестоносцевъ. Несмотря на такой горькій опытъ чехи опять, уже въ 1437 году, послѣ признанія Базельскимъ соборомъ утракистовъ, просили у Польши покровительства, но всемогущее католическое духовенство во главѣ съ краковскимъ епископомъ наложило запрещеніе на попытку славянъ сблизиться другъ съ другомъ.

Во второй половинѣ пятнадцатаго столѣтія при преемникѣ Ягайла Казимиръ Польша опять начала войну съ орденомъ, послѣ которой онъ призвалъ себя польскимъ вассаломъ по Торунскому миру. Между тѣмъ папа подтвердилъ всѣ прежнія права и привилегіи ордена. Вотъ какъ Польша держала въ своихъ рукахъ славянское знамя! Иначе впрочемъ и быть не могло, потому что въ духовномъ отношеніи она составляла часть западнаго міра и не могла, слѣдовательно, дѣйствовать самобытно и самостоятельно.

Дальнѣйшая политика польскихъ королей по отношенію къ славянству состояла въ созданіи нынѣшней Австріи и отчасти Пруссіи, т. е. тѣхъ нѣмецкихъ государствъ, отъ которыхъ болѣе всего приходится терпѣть славянамъ. Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія Австрію стали тѣснить появившіеся тогда на политическомъ горизонтѣ турки. Польша до конца своего существованія безкорыстно напрягала всѣ силы для защиты Австріи отъ турецкой грозы; въ этой, иногда совершенно ненужной, борьбѣ Польша видѣла свое историческое призваніе. Такимъ образомъ славяне собственными руками создали нынѣшнюю свою притѣснительницу Австрію, гдѣ такъ тяжело приходится имъ всѣмъ и гдѣ незначительная сравнительно часть нѣмцевъ угнетаетъ большую половину населенія, принадлежащаго къ славянскому племени.

Такою же вѣжною нянькою оказалась другая славянская страна Россія по отношенію къ Пруссіи, которая одно время (10-го апрѣля 1525 года) давала ленную присягу въ вѣрности Польшѣ при торжественной обстановкѣ на Краковскомъ рынкѣ.

Въ восемнадцатомъ столѣтїи Пруссїя не разъ была на краю гибели и спасало ее только заступничество русскихъ государей.

Чѣмъ же отплатили славянамъ за все это нѣмцы? Тѣмъ, что они прошли значительный путь по славянской землѣ, усѣявъ его славянскими трупами и обильно поливъ его славянскою кровью. Они глубоко врѣзались въ славянское тѣло на востокѣ и здѣсь событіями 1242 и 1410 г. г. были остановлены въ своемъ поступательномъ движеніи. Послѣ продолжительной слабости они вновь окрѣпли и съ особенною силою дружно ударили на славянъ, выбравъ линію наименьшаго сопротивленія въ своемъ движеніи *drang nach Osten*, а именно, черезъ Балканы. Еще не успѣла пройти жгучая боль обиды послѣ неожиданной анексіи Босніи и Герцоговины, какъ зрѣть, можетъ быть, уже новый преступный замыселъ противъ славянства, готовится новый ударъ. Развѣ могло быть что-либо подобное, если-бы не вѣковая, губительная, полная непримиримости, неосмысленная рознь славянъ? Теперь, спустя пятьсотъ лѣтъ послѣ знаменитой Грюнвальдской битвы, когда объединившаяся, хотя и не вся, часть великой славянской семьи могла сломить грозную нѣмецкую силу, мы вправѣ сказать, что только при взаимной поддержкѣ славяне могутъ достигнуть своихъ національных стремленій, забывъ старые счеты, обиды и пререканія.

Да будетъ же славная Грюнвальдская битва прообразомъ единенія духа и силы славянъ!

Да будетъ вѣчная память всѣмъ героямъ этой битвы!

Иск. Крачковскій.

Когда разсуждали въ семинаріяхъ объ академіяхъ, то, при упоминаніи о Московской Академіи, говорили всегда и о Василии Осиповичѣ. Имя его было окружено особымъ ореоломъ; говорили о его ученой славѣ, о его манерѣ говорить, о содержаніи его лекцій и никто никогда не касался его частной жизни; ею не интересовались, съ нею Василия Осиповича не связывали, считая его за его труды выше всего.

Московская Духовная Академія меня привлекала, при моемъ выборѣ учебнаго заведенія, потому, что тамъ я могъ слушать Василия Осиповича.

Желанный моментъ встрѣчи съ Василиемъ Осиповичемъ, наконецъ, для всѣхъ насъ наступилъ приблизительно около половины сентября.

Василій Осиповичъ обыкновенно читалъ студентамъ 2-го курса по понедѣльникамъ и вторникамъ послѣ двѣнадцати часовъ по двѣ получасовыя лекціи въ день. Но его аудиторія не ограничивалась вторымъ курсомъ. На его лекціи ходили студенты всѣхъ курсовъ. Многіе были неизмѣнными его слушателями съ перваго по четвертый курсъ. Другія аудиторіи въ это время были заняты очень немногими студентами, сплошь и рядомъ выборными по очереди дежурными. Профессора не обижались, не выговаривали, такъ какъ хорошо понимали наше увлеченье; сами когда то нѣкоторые изъ нихъ были учениками Василия Осиповича.

Къ началу лекціи первая аудиторія, въ которой читалъ лекціи Василій Осиповичъ, самая большая, была переполнена.

До сихъ поръ сохранилось у меня ясное воспоминаніе встрѣчи съ Василиемъ Осиповичемъ. Въ среднія двери, на которыя мы все время обращали вниманіе, быстро, мелкими шагами вошелъ немного сгорбленный, невысокаго роста, съ сѣдиною въ волосахъ, съ очками въ стальной оправѣ, человекъ. Раздались аплодисменты. Онъ слегка наклонился направо и налево и поспѣшно вошелъ на кафедру. Вынулъ изъ портфеля записки, внимательно осмотрѣлъ аудиторію, какъ бы желая опредѣлить, какія требованія могутъ ему предъявить его новые слушатели. Видимо онъ волновался. Началъ лекцію безъ всякихъ вычуренныхъ обращеній, съ указанія того предмета, который

онъ будетъ читать и заявилъ, что въ Академіи онъ читаетъ болѣе полвій курсъ, надѣясь на скромность слушателей и на то, что на лекцію не пойдутъ неизвѣстные люди.

Предметомъ первой лекціи былъ географическій обзоръ Восточной Европы.

Читалъ Василій Осиповичъ сравнительно тихо, но ясно; рѣчь была бозукоризненна, вполне выражала мысль, какую хотѣлъ онъ высказать. Началъ чтеніе онъ по запискѣ, но потомъ увлекся, сошелъ съ кафедръ, начертилъ на доскѣ мѣломъ карту Россіи и уже до конца велъ лекцію, хотя по аудиторіи.

Мы многого ожидали по рассказамъ нашихъ предшественниковъ отъ лекцій Василя Осиповича, но наше впечатлѣніе превзошло ожиданія. Сухой въ сущности предметъ лекціи Василій Осиповичъ оживилъ, заставилъ насъ забыть непосредственную дѣйствительность, перенестись за нѣсколько вѣковъ и углубиться въ уясненіе естественныхъ условій жизни въ Восточной Европѣ.

По окончаніи лекціи соблюдалось нѣсколько времени молчаніе, всѣ мы чего то ждали, а потомъ раздались оглушительные аплодисменты уходящему въ смущеніи профессору.

Дальнѣйшія лекціи проходили такъ же хорошо, какъ и первая, при многочисленныхъ слушателяхъ. Волненіе Василя Осиповича все больше и больше улегалось.

Василій Осиповичъ читалъ намъ особый курсъ русской исторіи; онъ мало обращалъ вниманія на событія и историческихъ дѣятелей, стараясь уяснить историческую жизнь, доказать, что иною она и не могла быть при тѣхъ условіяхъ—географическихъ, этнографическихъ и экономическихъ, въ какихъ находилось наше государство. Правда онъ иногда останавливался и на историческихъ дѣятеляхъ, выбирая такихъ, за дѣятельностью которыхъ признается обычно только вредъ или такихъ, которые считаются благодѣтелями отечества. Для первыхъ онъ иногда смягчалъ историческій приговоръ, какъ, напримѣръ, для Іоанна Грознаго; для другихъ ослаблялъ славу, какъ, напримѣръ, для Екатерины II.

Характеристики Василій Осиповичъ умѣлъ дѣлать неподражаемо: недаромъ слушатели его съ записокъ ихъ по нѣскольку разъ пере-

читывали и, думаю, многіе изъ нихъ съ удовольствіемъ читають и теперь. Характеристиками такъ интересовались, что на нихъ ходили почти всѣ студенты Академіи. Это можно было сдѣлать потому, что Василій Осиповичъ сообщалъ предметъ своей слѣдующей лекціи. Это было необходимо въ виду особаго плана лекцій. При выясненіи исторической жизни Василію Осиповичу нужна была аудиторія, знакомая съ историческими фактами, которые могли бы служить вѣхами для его лекцій. Поэтому онъ предлагалъ слушателямъ дома прочесть фактическую исторію по учебнику Сергѣя Михайловича Соловьева, указывая страницы.

Я буду огорченъ, если изъ моихъ словъ читатель сдѣлаетъ выводъ, что на лекціи Василія Осиповича мы ходили исключительно для удовольствія выслушать красивую рѣчь, изящныя выраженія. Такая аудиторія, такія отношенія слушателей разстроили бы Василія Осиповича и онъ, я думаю, по свойственной ему откровенности попросилъ бы эстетиковъ не посѣщать его лекцій. Онъ самъ указалъ подробно и ясно бесполезность такихъ учебныхъ занятій, когда между учителемъ и ученикомъ устанавливаются отношенія, основанныя на эстетическомъ наслажденіи. Выясняя значеніе воспитанія Александра I, онъ замѣтилъ: «Это большое несчастье, когда между ученикомъ и учителемъ образуются отношенія зрителя къ артисту, когда урокъ послѣдняго становится эстетическимъ развлеченіемъ и только».

Характеристики Василія Осиповича привлекали насъ потому, что въ нихъ мы слышали какъ бы рассказы о напихъ хорошихъ знакомыхъ, будутъ ли то великіе и полезные дѣятели или люди съ преступною волею и порочными наклонностями.

Василій Осиповичъ вообще обладалъ рѣдкимъ даромъ изображенія извѣстной эпохи, такъ что невольно во время его лекцій приходилось переносить себя въ старую обстановку и смотрѣть на умершихъ людей, какъ на своихъ современниковъ. Выгода положенія заключалась только въ томъ, что слушатели замѣчали всѣ ошибки своихъ предшественниковъ, сдѣлавшихся имъ знакомыми и родными благодаря умѣлому разсказу профессора.

Изображая тяжелыя для нашего отечества эпохи, характеризуюя вредныхъ дѣятелей, Василій Осиповичъ никогда не раздражался, не

старался выставить ихъ на позоръ, но представляя ихъ непривлекательными сторонами, въ то же время болялъ душою такъ, какъ болятъ душою по поводу порочности своихъ дѣтей родители.

Однимъ словомъ, рѣчь Василія Осиповича отличалась тѣми же достоинствами, какія мы находимъ въ записяхъ нашего перваго лѣтописца: та же изобразительность, та же деликатность въ отношеніяхъ къ людямъ, то же уваженіе чловѣческаго достоинства даже въ отношеніи людей порочныхъ. Вотъ почему лекціи Василія Осиповича не могли разстроить юношескаго воображенія, не могли изъ юношей воспитать революціонеровъ. Не даромъ въ одномъ гектографированномъ изданіи лекцій студенты въ срединѣ записали такое четверостишіе:

„Вы послушайте, ребята,
Что намъ скажетъ дѣдъ:
Велика земля наша, богата,
А порядка въ ней все нѣтъ.“

Въ законномъ порядкѣ слушателемъ Василія Осиповича я сдѣлался на второмъ курсѣ, и слушалъ его въ продолженіи 1901—1902 учебнаго года. Нашему курсу выпало рѣдкое счастье: Василій Осиповичъ намъ читалъ не четыре лекціи, какъ это полагается по уставу, а шесть. Были свободны часы, посвященные лекціямъ по патристикѣ, вслѣдствіе заграничной командировки профессора Ивана Васильевича Попова. Мы обрѣтились къ Василію Осиповичу съ просьбою, чтобы онъ въ эти часы читалъ намъ дополнительный курсъ русской исторіи. Результаты получились неожиданные: оказалось, что мы растрогали своимъ обращеніемъ Василія Осиповича. Онъ безъ всякихъ отговорокъ согласился и въ первой же лекціи высказался, что мы его очень обрадовали. Онъ сказалъ: „Я чловѣкъ прошлаго столѣтія, случайно попавшій въ нынѣшнее; я думалъ, что не могу своими лекціями, составленными для другого поколѣнія, исполнить удовлетворить современную учащуюся молодежь. Вы меня порадовали, Вы мнѣ старику сказали, что я не бесполезенъ для васъ, что желаете меня слушать“.

Въ виду того, что Василій Осиповичъ читалъ больше лекцій, онъ для нашего курса прочелъ русскую исторію вплоть до царствованія нынѣ благополучно царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Приступая къ характеристикамъ послѣднихъ реформъ Александра II, Василій Осиповичъ насъ предупредилъ, что мы теперь услышимъ отъ него не то, что слышали прежде, что теперь онъ теряетъ силу безпристрастнаго историка, такъ какъ ему придется изобразить жизнь, которая затронула и его, что у него могутъ въ отношеніи дѣятелей быть симпатіи и антипатіи, благодаря близкому знакомству съ ними; что онъ въ данномъ случаѣ представитъ предъ нами скорѣе со всею страстностью публициста, чѣмъ ученаго историка. Поэтому мы въ правѣ отнестись къ его рѣчамъ съ большою осторожностью. Такъ безпримѣрно честенъ и щепетилень былъ Василій Осиповичъ въ своей ученой дѣятельности.

На второмъ курсѣ намъ пришлось писать семестровое сочиненіе Василію Осиповичу.

Темы даны были такія, которыя требовали самостоятельнаго изученія источниковъ. Трудились мы больше, чѣмъ когда-либо, боясь осрамиться предъ любимымъ учителемъ.

Не могу забыть еще экзамена, произведеннаго Василіемъ Осиповичемъ. На экзаменахъ Василій Осиповичъ былъ очень строгъ, требовалъ отъ студентовъ ясныхъ отвѣтовъ и полного усвоенія своего курса. Готовились мы добросовѣстно, несмотря на то, что многіе лекціи прочли еще во время года.

Въ день экзамена всѣ чувствовали большую неловкость, боялись краткой программы, данной намъ Василіемъ Осиповичемъ. Составили мы программу болѣе подробную. Миѣ было поручено курсомъ переговорить съ Василіемъ Осиповичемъ о дозволеніи отвѣчать по болѣе подробной программѣ. Для этой цѣли я ожидалъ его въ академическомъ саду. Съ тяжелымъ чувствомъ я пошелъ навстрѣчу, появившемуся профессору. Иаложилъ кратко просьбу студентовъ, ожидая замѣчанія; но сверхъ всякаго ожиданія получилъ отвѣтъ, что для него все равно, по какой программѣ мы будемъ отвѣчать по краткой или подробной и что кто не знаетъ курса при всякомъ по-

телеграмму, въ которой выразили свои отношенія къ нему, его лекціямъ и ученымъ трудамъ.

Василій Осиповичъ по поводу телеграммы говорилъ съ нами на лекціи со слезами на глазахъ. Онъ сказалъ, что наша телеграмма для него была цѣннѣе всѣхъ привѣтствій и адресовъ, выслушанныхъ имъ въ юбилейный день потому, что онъ снова услышалъ отъ студентовъ Академіи, какъ тридцать лѣтъ назадъ, призванъ къ работѣ и сочувствіе въ исканіи истины. Онъ сказалъ, что Академію онъ очень любитъ и свое положеніе въ ней очень цѣнить. Цѣнила его въ то время и Академія, къ его голосу прислушивались и профессора. Мнѣ однажды пришлось разговаривать о Василіѣ Осиповичѣ съ инспекторомъ Академіи, архимандритомъ тогда, теперь викарнымъ Тульскимъ епископомъ, который потомъ, во время своего ректорства въ Академіи, былъ виновникомъ ухода изъ Академіи Василія Осиповича. Онъ говорилъ, что Василій Осиповичъ—крупная величина въ Академіи; пріѣздъ его—праздникъ не только для студентовъ, но и для профессоровъ. Для того, чтобы поговорить съ нимъ и послушать его разсказовъ, въ каждый пріѣздъ его собирались въ профессорскую всѣ профессора вмѣстѣ съ ректоромъ и инспекторомъ. И много онъ разсказывалъ имъ изъ прошлаго; не любилъ только касаться современныхъ политическихъ нестроеній.

Цѣнили Василія Осиповича тѣ изъ начальствующихъ, которые получили воспитаніе въ другихъ Академіяхъ. Хорошо онъ и самъ отзывался объ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но къ позору Академіи предать его и содѣйствовалъ его уходу его ученикъ, когда сдѣлался ректоромъ Академіи, епископъ Евдокимъ (Мещерскій).

Удаленіе Василія Осиповича изъ Академіи—темная страница въ лѣтописяхъ ея исторіи: пришлось уйти тому, кто больше всего любилъ ее.

Василій Осиповичъ своей любви къ Академіи и не скрывалъ и любовь эта была вполне естественна. Василій Осиповичъ считалъ себя своимъ въ ней. Его ученикъ, профессоръ Московской Духовной Академіи Сергѣй Ивановичъ Смирновъ приводитъ важныя въ этомъ

отношеніи слова покойнаго: «Въ одномъ сѣверномъ житіи рааскаывается, говорилъ Василій Осиповичъ, какъ старецъ—подвижникъ, войдя въ лѣсъ, за ограду обители, заслушался птички и заснулъ на 300 лѣтъ. Проснувшись, онъ пошелъ къ своему монастырю и не узналъ его: стѣны окрашены въ другой цвѣтъ, новый настоятель, чужая братія... Я былъ счастливѣе этого старца: рано оставивъ духовную школу, долго я скитался вдали отъ нея, но когда въ нее вернулся, я почувствовалъ себя снова живымъ».

Если сдѣлать справку въ біографіи Василя Осиповича, то окажется, что для Академіи Василя Осиповичъ дѣйствительно былъ своимъ.

Василій Осиповичъ происходилъ изъ духовнаго званія. Онъ былъ сыномъ священника Пензенской епархіи. Среднее образованіе получилъ въ Пензенской Духовной Семинаріи, въ которой учился только до богословскаго класса, а затѣмъ перешелъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета, который окончилъ въ 1865 году. Черезъ шесть лѣтъ по окончаніи на его труды и таланты обратили ученые Московской Духовной Академіи и въ 1871 году онъ былъ избранъ приватъ-доцентомъ Московской Духовной Академіи по кафедрѣ русской гражданской исторіи. Въ 1872 году за свою диссертацию: «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ» онъ получилъ при Московскомъ университетѣ степень магистра исторіи. Въ 1879 году онъ былъ избранъ доцентомъ по кафедрѣ русской гражданской исторіи и въ Московскомъ Университетѣ, а въ Академіи получилъ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1882 году послѣ защиты диссертациі подъ заглавіемъ: «Воярская дума древней Руси», онъ признанъ докторомъ русской исторіи. Въ томъ же году былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ въ Академіи и Университетѣ.

Кромѣ Академіи и Университета Василій Осиповичъ читалъ лекціи въ Александровскомъ военномъ училищѣ (съ 1867 по 1873 г.) и на высшихъ жезскихъ курсахъ Герье (съ 1872 по 1888 годъ). Съ осени 1893 года до марта 1895 года преподавалъ политическую исторію Великому Князю Георгію Александровичу. 1901 года Василій Осиповичъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. И, нако-

нецъ, онъ послѣ Сергѣя Михайловича Соловьева состоялъ председателемъ Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ.

Съ Академіей связаны его лучшіе годы, въ Академіи положилъ онъ основу тому курсу лекцій, которыя составили ему имя; духовная школа дала ему элементарное образованіе, духовная школа его и выдвинула, отмѣтивъ его дарованія и оцѣнивъ ихъ по достоинству.

Василій Осиповичъ Ключевскій является крупнымъ, несравненнымъ историкомъ нашего отечества. Онъ положилъ начало новой современной исторической школѣ.

Послѣ него, кромѣ мелкихъ статей, разбросанныхъ по журналамъ, остались: «Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ», «Боярская дума древней Руси», «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ», «Русскій рубль въ XVI—XVII столѣтіи въ отношеніи къ нынѣшнему», «Новооткрытый памятникъ по исторіи раскола», «Происхожденіе крѣпостного права», «Подушная подать и отѣна холопства въ Россіи», «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси», «Добрые люди старой Руси», «Два воспитанія», «Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени», «Евгеній Онѣгинъ и его предки», «Памяти Императора Александра III», «Бурсъ русской исторіи» въ IV кн. и др.

И до Василія Осиповича были у насъ историки, изъ которыхъ нѣкоторые оставили даже больше его изслѣдованій.

Ему пришлось выступить въ Московскомъ Университетѣ послѣ знаменитаго Сергѣя Михайловича Соловьева. Но великія имена не помрачили славы его.

Карамзинъ нарисовалъ намъ изящнымъ языкомъ картину событій, происходившихъ при участіи верховъ общества; онъ далъ намъ исторію правящаго класса; постарался прикрыть грѣхи послѣдняго, а о народѣ, который представляетъ фундаментъ въ государствѣ онъ сказалъ очень мало.

Костомаровъ внесъ въ свои изысканія слишкомъ много чувства, слишкомъ много вниманія онъ обращалъ на изложеніе, придавая ему сплошь и рядомъ беллетристическую форму, но онъ не могъ исчер-

пать всей сущности исторіи, а главное уяснить значеніе центральной Россіи, такъ какъ, происходя съ окраины, онъ не могъ отрѣшиться отъ украинофильскихъ тенденцій.

Въ 29 томахъ исторіи С. М. Соловьева представлена съ крупною эрудицією почти вся фактическая исторія нашего отечества, но въ ней нѣтъ существеннаго, нѣтъ уясненія событій, установленія причинной зависимости, нѣтъ тщательнаго изслѣдованія условій жизни.

Вотъ краткая характеристика трехъ китовъ нашей исторической науки.

Василій Осиповичъ является историкомъ въ иномъ родѣ. Онъ выдвинулъ нивы общества—народъ, до котораго благородный и чистоплотный Карамзинъ побоялся дотронуться. Безстрастно, безъ особой антипатіи и симпатіи къ отдѣльнымъ личностямъ и сословіямъ, онъ слѣдитъ за жизнью всего русскаго народа, медленно, не спѣша, въ точныхъ краткихъ выраженіяхъ, безъ лишнихъ словъ указывая существенные и важные историческіе факторы.

У него нѣтъ ученаго аппарата во многихъ его произведеніяхъ, но вы не скажете, что не внимателенъ онъ къ своимъ предшественникамъ по изслѣдованіямъ или что онъ не видалъ какого-либо важнаго документа. Документальный, часто вполне соотвѣтствующій эпохѣ характеръ имѣютъ всѣ его выраженія въ его произведеніяхъ. Онъ не отрицаетъ значенія трудовъ его предшественниковъ, отдаетъ имъ достойную дань, но онъ дѣлаетъ то, что не сдѣлано тамъ. Предшественники его сложили ячѣйку соты, онъ въ нихъ вложилъ медъ; предшественники поставили вѣхи, а онъ проторилъ дорогу; предшественники рассказали о событіяхъ и дѣтеляхъ, а онъ уяснялъ причину событій и условія, подъ вліяніемъ которыхъ жили и дѣйствовали наши предки.

Не зачеркнулъ Василій Осиповичъ трудовъ своихъ предшественниковъ, не отнялъ у нихъ вѣнца славы, но занялъ среди нихъ особое мѣсто и надѣлъ на себя корону, равной которой еще не было.

Были у насъ до него историки, но не было философа-историка.

Значеніе его трудовъ, а особенно лекцій такъ велико, что трудно и раскрыть. Василія Осиповича многіе лично не знали, но знали

его лекціи, которыя появлялись въ гектографированныхъ и литографированныхъ изданіяхъ и ими зачитывались, часто съ большею осторожностью, чтобы кто-либо не замѣтилъ. Въ одно время лекціи были запретнымъ чтеніемъ. Пришлось ихъ издать подъ страднымъ заголовкомъ: „Лекціи по зоологiи“.

Въ настоящее время мы не нуждаемся въ нелегальныхъ изданіяхъ, тѣмъ больше, что отъ нихъ стрекся самъ Василій Осиповичъ и для читающей публики предложилъ печатное изданіе.

Василій Осиповичъ былъ очень скромнъ въ оцѣнкѣ своихъ произведеній: онъ себя любилъ называть человѣкомъ прошлаго вѣка, случайно попавшимъ въ нынѣшній, намекая этимъ на то, что современникамъ его произведенія не дадутъ удовлетворенія. Но мнѣ кажется, что за нимъ, при всей его скромности, обезпечено безсмертіе.

При жизни его мы его слушали, переслушивали и заслушивались; его произведенія читали, перечитывали и ими зачитывались.

Наступитъ время и близко уже оно, когда наши потомки будутъ его произведенія учить, переучивать и заучивать.

Николай Богородскій.

О Д А

Его Высокопревосходительству

Господину Генералу Аншефу, Двора Ея
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
дѣйствительному Камергеру, Сенатору и разныхъ ор-
деновъ кавалеру Вѣлорусскому Генераль-Губернатору

Петру Богдановичу
Пассеку

на посѣщеніе Полоцкаго Главнаго Народнаго училища при случившемся въ ономъ испытаніи 1789-го года
Декабря 7-го дня.

Читанная учительскъ Иваномъ Сокольскимъ.

* * *

О Градъ прекрасной Гориславы
Забудь бореевъ страшный ревъ!
Се правый мужъ, исполненъ славы
Суровость воздуха презревъ,
Приходить отъ зыбей Днепровыхъ
Тебѣ щедротъ явити новыхъ.
Приходить? нѣтъ; своей душой
Благой правдивыми дѣлами,
Какъ Фебъ блестящими лучами,
Онъ свѣтъ даетъ странѣ твоей.

* * *

О мужъ Монархиней избранный
Законъ Ея здѣсь сохранять
Позволь намъ свѣтъ твой несказанный
Стихами слабыми вѣщать!
Твоимъ мы блѣскомъ осіяны,
Позволь, да блага испосланы
Предъ соямищемъ симъ возгласимъ!
Впервые зранъ твой созерцая,
Позволь, да пѣснь провозглашая
Тѣмъ нашу искренность явимъ!

* * *

Чтобы доброты всѣ прославить
Являешь кои ты собой
Довлеетъ долгъ намъ твой представить.
Нещастныхъ прекратити вой,
Сиротъ отъ рукъ избавить сильныхъ
Подати бѣднымъ благъ обильныхъ,

Всѣ козни испровергнуть злыхъ,
Въ мѣстахъ блаженство сихъ устроить,
Судити, миловать, покоить,
Вотъ дѣло рукъ твоихъ благихъ!

* *

Изъ всѣхъ лучей тѣхъ свѣтозарныхъ,
Какія мечешь ты на насъ,
Изъ всѣхъ сіяній несказанныхъ,
Превыше всѣхъ есть правды гласъ,
Которымъ злость искореняешь,
Которымъ честность ободряешь
И коимъ къ щастію ведешь.
Твой судъ любезенъ для правдивыхъ;
Но гордыхъ, дерскихъ и кичливыхъ
Ты съ правымъ гнѣвомъ изженешь.

* *

Какъ новый свѣтъ завоевали
Не милостивою рукой,
Тамъ подчиненны трепетали,
И всякой оставляя домъ свой,
Бежавъ ужаснаго Тирана,
Которому власть дарованна
Подъ титломъ славнымъ суди.
Имъ видъ правителя ужасенъ.
Намъ кажется тотъ домъ прекрасенъ,
Стопы гдѣ шествуютъ твои.

* *

Съ какимъ восторгомъ ожидали
Въ сей градъ прихода твоего!
Мы часто взоры обращали
На южны страны для того.
Теперь приплы дни вожделенны.
О сколь мы Меценать блаженны

Твоимъ приходомъ въ здѣшній край
Среди боревъ мы жестокихъ
Средь мразовъ и снѣговъ глубокихъ
Въ присудствіи Твоемъ зримъ рай.

* * *

Се долговременно желая
Счастливымъ зрѣти твой приходъ,
Стеклися, дома оставляя,
У струй живущи Двинскихъ водъ.
Двина! Почто ты зракъ свой скрыла?
Почто ты мразамъ попустила
Явити силу на себѣ?
Иль зная Пассека ты ходы,
Свои сковала быстры воды,
Чтобъ шествовалъ онъ по тебѣ?

* * *

Въ Аепнахъ, чтобъ соблюсть законы,
Архонтовъ избрали къ тому,
А чтобъ судить имъ безъ препоны,
Раздали судъ по одному.
Иной былъ Алтарей рачитель,
Другой о сѣдрыхъ попечитель,
Иной въ смотреньи градъ имѣлъ,
Другой же управлялъ полками,
Сражаясь съ лютыми врагами
А иной у другихъ былъ дѣлъ.

* * *

Монархия страны Полвочной
Таланты многи зря въ тебѣ,
Чтобъ подданнымъ явить судъ точной,
Избрала, дабы въ сей странѣ
Единъ ты блюлъ Ея уставы
И судъ творилъ въ мѣстахъ сихъ правнѣ;

меня помѣщяку даннаго мѣ отъ Вашего Превосходительства предписанія на счетъ уступки мѣстности для памятника и домика, (которыя мною избраны на лѣвомъ берегу рѣки Лукомки, откуда дѣйствовали наши войска по дорогѣ, идя изъ мѣстечка Чашники на возвышенной покатоности къ рѣкѣ Лукомкѣ, показанное на чертежѣ подѣ монументомъ № 1, подѣ домикъ инвалида № 2;) въ отомѣвѣ своемъ ко мнѣ владѣлецъ объявилъ согласіе уступить таковыя безъ платежа денегъ навсегда съ тѣмъ чтобы сіи земли не считались казенными, но имѣнію его принадлежали; равно нужный матеріалъ для монумента, какой потребуется, данъ имъ будетъ, есть-ли Правительство приметъ; и особенно при ономъ монументѣ желаетъ выстроить достаточную караульню по приложенному рисунку, а для постоянного жительства инвалида полъ десятины земли отводить недалеко сего, въ деревнѣ Смольянцахъ, на которой иждивеніемъ казеннымъ устроить домикъ нужно.

Во вторыхъ Дриазинскаго уѣзда при станціи Клястицахъ, близъ которой протекаетъ рѣка Нища, на коей устроена была (: и нынѣ стоитъ:) мельничная плотина и мостъ черезъ оную, гдѣ (: по разспросамъ старожилыхъ людей:) при рейтирадѣ непріателемъ сожженъ былъ оный мостъ и мельница, по коему резервный батальонъ Павловскаго Гренадерскаго полка переходилъ на другую сторону рѣки Нищи.—Мѣстоположеніе сего мѣста находится въ лощинѣ, въ самомъ селеніи Клястицахъ, отдаленное немного отъ большого тракта; а возвышенность отъ онаго моста въ параллельномъ видѣ относится на пахотное поле и за отдаленностію таковой не можетъ никакого представить вида на большую почтовую дорогу для проѣзжающихъ; а по симъ невыгодамъ избрано мною мѣсто благовидное, въ томъ-же селеніи Клястицахъ; а именно: избралъ мѣсто для монумента напротивъ станціоннаго почтоваго дома по чертежу № 1-й, и тутъ-же при монументѣ для жительства инвалида домикъ подѣ № 2-мъ; отведенное ареадаторомъ и Главноуправляющимъ имѣніемъ Г-на Коллежскаго ассесора Сергѣя Павловича Убрія, дворяниномъ Касперомъ Снопковскимъ подѣ-полдесятины земли безъ вознагражденія за оную съ тѣмъ, чтобы оная земля не считалась казенною, но собственно принадлежала къ имѣнію его, Его вѣрителя.—Изъявивъ въ отомѣвѣ сво-

емъ усердіе истиннаго сына Отечества, жертвуя къ устроению памятника весь нужный матерьялъ и, буде правительство позволить, принимаетъ на себя обязанность на свой счетъ и изъ собственныхъ матерьяловъ выстроить для жительства инвалида домикъ, по данному фасаду съ прочими хозяйственными потребностями; просить, если можно помѣстить для караула инвалида, изъ числа имѣемыхъ по имѣнію вѣртеля его, съ знакомъ отличія заслуженныхъ нижнихъ чиновъ, уволенныхъ въ безсрочный отпускъ, а нѣкоторые въ совершенную отставку.

Въ третьемъ, при городѣ Полоцкѣ избрано мѣсто на пространствѣ къ сѣверу отъ стеченія дорогъ Санкт-Петербургской и идущей изъ г. Невеля на углу соединяющихся дорогъ и означено мѣсто по чертежу для памятника подъ № 1-мъ, а далѣе по тракту С.-Петербургскому въ той-же линіи съ монументомъ подъ № 2-мъ для домика инвалида, на землѣ, принадлежащей помѣщику, Полковнику Гласкѣ и по требованію моему, чрезъ Земскаго Исправника, объ уступкѣ земли таковой подъ памятникъ и домикъ для жительства инвалида, — Земскій Исправникъ далъ мнѣ знать, что полковника Гласки не находится дома, но мѣста подъ монументомъ и домика инвалида за долгъ и обязанность почтеть онъ, Гласко, отвесь навсегда безъ платежа.

Представляя у сего отъзвы Г.г. помѣщика Володковича; управляющаго, дворянина Снопковскаго, и Полоцкаго Земскаго Исправника Ленкѣвича, въ подлинникѣ, на благоуваженіе Вашего Превосходительства, равно и чертежи*) мѣстоположенія, гдѣ избраны мною мѣста для монументовъ и домика для жительства инвалидовъ, и особо приложенный регистръ цѣнамъ на матерьялы, которые могутъ быть приняты по всѣмъ пунктамъ, назначеннымъ къ управленію сихъ отечественныхъ памятниковъ одною цѣною.

Старшій Землемѣръ Николай Шмидтъ.

*) Чертежей мѣстности при Дѣлѣ не имѣется. М. М.

Лепельскаго уѣзда

Помѣщика

Володковича.

Февраля 13-го

1836-го года.

Имѣнія Смольяницы.

Старшему Землемѣру по Витебской Губерн-
ской Чертежной Г. Шмидту.

Съ полнымъ удовольствіемъ пречиталъ предъявленное мнѣ Вашимъ Благородіемъ предписаніе Г. Министра Финансовъ и Г. Гражданскаго Губернатора, въ коихъ изображена Высочайшая ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА воля, о сооруже- ніи чугунныхъ монументовъ на важнѣйшихъ пунктахъ сраженій, бывшихъ въ теченіе войны 1812-го года; въ числѣ семъ и при мѣ- стечкѣ Чашникахъ, на дорогѣ, идущей въ городъ Сѣнно, близъ рѣ- ки Лукомки, за которую былъ отброшенъ непріятель, неустраши- мостью нашихъ войскъ. Пунктъ достопамятнаго сего событія въ са- момъ моемъ имѣніи, называемое Смольяницы, по теченію руки Луком- ки, на лѣвомъ берегу, при стеченіи дорогъ, изъ городовъ Борисовъ, Сѣнно, и мѣстечекъ Бѣшенковичъ и Чашники, а потому воздвигнуть монументъ по приличію и благовидности можно на дорогѣ, идущей изъ Чашникъ въ городъ Сѣнно, надъ берегомъ Лукомки, не доѣзжая селенія моего Смольяницы, недалече корчмы, на возвышенномъ мѣ- стѣ. Приятнымъ долгомъ себѣ почитаю, если правительство позволитъ, принять участіе въ знакѣ памятника сей достохвальной побѣды по- несенной надъ непріателемъ обязываюсь отвести мѣсто безъ платежа денегъ подъ чугунный, имѣемый быть монументъ и нужный къ то- му матерьялъ отпустить безденежно, такъ равно и устроить досча- тую по сему рисунку кажульню для инвалида, временно въ ономъ пребывать могущаго; а для построения постояннаго домика оному ин- валиду, отведено отъ меня будетъ полъ-десятины земли при деревнѣ Смольяницахъ,—также безъ платежа съ тѣмъ, однако-жъ, что земля таковая принадлежать должна къ имѣнію моему, но не казенному вѣдомству, на которой домикъ и прочее застроеніе отъ казны отстро- ить должно будетъ; а я на себя, за неимѣніемъ лѣсныхъ дачъ при- нять не могу.

Помѣщикъ Лепельскаго уѣзда

Іосифъ Володковичъ.

Арендознаго
Владѣльца и Главно-
повѣреннаго имѣнія

Кляситцы

Г-на Боллежскаго
Ассесора Убрія.
Дворянина Каспара
Антова сына Сноп-
ковскаго.

Февраля „ „ дня,
1836-го года.

Имѣніе Кляситцы.

Старшему Землемѣру по Витебской Губерн-
ской Чертежной Господину Шмидту.

Предъявленное мнѣ Вашимъ Благородіемъ,
отъ Г-на Витебскаго Гражданскаго Губернатора
предписаніе въ копіи такового жъ Г-на Министра
Финансовъ, изъ которыхъ, усматривая что по
Высочайшей ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕ-
СТВА волѣ предположено на важнѣйшихъ пунк-
тахъ сраженій бывшихъ въ теченіи войны
1812-го года въ томъ числѣ по Витебской гу-
берніи четырехъ; изъ каковыхъ, первый дол-
женъ быть воздвигнуть, при деревнѣ Кляситцахъ, на возвышеніи,
близъ рѣки Нищи, съ котораго резервный батальонъ Павловскаго
Гренадерскаго полка двинулся къ мосту, зажженному неприятелями,
какое мѣстоположеніе при деревнѣ Кляситцѣ во владѣніи состоитъ
вѣрителя моего, Боллежскаго Ассесора Сергѣя Павловича Убрія и по
удостовереніи старожилыхъ людей мостъ сей состоитъ въ деревнѣ
Клястицахъ, а потому воздвигнуть монументъ таковой должно по
благовидности и приличію, при большой почтовой, тутъ же состоя-
щей дорогѣ, не далѣе почтовой станціи Кляситцы, при стеченіи до-
рогъ, идущихъ изъ города Невеля и Себежа въ Г. Полоцкъ, гдѣ въ
той-же деревнѣ Кляситцахъ можно выстроить домикъ для жительства
инвалида, и затѣмъ полъ-десятины земли безъ платежа аренды вѣри-
телю моему, съ тѣмъ, чтобы земля сія не считалась казенною, но къ
имѣнію вѣрителя моего принадлежала; въ прочемъ на счетъ выбора
мѣста предаю Вашему разсмотрѣнію, объявляя при томъ, что съ
усердія къ Царю и Отечеству, какъ вѣритель мой Боллежскій Ассе-
соръ Убрій, равно-же, пылая ревностію видѣть сей отечественный
памятникъ, воздвигнутый на землѣ вѣрителя моего въ знакъ непо-
бѣдимыхъ войскъ нашихъ, въ достопамятныхъ событіяхъ, въ 1812-мъ
году, если правительствомъ дозволено мнѣ будетъ, принять на себя
обязанность и пожертвованія, дать весь нужный къ сему памятнику
матерьялъ и, по прилагаемому у сего рисунку, или какой данъ бу-

дети выстроить на свой счет домикъ съ амбарчикомъ и позади хлѣвкомъ для жительства инвалида съ тѣмъ, дабы для караула онаго монумента инвалидъ былъ съ имѣнія моего вѣрителя изъ нижнихъ чиновъ, каковыя въ имѣніи ономъ со знаками отличія по службѣ находятся.

Гаспаръ Снопковскій.

Цѣны матеріаламъ нужнымъ къ устройенію Отечественныхъ памятниковъ на важнѣйшихъ пунктахъ бывшихъ въ 1812-мъ году сраженій по Витебской губерніи, именно при городахъ Витебску, Полоцку, мѣстечкѣ Чашникахъ и селеніи Блестяцахъ. Составлена 1836-го года.

Какіе матеріалы съ доставкою на мѣсто.	Руб.	Коп.
Бревенъ сосновыхъ толщиною отъ 4-хъ до 5 в. пог. саж.	1	—
Досокъ " " " 1-го до 2-хъ дм. пог. саж.	—	40
Дикаго камня кубическая сажень	40	—
Кирпича 1000	80	—
Извести негашеной четверть	7	50
Песку кубическая сажень	20	—
Глины	25	—
Моху возъ	—	60
Гонту копа	—	50
Гонталей копа	—	20
Пудъ желѣза въ мелкой обработкѣ	14	—
Полоснаго желѣза пудъ	6	—
Кузнецу въ день за работу	2	50
Плотнику	2	50
Столяру	3	—
Каменьщику или печнику	3	—
Чернорабочему въ день	1	—

Старшій Землемѣръ Николай Шмидтъ.

Полоцкаго
Земскаго
Исправника.

№ 123.

Февраля 18 дня,
1836-го года.

Витебской Губернской Чертежной Господину
Старшему Землемѣру Шмидту.

На отношеніе Вашего Высокоблагородія отъ 17-го сего февраля за № 12-мъ имѣю честь увѣдомить: что Помѣщикъ Г. Подполковникъ Августъ Глазко нынѣ отсутственъ изъ своего дома и изъ здѣшняго уѣзда; за прибытіемъ коего не премину взять отъѣздъ на счетъ уступки польдесятины земли подъ монументъ и домикъ—но какъ я увѣренъ о усерственности Г. Подполковника Гласки къ Престолу полагаю что охотно безъ платежа пожертвуетъ такое количество земли.

Исправникъ Ленкевичъ.

М. Ю.

Витебскаго
Губернскаго
Землемѣра.
№ 58.

Марта 11-го дня,
1836-го года.

Его Превосходительству
Господину Витебскому Гражданскому Губернатору Тайному Совѣтнику и Кавалеру Николаю Ивановичу Шредеру.

Рапортъ.

Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства отъ 12-го февраля сего года за № 249-мъ мнѣ даннаго о избраніи мѣста самаго благовиднаго и возвышеннаго, имѣющаго при томъ какъ можно болѣе открытый видъ изъ большой дороги и отъ города для сооруженія, по Высочайшей ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА волѣ, изображенной въ препровожденномъ ко мнѣ спискѣ съ отношенія Его Сіятельства Г. Министра Финансовъ къ Вашему Превосходительству, чугуннаго монумента на поворотѣ дороги, идущей изъ Лепеля въ Витебскъ, на коемъ войска наши опрокинули Превосходнаго въ силахъ непріятели въ теченіе войны 1812-го года составленіи плана тому мѣсту, съ подробнымъ объясненіемъ окрестныхъ мѣстъ, дорогъ и рѣкъ и присовокупленіемъ при томъ важнѣйшихъ свѣдѣній на счетъ матерьяловъ, мастеровыхъ и работниковъ, я по достовѣрномъ дознаніи отъ старожилыхъ витебскихъ обывателей и какъ мнѣ самому извѣстно достопамятное событіе

1812-го года вблизи Витебска, гдѣ войска наши опрокинули превосходнаго въ силахъ непріятеля, избралъ приличное мѣсто на сооруженіе онаго памятника и составилъ тому мѣсту планъ съ подробнымъ, на ономъ, поясненіемъ требуемыхъ свѣдѣній и въ которыхъ мѣстахъ остановились войска наши и непріятельскія, гдѣ и опрокинуты остались послѣднія, честь имѣю почтеннѣйше таковой на благоуваженіе Вашему Превосходительству представить, съ такимъ, по соображенію моему, присовокупленіемъ что хотя и слѣдовало-бы сказанный монументъ поставить на самомъ пунктѣ сраженія, гдѣ былъ опрокинутъ непріятель надъ рѣкой Лучесой, какъ видно на планѣ*) подѣ знакомъ, литерою № означенномъ; но какъ оное мѣсто находится отъ города и публичной дороги, и напротивъ при партикулярной дорогѣ, на которомъ не столько будетъ видѣнъ Монументъ, то я избралъ на сей предметъ мѣсто въ небольшомъ разстояніи, какъ отъ пункта сраженія, такъ и вблизи города Витебска, при шоссеиной дорогѣ чрезъ Витебскъ въ городъ Оршу, котораго показанъ знакъ подѣ литерою М. на землѣ имѣнія Лукишекъ, помѣщицы Степиковской.—и донести при томъ, что о сей землѣ я отнесся письмомъ февраля 28-го ч. за № 54, посредствомъ Витебскаго Земскаго Суда, къ заставному владѣльцу имѣнія того Боссову, но отвѣта еще не получилъ, касательно-же цѣны на матерьялы и прочее, согласно требованію Его Сіятельства Г. Министра Финансовъ, прилагаю при семъ вѣдомость, доставленную мнѣ изъ Витебской Городской Полиціи.

Губернскій Землемѣръ Антоновъ Мазалевскій.

Цѣны матерьяламъ, нужнымъ для постройки отечественнаго памятника при городѣ Витебскѣ. Составлено 1836-го года.

Какіе матерьялы съ доставкою на мѣсто.	Руб.	Бол.
Кирпича краснаго тысяча	30	—
„ желѣзняка	50	—
Песку кубичеткая сажень	13	—
Извести негашеной четверть	4	80

*) NB. Плана при дѣлѣ не имѣется. М. М.

	Руб.	Ков.
Плитняка въ продажѣ не имѣется, а въ лѣтнее время когда въ рѣкѣ Двинѣ уменьшится совершенно вода, то можно оной достать сажень	60	—
Глины чистой кубическая сажень	40	—
Дикаго камня кубич. саж. на мѣстѣ	30	—
И за доставку онаго въ разстояніи 1-й версты	30	—
Бревенъ еосновныхъ отъ 5-ти до 6-ти вершковъ погонная сажень	1	20
Бревенъ еловыхъ отъ 5-ти до 6-ти верш. погон. саж.	1	—
Досокъ еловыхъ отъ 5-ти до 6-ти верш. погон. саж.	—	55
Мошу возъ	—	60
Гонту копа	—	50
Гонталей копа	—	14
Пудъ желѣза въ мелкой обработкѣ	12	—
Пудъ полоснаго желѣза	5	25
Бузнецу въ день за работу	3	75
Плотнику	3	—
Чернорабочему	1	20
Столяру	3	75
Каменьщику или печнику	3	50

Полицеймейстеръ Гриневъ.

Г. Полоцкому Земскому Исправнику.

20-го марта, 1886-го года.

Старшій, по Витебской Губернской Чертежной, Землемѣръ Шмидтъ, представляя мнѣ при рапортѣ отъ 8-го сего марта планъ избранному имъ мѣсту для построенія вблизи города Полоцка монумента, въ память 1812-го года, присовокупилъ, что по ненахожденію во время бытности его въ Полоцкѣ, Помѣщика, подполковника Гласки, въ имѣніи коего предполагается такое устройство, въ домѣ; не могъ онъ, землемѣръ, взять отъ Г-на Гласки отъзвѣна на счетъ уступки съ поль-десятины земли для памятника и караульни.

Поручаю В. Высокоблагородію истребовать отъ Г. Подполковника Гласки отъзвѣна: согласенъ-ли онъ уступить для изъясненной надобно-

сти полъ-десятины земля въ извѣстномъ Вамъ мѣстѣ, или потребу-
еть за то платы и сколько именно и таковой мнѣ представить неу-
коснительно.

М. Ю.

Витебскаго
Губернскаго
Землемѣра
№ 69

Марта 20-го дня
1836-го года.

Исправляющему должность Гражданскаго
Губернатора Господину Вице-Губернатору и Кавале-
ру.

Рапортъ.

Вслѣдствіе предписанія Г. Витебскаго Граж-
данскаго Губернатора, о назначеніи мѣсть подъ
постройку чугунныхъ монументовъ на главныхъ пунктахъ бывшаго
сраженія 1812-го года, согласно Высочайшей волѣ Государя Им-
ператора, я объ уступкѣ мѣста, принадлежащаго къ имѣнію, Лукиш-
камъ, относился къ Помѣщику Титулярному Совѣтнику Вацлаву Кос-
сову отъ 28-го истекшаго февраля и потомъ требовалъ его отвѣта
посредствомъ здѣшняго Земскаго Суда отъ 11 го сего марта; но не
получая и по сіе время отъ Г. Коссова отвѣта, кромѣ росписки въ
пріемѣ имъ перваго моего конверта, не могу исполнить предписанія
Г. Гражданскаго Губернатора, требуемаго скорѣйшаго дѣйствія.

Почему Ваше Высокоблагородіе покорнѣйше прошу предпринять свои
мѣры, дабы помѣщикъ Коссовъ немедленно меня увѣдомилъ, ибо за
нимъ остается неисполненнымъ дѣло, проиаводящееся по Высочайше-
му повелѣнію.

Губернскій Землемѣръ Антонъ Мазалевскій.

Его Высокоблагородію Господину Витебскому Губернскому Земле-
мѣру Мазалевскому.

Заставного владѣльца имѣнія Лукишекъ, По-
мѣщика Титулярнаго Совѣтника и Кавалера
Вацлава Коссова.

Донесеніе.

Ваше Высокоблагородіе благоволите требовать отъ меня, дабы
я безденежно или съ означеніемъ цѣны за деньги согласился усту-

пять участокъ земли изъ 1200 квадратныхъ сажени, состоящій по шоссеиной дорогѣ близъ города Витебска для сооруженія по Высочайшей волѣ Памятника какъ на пунктѣ бывшаго въ 1812-го году достопамятнаго побѣдоносныхъ войскъ нашихъ сраженія.

Я, зная важность такового Вашего Высокоблагородія, ко мнѣ учиненнаго отзыва охотно-бы и безденежно согласился-бы уступить въ предположеніи Вашемъ сей маловажный для такой великой въ Потомствѣ памяти участокъ земли, ежели-бы имѣнія Лукишекъ и земель окрестныхъ около города Витебска былъ я настоящимъ вѣчнымъ владѣльцемъ, но какъ таковое имѣніе и земля состоятъ только въ заставномъ моемъ владѣніи и я не вправѣ желаемое мною въ таковомъ, требуемомъ предметѣ сдѣлать пожертвованіе, то благоволите отнести о семъ къ настоящей владѣтельница Г-жѣ, изъ князей, Любомірской Стемповской, имѣющей постояннае жительство Кіевской губерніи Овручскаго уѣзда, въ имѣнія своемъ Волчковъ, или ея повѣренному супругу Ея Г-ну Стемповскому, въ Могилевской губерніи въ имѣніе Сѣрокорощню.

Вацлавъ Коссовъ.

Марта. 18-го дня;

1836-го года.

№ 478.

15-го Апрѣля,

1836-го года.

Г. Министру Финансовъ.

Почтеннѣшее предписаніе Вашего Сіятельства отъ 31-го Генваря с. г., относительно сооруженія по Высочайшему ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнію въ Витебской губерніи четырехъ монументовъ, я имѣлъ честь получить 7-го февраля; и тогда-же предписалъ Витебскому Губернскому и Старшему по Чертежной Землемѣрамъ отправиться на мѣста, гдѣ предположено устроить таковыя; первому при городѣ Витебскѣ, а послѣднему въ остальные три пункта, возложивъ на нихъ во 1-хъ снять на планъ мѣста и самыя окрестности, на коихъ означенные монументы должны быть поставлены; во 2-хъ открыть способы, посредствомъ коихъ дешевѣйшими цѣнами можно получить съ доставкой на мѣста нужные матерьялы, какъ для фундаментовъ, такъ и для предполагаемаго при каждомъ, особаго домика для жительства инвалида и въ 3-хъ, войти

въ сношаніе съ владѣльцами объ услугѣхъ нужнаго для сей надобности въ каждомъ мѣстѣ небольшого участка земли.

Чиновники оны исполнили такое порученіе мое, при донесеніяхъ за №№ 23-мъ и 28-мъ въ копіяхъ при семъ прилагаемыхъ представили ко мнѣ: планы мѣстамъ и окрестностямъ оныхъ, на которыхъ предположено поставить вышеозначенные монументы, справки о цѣнахъ на матерьялы, какіе для сихъ работъ необходимы и фасады домшкамъ, имѣющимъ построиться жительства инвалидовъ. Изъ бумагъ сихъ, Ваше Сіятельство благоусмотрѣть изволите, что помѣщикъ Володковичъ и Главноуправляющій помѣщика Убри, дворянинъ Снопковскій, на землѣ коихъ предположено поставить первые два монумента, безъ всякаго возмездія уступаютъ нужное для сей надобности количество земли съ тѣмъ только, чтобы оная не называлась казенною, но принадлежала къ ихъ имѣнію; и со всею готовностію принимаютъ на себя также бесплатно доставить нужный для фундамента подъ памятникъ матерьялъ и построить собственнымъ коштомъ домики для инвалидовъ по прилагаемому при семъ фасаду. Крімъ того Г. Володковичъ жертвуетъ полъ-десятины земли на огородъ для инвалида, а дворянинъ Снопковскій проситъ, если можно помѣстить въ Омотртели къ монументу изъ числа находящихся въ имѣніи Коллежскаго Ассесора Убри заслуженныхъ и украшенныхъ знаками отличія нижнихъ военныхъ чиновъ, уволенныхъ въ безсрочный отпускъ, или совершенно въ отставку.

Что же касается до участка земли, на которыхъ должны быть поставлены близъ г. Полоцка и Витебска монументы, то хотя отъ владѣльца первой, помѣщика, подполковника Гласки, за отлучкою его изъ губерніи не истребовано еще свѣдѣнія, но по увѣренію мѣстнаго земскаго исправника, чиновникъ сей за особенное для сего удовольствіе почтетъ уступить нужный участокъ земли подъ монументъ и домикъ для инвалида, навсегда бесплатно; а монументъ, предполагаемый къ сооруженію близъ Витебска, долженъ быть построенъ на землѣ помѣщика Стемпковскаго; но, какъ онъ имѣетъ постоянное жительство въ другихъ помѣстьяхъ, то по прибытіи его сюда, ожидаемаго въ скоромъ времени, отобрано будетъ и отъ него

нужное на счет уступки земли при г. Витебскѣ для сего предмета свѣдѣніе.

Доносъ о всемъ вышечисанномъ Вашему Сіятельству и подносъ у сего планы мѣстности съ пунктами, назначенными для возведенія монументовъ, а также справку о цѣнахъ на метерьялы и кромѣ караульными домиками, на благоразсмотрѣніе и разрѣшеніе, я долгомъ считаю присовокупить при семъ, что въ обоихъ сихъ городахъ, какъ явствуетъ изъ исторіи войны 1812-го года и свѣжей памяти мѣстныхъ жителей, происходили весьма кровопролитныя битвы, окончившіяся на мѣстахъ, въ Высочайшемъ повелѣніи упомянутыхъ, и на планахъ земли показанныхъ, что мѣста сіи, хотя въ близкомъ разстояніи обоихъ городовъ, но въ такихъ пунктахъ, что весьма немногими могутъ быть замѣчены; а тѣмъ самымъ останутся для многихъ въ безъизвѣстности; и посему простиительно желать, чтобы памятники доблестей Русскихъ Воиновъ и достопамятной войны 1812-го года, сооружаемые въ честь участвовавшихъ въ оной и во славу Россіи, сколь возможно, въ особенности въ семъ краю, сдѣлались извѣстными юношеству, готовящемуся къ службѣ, то я полагаю-бы устроить въ самомъ городѣ Полоцкѣ на площади, предъ кадетскимъ корпусомъ, гдѣ понынѣ еще отрываются обломки гранатъ и гдѣ одно ядро въ самой стѣнѣ*) бывшего Іезуитскаго монастыря, обращеннаго нынѣ въ кадетскій корпусъ, служить неоспоримымъ доказательствомъ бывшего тамъ сраженія. А въ Витебскѣ также соорудить таковой на большой площади передъ почтовой станціей, служащей плацъ-параднымъ мѣстомъ для квартирующихъ войскъ. Издержки на сооруженіе фундаментовъ для сихъ двухъ памятниковъ съ усердіемъ обыватели сихъ городовъ примутъ на себя, а въ построеніи домиковъ для инвалидовъ при сихъ монументахъ не будетъ уже настоять надобность, ибо они могутъ быть охраняемы мѣстными Городскими Полиціями.

Въ сему предположенію моему имѣю честь представить для усмотрѣнія и скопировку Городскихъ площадей въ Полоцкѣ и Витебскѣ.

*) Ядро 1812-го года и понынѣ сохранено въ стѣнѣ Полоцкаго корпуса, въ коридорѣ, противъ окна, черезъ которое оно ворвалось. Ядро обрамлено мѣдной полосою съ отмѣткой „1812-го года“. — 8/VI—1911 года. М. М.

Г. Министру Финансовъ.

20-го Апрѣля,
1886-го года.
№ 506.

Слѣдующія къ донесенію моему отъ 15-го
Апрѣля за № 478-мъ Отчеты о цѣнахъ на ма-
терьялы для сооруженія монументовъ въ память
1812-го года, имѣю честь представить при семъ Вашему Снатель-
ству.

Господину Витебскому Гражданскому Губернатору, Тайному Со-
вѣтнику и Кавалеру.

Полоцкого Земскаго

Репортъ.

Исправника.

№ 300.

Апрѣля 18-го дня.
1886-го года.

Г. Полотскъ.

Исправляющій должность Вашего Превосхо-
дительства, Господинъ Вице-Губернаторъ и Ка-
валеръ предложеніемъ отъ 20-го марта за
№ 381-мъ, предписать мнѣ изволивъ вытребовать
отъ Г-на Подполковника Гласки отзывъ, на уступъ
полдесятины земли близъ города Полотска отъ имѣнія его для по-
строенія монумента въ Память 1812-го года. Вслѣствие чего, за при-
бытіемъ его, Подполковника Гласки въ имѣніе свое, вытребованный
отъ него отзывъ, при семъ честь имѣю почтеннѣйше на благоуваже-
ніе Вашего Превосходительства представить.

Земскій Исправникъ Ленкевичъ.

Г. Министру Финансовъ.

Апрѣля 30-го,
1886-го года.
№ 568-й.

Въ дополненіе донесенія моего отъ 15-го
Апрѣля за № 478-мъ имѣю честь представить
при семъ отзывъ*) Полотскаго уѣзда помѣщика
Подполковника Гласки о согласіи его на уступку бесплатно полдеса-
тины земли для построенія монумента въ память 1812-го года.

*) Копія съ отзыва Подполковника, помѣщика Гласки при дѣлѣ не имѣется.

Входящій № 817.

Къ свѣдѣнію. Получ. мая 15/1886.

Министерство

Финансовъ.

Банцелярія.

Отдѣленіе 1.

Столъ 4.

11-го Маія 1886.

№ 2086.

Объ оказаніи содѣйствія отправленному для избранія мѣстъ подь памятники войны 1812-го года, Г. Подполковнику Яковлеву.

Господину Витебскому Гражданскому Губернатору.

Вашему Превосходительству извѣстно изъ отношенія моего отъ 31-го прошедшаго Генваря за № 546-мъ что по Высочайшему ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА повелѣнію, предполагается соорудить чугунные монументы на важнѣйшихъ пунктахъ сраженій, бывшихъ въ теченіе войны 1812-го года, и между прочимъ четыре такихъ Витебской губерніи: одинъ Дрисскаго уѣзда при деревнѣ Блястцахъ, другой при городѣ Полоцкѣ, третій Лепельскаго уѣзда при мѣстечкѣ Чашникахъ и четвертый близъ города Витебска; для избранія же для сего на предположенныхъ мѣстахъ приличнѣйшихъ пунктовъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, командированъ нынѣ Генеральнаго штаба Г. Подполковникъ Яковлевъ. Снабдивъ на сей конецъ Г. Яковлева надлежащимъ наставленіемъ, я съ тѣмъ вмѣстѣ обращаюсь къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою оказать въ нужныхъ случаяхъ сему штабъ-офицеру, по возложенному на него порученію, всякое, возможное съ Вашей стороны, содѣйствіе и пособіе, давъ на сей конецъ приказаніе Градскимъ и Земскимъ Полиціямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ сооруженіе памятниковъ предназначается.

Министръ Финансовъ

Генераль отъ Инфантеріи Гр. Канкринъ.

Директоръ Княжевичъ.

Полиціямъ:

Городскимъ:

Витебской № 790.

Полоцкой „ 792.

Земскимъ:

Витебской № 791.

Полоцкій „ 793.

Лепельской „ 795.

Дриссенской „ 794.

25-мая 1886-го года.

По Высочайшему повелѣнію предполагается соорудить чугунные монументы на важнѣйшихъ пунктахъ сраженій, бывшихъ въ теченіи войны 1812-го года и между прочимъ одинъ изъ таковыхъ при... (**здѣсь прописать о мѣстѣ**) для избранія въ семь случаевъ на предложенныхъ мѣстахъ приличнѣйшихъ пунктовъ съ Высочайшаго-же Его Величества разрѣшенія командированъ нынѣ Генеральнаго Штаба Г. Подполковникъ Яковлевъ.

Получивъ о семь отъ Г. министра финансовъ увѣдомленіе, я предписываю оной Полиціи (**или Земскому Суду**) по прибытіи Г. Подполковника Яковлева и обращенія съ какими либо требованіями къ вамъ, относящимися къ возложенному на него порученію, исполненія оныхъ со всевозможною скоростію и удовлетворительностію, а мнѣ о послѣдствіяхъ донести въ тоже время.

Черновая.

Г. г. Полицеймейстерамъ:

Витебскому 954; Полотскому 953.

Земск. Исправникамъ:

Ленельскому 955; и Дриссенскому 956.

3-го Іюня; 1836-го г.—Командированный по Высочайшему повелѣнію для избранія мѣстъ подъ по строеніе монументовъ въ память отечественной войны 1812-го года, Генеральнаго Штаба Подполковникъ Яковлевъ, отъ 18-го сего іюня увѣдомилъ меня, что опредѣлено имъ для изъясненнаго предмета, далѣе (**прописать изъ отношенія**) которое—указано имъ Подполковникомъ и поставленъ тамъ деревянный знакъ, обкопанный землею съ дерномъ.

Предписываю Вашему Высокоблагородію упомянутый знакъ, впредь до постановленія тамъ монумента принять въ вѣдѣніе Полиціи для наблюденія за совершенною цѣлостію.

Господину Витебскому Гражданскому Губернатору.

Во исполненіе извѣстной Вашему Превосходительству Высочайшей воли, избралъ я мѣста и поставилъ на нихъ знаки для точнѣйшаго опредѣленія тѣхъ пунктовъ, на коихъ предполагается воздвигнуть памятники въ воспоминаніе Отечественной Войны 1812-го года.

Первое мѣсто избрано въ самомъ городѣ Витебскѣ, на площадкѣ противъ почтоваго двора и показано Г. Полицеймейстеру города.

Второе въ городѣ Полотскѣ на площади противъ собора и кадетскаго корпуса. Мѣсто сіе показано Г. Полицеймейстеру города, равно какъ и первое.

Третье, выѣхавъ изъ города, въ самомъ развалѣ дорогъ, идущихъ на С. Петербургъ и г. Невель, посрединѣ французскаго редута.

Четвертое, близъ м. Чашниковъ, вѣдучи оттуда во дворъ Смольяницы, на правой рукѣ отъ дороги, въ 7-ми саженьяхъ отъ нея; не переходя ручья. Мѣсто показано Управляющему имѣніемъ Смольянами Г. Володковича, Б. О Михайловскому, писарю того-же имѣнія А. М. Борсаку и пятисотскому въ Чашникахъ, Константину Лозовскому.

Пятое мѣсто избрано при селѣ Клясицахъ на высотѣ, близъ Уніатской церкви и показано Уніатскому священнику Дементію Коношевскому; Управителю имѣнія Г-на Убри О. С. Чижевскому и сотскому Франкѣ Бурачевскому. На всѣхъ этихъ мѣстахъ поставлены бревна; въ деревняхъ длинныя, а въ городахъ не высокіе обрубки и обсыпаны землей и одѣты дерномъ.

Довода о семъ до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, прошу предписать Земской Полиціи тѣхъ мѣсть, равно какъ и Г. г. Полицеймейстерамъ Г. г. Витебска и Полотска принять сіи Знаки въ свое вѣдѣніе и наблюденіе впредь до постановленія на нихъ памятниковъ.

За бревна и работу въ селеніяхъ мною заплачено, сходно съ требованіемъ крестьянъ.

Генеральнаго Штаба

Полковникъ Яковлевъ 6-й.

№ 145

18-го Іюня; 1836.

Г. Вильно.

Витебскаго
Полицеймейстера.

№ 740.

Іюня, 5-го Дня;
1836-го года.

Витебскому Господину Гражданскому
Губернатору и Кавалеру.

Рапортъ.

Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства отъ 3-го сего Іюня за № 954-мъ послѣдовавшаго, честь имѣю почтеннѣйше донести, что для наблюденія въ цѣлости избраннаго Полковникомъ

Яковлевымъ мѣста подѣ построение монументовъ въ память Отечественной войны 1812-го года на площади, противъ почтоваго двора, гдѣ поставленъ деревянный знакъ, обкопанный землей и дерномъ, и предписалъ первой части города.

За Полицеймейстера Частный Приставъ Масленицкій.

*) Копія документовъ извлечены изъ Архива 9 июня 1911 г. *М. Мельникова.*

*) Аналогичное Дѣло: „О сооруженіи монумента въ Смоленскѣ въ память 1812-го года“ извлечено мной изъ Вит. Губ. Архива 20-го іюля 1911 года. Оно пре-
провождено Смоленской Ученой Архивной Коммиссіи, въ копіи. *М. М.*

МАТЕРІАЛЫ

для исторіи Отечественной Войны 1812 года,
извлеченные изъ Витебскаго Губернскаго
Архива.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ трудѣ моемъ по Витебскому Губернскому Архиву я привожу цѣликомъ Высочайшій Манифестъ и Указы; предписанія Бѣлорусскаго Военнаго Губернатора, герцога Александра Виртембергскаго; я пишу выборки изъ Сенатскихъ указовъ и помѣщаю протоколы по дѣлу вѣсколькихъ военноплѣнныхъ.

Маршруты войскъ мною взяты изъ рапортовъ Городничихъ, Нижнихъ Земскихъ Судовъ и Полицеймейстеровъ. Изъ экономіи мѣста рапорты напечатаны петитомъ и съ сокращеніями, ввиду однообразія ихъ формы. Съ цѣлію избѣжать повторенія формальной стороны актовъ—„постановленія резо-
„слать указы: г.г. губернаторамъ, повѣтовымъ маршаламъ,
„магистратамъ, городничимъ обще съ Думами, городскимъ и
„земскимъ полиціямъ, Нижнимъ Земскимъ Судамъ, ключъ-вой-
„тамъ, а министрамъ, Сенату и Синоду дать о нихъ вѣдѣнія“. Эту обычную форму предписаній я совершенно опускаю.

При приведеніи мною актовъ полностью я нашла не лишнимъ помѣстить и подписи лицъ, скрѣпившихъ ихъ; быть

можесть потомки героевъ, или же скромныхъ участниковъ жизни отшедшаго отъ насъ столѣтія поинтересуются дѣлами своихъ предковъ и порадуются имъ, вспоминая ту пользу, которую они по мѣрѣ силъ несли своему отечеству. Всѣ дѣла инженерныхъ работъ, касающихся улучшенія путей сообщенія: шоссеиныхъ дорогъ и рѣчныхъ или другихъ водныхъ переправъ, я нашла возможнымъ исключить. Распоряженія о нихъ относятся къ 1811-му и даже 1810-му году и служатъ лишь свидѣтельствомъ того, что работы эти, будучи окончены къ 1812-му году, до известной степени гарантировали свободное и легкое передвиженіе войскъ, командъ, провіанта и раненыхъ въ послѣдующее военное время. Всѣ эти дѣла собраны въ одной 16-й связкѣ и всѣ ограничиваются приглашеніемъ инженеровъ и посылкой рабочихъ къ Ригѣ по Динабургскому тракту. Заботы о путяхъ сообщенія даютъ поводъ думать, что многія неисправности и замедленія въ исполненіи указовъ и мѣстныхъ предписаній происходили не отъ дурныхъ дорогъ, а отъ другихъ причинъ, неизбѣжныхъ при такомъ исключительномъ положеніи губерніи, какъ перенютивъ встрѣтиться съ полчищами непріателя.

Психологическая же сторона губерніи Витебской 1812-го года несомнѣнно обрисовывается достаточно ярко изъ изложеннаго мною ниже.

Дѣйствительный Членъ Витебской

Ученой Архивной Комиссіи *М. Мельникова.*

16 Марта 1911 г.

Витебскъ.

Витебскій Туберкскій Архивъ.

1812-ый годъ.

Дѣла, касающіяся нашествія непріятели. —
Докладъ Общему Собранію Витебской Ученой
Архивной Комиссіи.

Ч А С Т Ъ I-ая.

Дѣла великой эпохи Русской земли 1812 года сохранились только въ бумагахъ Губернскаго Правленія. Между ними попадаются и дѣла по дворянской опеке и указы административные магистратамъ и земскимъ судамъ, но есть и указы, вызванные исключительно военнымъ временемъ...

Такъ какъ цѣлью моего труда была реставрація въ памяти соотечественниковъ и мѣстныхъ обывателей моментовъ надвигавшагося столкновенія мирнаго жителя съ грознымъ врагомъ, то и выборки, сдѣланныя мною, должны отвѣчать исключительно этому назначенію.

Я считаю необходимымъ доложить тѣмъ членамъ Архивной Комиссіи, которые поинтересовались бы прочесть подлинныя документы, что порядкомъ записи ихъ руководиться трудно. Всѣхъ связокъ 1812 года 16-ть, *) но хронологическое расположеніе дѣлъ ихъ, въ общемъ, хотя и соответствуетъ об-

*) Много дѣлъ Витебскаго Архива расхищено французами; объ этомъ смотрѣть: часть III-ья, „Дѣла объ Архивѣ“.

ратному повышенію ихъ нумераціи, въ деталяхъ же №№ перешнаны; есть между ними утраченные, есть и повторные. Сохранились всё они для такого давняго времени превосходно и неразборчивыхъ почерковъ попадаетъ очень немного.

Это все, что касается внѣшности. По содержанию своему свѣдѣнія шестнадцати связей въ указахъ для войскъ, прямыхъ распоряженій по передвиженію войскъ не даютъ. Распоряженія сводятся къ поставкамъ провіанта; къ набору рекрутъ; доставкѣ лошадей и одно дѣло (св. 4-я д. № 169) о назначеніи новыхъ почтовыхъ трактовъ и дѣла объ ополченіи.

По обширности районовъ, на которые простирались Высочайшіе указы, дѣла раздѣляются на общія, каковы назначенія главнокомандующихъ и министровъ и частныя, т. е. мѣстныя, города Витебска и Витебской губерніи.

Изъ общихъ указовъ первое мѣсто, безъ сомнѣнія, надо отвести Высочайшему Манифесту. Несмотря на то, что Манифестъ 12-го года общензвѣстенъ, я должна на него обратить вниманіе, какъ на документъ, данный 6-го Іюля 1812-го года въ лагерѣ подъ городомъ Полоцкомъ; слѣдовательно имѣющій важное значеніе для Витебской губерніи. Онъ помѣщенъ въ 5-ой связкѣ за № 373-мъ

„дѣло озаглавлено такъ: (Полная копія). „По указу Правительствующаго Сената—съ экземплярами о сборѣ внутри Государства новыхъ силъ, которыя составляютъ вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и защиту храмовъ и о протчемъ. 4-го октября, 1812-го года.

На 2-хъ листахъ.

Какъ видно, помѣчено дѣло въ Губери. Витебскомъ Правленіи Октябремъ 4-мъ; обложка его очень потертая и грязная. 4-й Октябрь, день поступленія бумаги изъ Сената; доказатель-

ство того, что за неприятельскими войсками Высочайшій указъ въ Витебскѣ не пошелъ во время.

Далѣе идетъ: Листъ 1-й.

№ 219.—4-е окт. 1812-го года.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго изъ Правительствующаго Сената Витебскому Губернскому Правленію.

Правительствующій Сенатъ слушалъ Высочайшій Его Величества **Манифестъ**, состоявшійся въ 6-й день сего Іюля—**О СВОРЪ** внутри Государства новыхъ силъ, которыя составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и защиту **домовъ, жонъ и дѣтей каждого и всѣхъ сословій** состояній духовныхъ и мірскихъ общимъ ополченіемъ содѣйствовать къ **отраженію непріятеля**, съ предоставленіемъ для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ—во всѣхъ губерніяхъ дворянству—сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными.

Приказали: сей Высочайшій Е. И. Вел. Манифестъ объявить всенародно, для чего напечатать въ сенатской типографіи подробное онаго число экземпляровъ и разослать съ нарочными курьерами къ гражданскимъ губернаторамъ во всѣ Губернскія Правленія предписать имъ, чтобы содѣйствовали всѣми зависящими отъ мѣстнаго начальства способами къ немедленному приведенію въ исполненіе изъявленной въ томъ манифестѣ Высочайшей Его Императорскаго Величества воли и о томъ къ Губернаторамъ и въ Правленія съ приложеніемъ таковыхъ экземпляровъ послать указы, каковыя экземпляры при указахъ же для исполненія и свѣдѣвія разослать городничимъ и полиціямъ. Помянутыхъ же манифестовъ, прилагается при семъ сто экземпляровъ: (Іюля 10-го дня, 1812-го года).

Подлинный подписали: Оберъ-Секретарь Ілья Федоровъ; секретарь Хоржевскій; Повытчикъ Голядухинъ.

По 1-му департаменту.

Докладывано: 18-го Генваря, 1813 года.

Дата $\frac{18}{1813}$ новое указаніе на запозданіе доклада уже самому Губернскому Витебскому Правленію.

Манифестъ 1812-го года.

Второй листъ (2-ой) занять уже самимъ манифестомъ въ печатномъ „приложеніи“.

Божію Милостію
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ
Императоръ, Самодержецъ Всероссійскій
и прочая и прочая и прочая.

Непріятель вступилъ въ предѣлы НАШИ и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазномъ потрепать спокойствіе Великой сей Державы.—Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и мстію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. МЫ, призвавъ на помощь Бога, постановляемъ въ преграду ему войска НАШИ, кипящія мужествомъ поправить, опрокинуть его и то, что останется неистребленнаго, согнать съ лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду; но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разодержавныя силы велики и что отважность его требуетъ неуспянаго противъ нея бодрствованія.—Сего ради при всей твердой надеждѣ на храброе НАШЕ воинство полагаемъ МЫ за необходимо нужное собрать внутри Государства новыя силы, которыя нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

МЫ уже воззвали къ первопрестольному Граду НАШЕМУ, Москвѣ, а нынѣ вызываемъ ко всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданцымъ, ко всѣмъ сословіямъ, состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ НАМИ единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній.—Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ.—Да встрѣтитъ онъ 1) въ каждомъ дворянинѣ Дожарскаго; 2) въ каждомъ духовномъ Палицына; 3) въ каждомъ гражданѣ Минина.

Благородное дворянское сословіе! Ты во всё времена было Спасителемъ Отечества; Святѣйшій Синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали Благодать на славу Россіи; народъ Русской! Храброе потомство храбрыхъ Славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ; со крестомъ въ сердцѣхъ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

Для первоначальнаго составленія предназначенныхъ силъ предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ Главный надъ всѣми предводитель.

Въ лагерѣ близъ Полоцка; 1812-го года. Іюля, 6-го дня.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

М. П.
Мѣсто печати.

Печатанъ въ С.-Петербургѣ при Сенатѣ.—
Іюля 10-го 1812 года.

О томъ, что указы изъ Сената и мѣстныя инструкции не доходили по мѣсту назначенія своего къ указанному сроку и что препятствіемъ въ тому была близость непріятельскихъ войскъ, видно изъ слѣдующихъ дѣлъ уже спеціально мѣстнаго значенія.—(Связка 2-ая, дѣло № 79).

Вѣнгерусскій военный губернаторъ Его Королевское Высочество герцогъ Александръ Виртембергскій въ отношеніи своемъ отъ 4-го Іюля 1812-го года извѣстилъ гражданскаго губернатора, что „Его Императорское Величество позволялъ ему находиться при арміи, нынѣ „расположенной къ военному дѣйствию, въ свитѣ Его Величества, на „такомъ же положеніи, какъ позволено и принцу Ольденбургскому „съ сохраненіемъ начальственнаго управленія въѣренными ему губерніями“.